

Харкурт
Альджеранов

Анна **ПАВЛОВА**

Десять лет из жизни
звезды русского балета

Harcourt Algeranoff

MY YEARS
WITH PAVLOVA

Харкерт Альджеранов

Анна
ПАВЛОВА

Десять лет из жизни
звезды русского балета

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

ББК 85.335.42
А56

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
встречается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Альджеранов Х.

А56 Анна Павлова. Десять лет из жизни звезды русского балета / Пер. с англ. И.Э. Балод. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 287 с.

ISBN 5-9524-2095-8

Известный английский танцовщик Харкерт Альджеранов, выступавший с Анной Павловой на одной сцене, вспоминает о десяти последних годах жизни великой балерины, о шедеврах, на которые она вдохновляла композиторов и балетмейстеров, о том, какой божественная Анна была в жизни. Альджеранов рассказывает о ее труппе и совместных гастролях по странам Европы, Америки и Азии.

ББК 85.335.42

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ISBN 5-9524-2095-8

Давайте больше танцевать и постараемся обрести больше красоты в танце так же, как и в жизни. Истинный художник — танцует ли он или делает нечто иное — всегда стремится к красоте. Так давайте же станем миром истинных художников, как становимся миром танцовщиков, поскольку, заменяя уродство красотой как в видимых изображениях, так и в неосязаемых областях, мы понемногу приближаемся к счастью и совершенству.

Анна Павлова

Глава 1 НАЧАЛО

1920-е годы, последнее десятилетие жизни Павловой и начало моей профессиональной деятельности, не кажутся очень далекими.

Тому, кто не был свидетелем павловского сезона в Лондоне, трудно себе представить, каким событием стали ее выступления.

Лето 1921 года в Лондоне было чрезвычайно жарким. Все мужчины носили соломенные шляпы, но очень немногие осмелились снять пиджаки. Казалось, это время не подходило для посещений театра, и тем не менее тогда с большим успехом проходили гастроли Русского балета Дягилева, а в «Куинз-Холл» на Верхней Риджент-стрит перед еще более восторженной и эмоциональной публикой выступала Анна Павлова со своей труппой. Столь милый сердцу постоянных посетителей концертов «Куинз-Холл», который мне хотелось бы видеть перестроенным, не очень подходил для балета, так же как ныне «Фестивал-Холл», и все же, когда Павлова реши-

ла танцевать там со своей труппой, он оказался заполненным до отказа. На сцене не было ни занавеса, ни каких-либо декораций; только сзади и по бокам платформы в конце зеленого и золотого овала зала свешивались драпировки. Предметом особой гордости патронов галереи была чрезвычайно большая длина балкона — никогда ни до, ни после зрители не имели возможности видеть балетный спектакль столь близко от сцены; казалось, они могли протянуть руку и коснуться своих любимых артистов; особый трепет возникал, когда удавалось увидеть в противоположных кулисах актера, ожидающего своего выхода.

Я отправился на представление как опытный балетоман. Мне чрезвычайно повезло увидеть Павлову в первый раз, когда она выступала в Лондоне в театре «Палас» в 1910 году. За год до того она приезжала с особым визитом только для того, чтобы выступить перед королем Эдуардом и королевой Александрой. Я живо помню ее приезд, потому что моя мать, обожавшая балет и помнившая Петрольди и других знаменитых танцовщиц, выступавших в «Эмпайр» и «Альгамбре», сделала мне большой подарок и взяла посмотреть новую русскую танцовщицу, потому что ее премьеры совпала с моим днем рождения — мне исполнилось семь лет. Я тотчас же перенес на нее свою привязанность со всех других балерин, которых видел прежде, хотя и был тогда еще слишком мал, чтобы понять истинное откровение ее искусства. Некоторое время моя мать, хотя и была увлечена этим новым и ярким выражением своего любимого театрального искусства, но тем не менее, проявляя верность традициям, столь типичную для лондонской публики, колебалась. Она не могла заставить себя полностью отказаться от привычной довольно высокопарной красоты старой школы, обладавшей совершенством стиля и очарованием, но прошло немного времени, и Павлова одержала полную победу. Мой круг общения в том воз-

расте был не слишком широк: дом, дневная школа и еженедельный танцевальный класс, но о Павловой говорили повсюду. Преподаватели светских танцев посылали своих помощников за границу изучать русские танцы, маленькие девочки становились на носочки, а мальчики опускались на пятки. В моду стало входить направление *a la russe*. Дягилев приехал в Лондон в 1911 году с великолепной труппой танцовщиков и революционизировал там балетный мир так же, как сделал это в Париже, но именно Павлова за год до этого стала провозвестницей новой эры. Обычно вся честь приписывается Дягилеву, и он в значительной мере заслуживает ее, но, мне кажется, пришло время отдать долг и Павловой. Она впервые потрясла нас, а Дягилев прибыл, прежде чем мы успели оправиться от этого потрясения. К тому же в тот знаменитый вечер 19 мая 1909 года, когда русские танцовщики впервые появились в Западной Европе в театре «Шатле» в Париже, именно Павлова в «Павильоне Армиды» стала первой из блистательной когорты балерин, очаровавших французскую публику. И, как ни странно, к 1912 году Павлова была, как мне кажется, единственной иностранкой, принимавшей участие в королевском спектакле варьете в театре «Палас», выступавшей после Уилки Бард и перед Гарри Лодером.

В 1921 году мне было почти восемнадцать, и у меня за плечами уже был опыт работы в театре, поскольку на гастролях я выступал в музыкальных комедиях в качестве первого танцовщика и исполнял роли молодых людей. Я брал уроки танца в школе хороших манер миссис Вордсворт и мнил себя в высшей степени профессионалом. «Куинз-Холл» не был приспособлен для драматических балетов, поэтому программа состояла из дивертисментов, коротких танцев для небольших групп участников и нескольких сольных танцев. Всего в тот вечер исполнялось семнадцать номеров, они производили впечатление калейдоскопа чистого танца, какого в ре-

пертуаре с тех пор больше никогда не существовало. Разнообразие программы иллюстрировало фантастический диапазон возможностей Павловой. Она могла переходить от мучительной грусти «Лебедя» к небрежной раскованности «Осенней вакханалии», от варварской роскоши «Ассирийского танца» к сдержанной эlegantности «Рондино» без какого-либо видимого напряжения. Я видел, что ее удивительная разносторонность отчасти передалась труппе, исполнившей несколько характерных номеров, совершенно различных по духу и исполнению: в высшей степени элегантную мазурку на музыку Глинки, оживленную «Венгерскую рапсодию», а затем классический «Греческий танец».

Кроме Павловой были и другие танцовщики, чью работу я знал и восхищался ею. Волинин, ее красивый русский партнер, повредил колено и мог только поддерживать ее в классических *pas de deux*¹. Губерт Стовиц всегда добивался успеха своими живыми выразительными танцами, которые сам для себя создавал, особенным успехом пользовались «Индокитайский танец» и «Разбойник», так резко контрастировавшие с остальной программой.

С особым радушием публика встречала Бутсову, сильная техника которой никогда не затмевала простоты и очарования ее танца.

Галерка перешептывалась:

- Знаете, она англичанка.
- Павлова отдала ей балет «Волшебная флейта».
- Ее настоящая фамилия Бут.
- Она из Ноттингема.
- Кажется, связана с «Кэш Кэмисте».
- О да, она, по-видимому, дочь сэра Джессе Бута.
- И каждый добавлял все новые факты относительно

¹ П а - д е - д е — одна из основных музыкально-танцевальных форм в балете. Состоит из выхода двух танцовщиков, адажио, вариаций мужского и женского танца и совместной коды.

но имени и места рождения. Среди поклонников труппы процветал неопиcуемый снобизм, каждый из них знал либо искусство, либо его творцов лучше, чем его сосед.

Что же касается завсегдатаев галерки, утверждавших, будто труппа Дягилева намного лучше, чем труппа Павловой, я мог только удивляться, зачем они приходили в «Куинз-Холл» вместо того, чтобы посещать «Альгамбру».

Представление продолжалось, и я все больше и больше осознавал, что мои честолюбивые планы влекут меня в эту труппу. «Не смейся людей! — вступала в спор вторая половина моего сознания. — То, что ты с трех лет занимаешься у миссис Вордсворт, имеешь ангажемент и исполняешь роль, созданную Фредом Фарреном в музыкальной комедии, не дает тебе права танцевать в труппе Павловой!» Но я не стал прислушиваться к этому голосу. По дороге домой я остановился под газовым фонарем и вытащил из кармана смятую программку. Там было помещено сообщение о том, что всю корреспонденцию на имя Павловой следует адресовать ее импресарио. Мне казалось, будто это сообщение не имеет ко мне никакого отношения. Приехав домой около полуночи, я почувствовал, что так устал от испытанного волнения, словно протанцевал два часа без перерыва. Пожелав спокойной ночи матери, я отправился в свою комнату и написал Павловой письмо с просьбой принять меня для просмотра.

Наверное, я ожидал получить ответ по почте. Когда по истечении нескольких дней он не пришел, я почувствовал, как меня охватило какое-то странное оцепенение. У меня больше не было никаких честолюбивых стремлений в мире — только снова видеть танец Павловой. Несколько раз приходил я в театр, даже немного пополачивался у входа на сцену, но ничего не происходило. Я решил поехать в Северный Лондон и пожить

у своего кузена, где, по крайней мере, будет попрохладнее и где я буду находиться в пределах досягаемости, на случай если что-либо все-таки произойдет, ибо я не терял надежду.

Балетный сезон близился к завершению, и я помню, как медленно тянулась пятница последней недели, а я сидел на лужайке на солнце.

На следующее утро без пятнадцати девять раздался стук в дверь моей спальни. Кузен сказал, что пришла горничная из соседнего дома и сказала, что меня приглашают к телефону. Я накинул поверх пижамы халат и выбежал через заднюю дверь. Звонила мать. Она казалась очень взволнованной.

— Только что на твое имя пришла телеграмма, ты должен взять с собой костюм для танцев и приехать к десяти часам в Айви-Хаус на просмотр к мадам Павловой.

Как мне добраться туда вовремя? Голдерс-Грин находился на расстоянии нескольких миль, а я еще не был даже одет и не имел ни малейшего представления, как туда доехать. Все принялись давать мне советы:

— Тебе следует сначала позавтракать.

— Садись на автобус, идущий в Камден-Таун, а от туда возьмешь такси.

— Ты успеешь как раз вовремя.

— Не беспокойся.

Я кое-как оделся, нашел трико и туфли и, выбежав из дому, добрался до ближайшей остановки автобуса за пять минут вместо обычной четверти часа. Мы проехали Палмерс-Грин, Вуд-Грин, продвигаясь невыносимо медленно, пока, наконец, не добрались до Камден-Тауна. «Возьми такси», — посоветовали мне, но их не было. Нигде не было видно ни одного такси — автобусы, трамваи, грузовики, тачки, телеги, только не такси. Я спросил водителя трамвая, как мне добраться до Норт-Энд-роуд.

— Ближайшее место, до которого мы доедем, — это другая сторона Хит, — ответил он. — Но это ближайшее место, до которого вы сможете добраться отсюда.

Так что я сел в трамвай, а от конечной станции побегал — мимо «Джек Строз Касл»¹, все дальше и дальше, мимо «Олд Булл» и «Буш» и, наконец, очутился у ворот Айви-Хаус. Я миновал подъездную аллею, позвонил в колокольчик и стал ждать, стараясь отдышаться и ощущая холодную нервную дрожь, хотя сильно вспотел на палящем солнце. Темная дубовая дверь медленно отворилась, в затемненном холле стоял светловолосый мужчина в рубашке с короткими рукавами и с любопытством смотрел на меня, помаргивая светло-голубыми глазами. Он любезно предложил мне пойти переодеться и спросил, не хочу ли я размяться в ожидании, когда мадам будет готова меня принять.

Меня провели через холл, заполненный чемоданами, упакованными к гастрольной поездке. Я переоделся в небольшой спальне и прошел в студию. Эта студия прежде была балльным залом, и широкая лестница, которая вела из зала, поднималась на галерею, проходившую поверху. Там были две стеклянных двери, одна из них вела в холл, а другая — в гостиную; сквозь дальнее окно мне был виден сад. Вдоль левой стены стоял столик, напротив — огромное зеркало, которое, казалось, занимало все пространство стены.

Единственную мебель составляли рояль и несколько стульев. В студии был еще один танцовщик, также ожидавший просмотра, молодой австралиец, присланный Чекетти. Делая упражнения у окрашенного в кремовый цвет станка, я обратил внимание на хрупкую фигурку в нефритово-зеленой шали, проскользнувшую по галерее наверху, — я старался усерднее обычного делать упражнения на случай, если Павлова видит меня. Несколько

¹ «Замок Джека Соломинки» — известный лондонский паб в лесопарке Хампстед-Хит.

минут спустя нам сказали, что мадам уже идет и что она сначала посмотрит мальчика от Чекетти. Я ждал снаружи, когда закончится просмотр, затем наступила моя очередь. Я снова вошел в студию, там была сама Павлова, облаченная в бледно-розовый хитон, трико и балетные туфли, на ее обнаженные плечи была накинута легкая шаль. Она была готова приступить к работе, как только закончится просмотр. Несмотря на всю свою простоту, она казалась созданием, принадлежащим иному миру. Ее черные волосы, разделенные на пробор посередине, сильно приглаженные и забранные в узел на затылке, ее большие темно-карие блестящие глаза, рот, уголки которого чуть приподнимались, когда она улыбалась в знак приветствия, в сочетании с прекрасными пропорциями ее стройного тела, казалось, придавали ей вид эльфа. Ее царственная осанка невольно наводила на мысль, что ты находишься в присутствии великой личности.

Справа от нее сидел светловолосый человек, Виктор Дандре, ее муж, а слева — Пиановский, ее балетмейстер. Я прихватил с собой кое-какие ноты, но некому было играть, и мне пришлось танцевать без аккомпанемента. Я все время ощущал на себе внимательный взгляд темно-карих глаз Павловой, пока исполнял русский танец, и мне удалось довести его до конца не упав. Затем она спросила:

— Знаете ли вы чардаш?

— Немного, мадам, — ответил я и исполнил несколько па венгерского танца.

Затем Павлова попросила меня сделать еще какие-то па. Я не совсем ее понял, так что она объяснила мне с помощью рук, передвигая их с быстротой молнии, и я чуть не прирос к земле, охваченный благоговением. Я предпочел бы наблюдать за ней, а не танцевать для нее, но постарался следовать ее инструкциям. Затем мне сказали, что все закончено и я должен подойти к

месье Дандре, когда переоденусь в уличную одежду. Я сказал «до свидания» и «спасибо» мадам и, как только переоделся, отправился в контору месье Дандре.

— Вы принадлежите к другой школе, чем наша, — заявил Дандре. (Я ожидал, что он продолжит: «Вам следует поучиться у...» Но нет! Все было не так.) — Тем не менее мадам Павлова может предложить вам контракт в качестве характерного танцовщика на время английского турне, чтобы посмотреть, как вы вольетесь в труппу. Мы не можем предложить вам большую сумму: десять фунтов в неделю в Англии и пятьдесят долларов в неделю, если вы поедете в Америку. Вам конечно же придется изменить имя. Вы готовы сделать это?

Я был готов поменять цвет глаз, лишь бы подписать контракт, но, вспомнив, что еще несовершеннолетний, вынужден был ответить:

— Я должен сперва спросить у родителей.

И, не осознавая в полной мере, во сне я или наяву, попрощался с месье Дандре и поспешил домой. Я был слишком взволнован, чтобы по пути остановиться позвонить матери и поделиться с ней поразительной новостью.

Как прошел остаток дня — не имею ни малейшего представления. Единственное, что помню, как я поспешил вечером в «Куинз-Холл» посмотреть последнее выступление Павловой. Я занял денег у матери, чтобы непременно обеспечить себе место, поскольку зал был переполнен. Я ждал приезда Павловой у служебного входа и на этот раз храбро приподнял шляпу и сказал: «Добрый вечер, мадам», хотя, уверен, Павлова не обратила на меня внимания. Представление показалось мне просто ослепительным своим совершенством. Когда оно закончилось, публика продолжала аплодировать. После бесчисленного количества вызовов свет начал гаснуть. Толпа поредела, но упорные аплодисменты продолжались до тех пор, пока минут двадцать спустя заку-

танная в белую накидку Павлова не появилась снова и не раскланялась еще раз с преданными зрителями.

Я едва мог поверить, что в последний раз смотрю на нее из публики и скоро мне предстоит выступить на одной сцене с самой Анной Павловой.

Глава 2

Я ВХОЖУ В СОСТАВ ТРУПЫ

Прошло несколько дней, я с нетерпением ожидал прибытия каждой почты в надежде, что вот-вот придут мой контракт, но с таким волнением ожидаемый длинный конверт не приходил. Я решил: единственное, что мне остается, — снова отправиться в Айви-Хаус.

На этот раз дверь открыла коренастая женщина в длинных темных одеждах, с шарфом, повязанным вокруг головы, и в ковровых комнатных туфлях. Я попросил позвать мистера Дандре.

— Не говорить по-английски, — ответил «шарф».

Я не знал, как выйти из положения, и просто продолжал стоять.

— Минут.

«Шарф» сделал мне знак подождать и, по-видимому по-русски, позвал кого-то еще.

Появилась еще одна женщина в шарфе и комнатных туфлях и принялась мне что-то говорить на языке, отдаленно напоминающем английский. Слова лились у нее потоком, и разобрать их было невозможно, она ни разу не остановилась, чтобы перевести дыхание. В результате я по-прежнему ничего не понял.

— Я хотел бы повидать мистера Дандре, — повторил я снова очень медленно.

Тогда первый «шарф» понял и, подняв руки, махнул одной из них в сторону со словами: «Месье Дандре уехал Париж».

Похоже, не оставалось ничего иного, как вернуться домой, написать месье Дандре и спросить, действительно ли он нуждается в моих услугах. Прежде чем опустить письмо, я показал его своему кузену, который благоразумно посоветовал: «Не пиши «нуждаетесь ли», напиши «когда». Несколько дней спустя пришла телеграмма с приглашением снова прийти в Айви-Хаус.

— Мы ждали от вас ответа, согласны ли ваши родители позволить вам изменить имя, — сказал Дандре с блеском в голубых глазах.

Если бы дело было только в этом!

Поскольку я был несовершеннолетним, моя мать должна была прийти к Дандре и подписать за меня контракт. Она очень волновалась, когда я привел ее в Айви-Хаус, хотя и понимала, что у нее почти нет шансов увидеть саму Павлову.

Когда нас пригласили, месье Дандре поднялся, словно тюлень, из моря бумаг. Беседа продолжалась недолго: мое жалованье оказалось даже несколько выше, чем мы ожидали, я приобрел фамилию Альджеранов и стал членом труппы Павловой.

Мне велели к концу августа присоединиться к труппе в Шеффилде и дали адреса некоторых театральных квартир, и я тотчас же туда телеграфировал. Охваченный водоворотом волнения, я покинул Кинг-Кросс, запаковав все свои трико и балетные туфли, какие только смог отыскать, в корзину, объехавшую со мной Англию во время прежних гастролей. По приезде я обнаружил, что труппа еще не приехала в Шеффилд, но когда сообщил о своем приезде балетмейстеру Пиановскому, узнал от него о «летучих» утренниках. Труппа должна была выехать тотчас же после дневного выступления и «лететь» (поездом) в Ньюкасл-апон-Тайн, чтобы дать там еще один утренник, а затем «лететь» назад в Харрогит. В первый день я успел только понаблюдать

за Бутсовой, репетировавшей «Волшебную флейту», которую я никогда прежде не видел, и принять участие в репетиции этого же балета.

Молли Лейк, которую я знал по школе хороших манер миссис Вордсворт, оказалась единственным знакомым мне человеком, и я был рад встрече с ней. В труппе было несколько молодых англичанок, в том числе Мюриель Стюарт, любимая ученица Павловой, они все заботились обо мне. Я делил артистическую уборную с австралийским юношей, проходившим просмотр вместе со мной, теперь он преобразился в Артура. Его фамилию, так же как и мою, сделали из имени.

Мы оказались единственными британцами среди мужчин-танцовщиков, все остальные, за исключением Волинина и американца Аллена, были поляками, так как все лучшие танцовщики из театра «Вельки» в Варшаве присоединились к Павловой. Сначала я не мог ни с кем разговаривать. Когда мы выехали из Шеффилда, я оказался в одном вагоне с Новицким и его женой, Домиславским и Кузьмой, костюмером, приехавшим с Павловой из России и с тех пор не покидавшим ее. Я сидел в своем уголке и внимательно вслушивался в нескончаемый поток речи, пытаюсь приучить свое ухо в надежде разобрать хоть несколько слов по-русски, не ведая о том, что все говорили по-польски.

В ту ночь мы прибыли в Ньюкасл незадолго до полуночи и несколько минут спустя уже звонили в звонок ночного портье окружного отеля, находившегося неподалеку от станции. Естественно, сердечного приема нам не оказали, поскольку приехали мы слишком поздно, к тому же были иностранцами, и это оказалось слишком. Попытка поместить нас всех в двухместные номера была пресечена американцем Алленом, принимавшим участие в английских гастролях труппы; он заявил, что не привык жить в комнате с незнакомыми людьми. И нам сразу же дали одноместные номера.

На следующее утро у меня состоялась специальная репетиция и урок с Пиановским, на котором меня обучали танцевать мазурку, а на следующее утро мы вернулись в Йоркшир. Я с волнением принял участие в первой репетиции труппы — работали над «Снежинками». Кто-то оставил открытой дверь склада декораций, и, хотя было еще лето, возник сильный сквозняк, весьма «уместный» для балета. Партнер Павловой в классическом репертуаре Александр Волинин сначала пытался репетировать, но так рассердился на все происходящее, что ушел, и мы его не видели до спектакля, состоявшегося в следующий понедельник в Блэкпуле. Как и большинство танцовщиков, он считал опасным танцевать при сквозняке.

К этому времени я уже почти разучил две свои скромные партии — крестьянина в «Волшебной флейте» и снежинки в «Снежинках». Я предпочитал первую, хотя мой костюм ужасно пропах пылью. Ходили слухи, будто все костюмы для этого балета только что доставили в Англию из Германии, где они хранились на складе с начала войны 1914 года. Сначала мне было непросто учить свои па, поскольку Аллен, от которого я надеялся получить кое-какие объяснения, оказался слишком ленивым и просто проделывал свои па, не утруждая себя какими-либо объяснениями. К моему ужасу, репетиции проводились почти полностью на польском языке, и не было времени перевести эти указания, даже если бы кто-то оказался на это способным. К счастью, кое-кто из девушек помогал мне, оставаясь после репетиций. Танцуя вместе, мне удалось разучить коду «Снежинок» и мазурку из «Волшебной флейты».

В Блэкпуле состоялся мой скромный дебют. У меня были вполне подходящие крестьянские башмаки, но не хватало подвязок для чулок, так что приходилось использовать ужасно неудобные подтяжки для носков. Зазвучали звуки увертюры, и я поспешил к сцене. В ан-

глийских театрах, как правило, не было мальчиков, приглашающих актеров на сцену.

Обычно Пиановский созывал нас к началу, а если кто-то опаздывал, один из членов труппы торопил его. Когда увертюра закончилась, вышла Бутсова, всегда открывавшая балет, и я осмелился пожелать ей удачи. «Волшебная флейта», между прочим, не имела никакого отношения к Моцарту. Это прелестный балет, действие которого происходит во Франции XVIII века, поставленный Ивановым на очаровательную музыку Риккардо Дриго, итальянского композитора, который провел большую часть жизни в Санкт-Петербурге и умер там в 1930 году в возрасте 86 лет.

Увертюра закончилась, поднялся занавес, и Уиттич, исполнявшая мимическую роль матери Лизы, вышла на сцену с условными жестами, означавшими: «О, какое прекрасное утро! О, какой прекрасный денек!» Появилась группа крестьянских девушек, они попросили мать что-нибудь попить. Затем вышла Бутсова в роли Лизы с кувшином и чашами, которые выхватили у нее девушки, пока она с ними здоровалась. Вошли крестьянские юноши, и Волинин в роли Люка преследовал Лизу до тех пор, пока мать не прогнала его. Девушки попросили Лизу, чтобы мать позволила им потанцевать. Она соглашается, и тотчас же каждый молодой человек подхватывает двух партнерш и начинается мазурка. Я был одним из юношей и танцевал в труппе Павловой! Неужели такое возможно? Да, вот Волинин и Бутсова танцуют в центре... затем моя партнерша приземлилась мне на носок. Да, все это было правдой!

Я был слишком возбужден, чтобы долго нервничать. Старшие члены труппы с готовностью предупреждали новичков о предстоящих репликах. Новицкий вышел в роли лакея, затем появился Залевский в роли маркиза. Каким великолепным мимом он был! Я ощущал себя в равной мере как зрителем, так и исполнителем, наблю-

дая за своими коллегами из своего уголка сцены. Никогда прежде не видел я Домиславского в гриме судьи, его вполне можно назвать шедевром. Мне потребовалось сделать над собой усилие, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, как положено во время «судебного разбирательства», когда в дверном проеме появился этот высокий мужчина нормального сложения, внезапно ставший кривоногим и толстым, словно сельский хлеб, с жирными щеками, курносый носом и маленькими пороссячьими глазками, облаченный в алонжевый парик и алые одежды судьи. Какое облегчение я испытал, когда зазвучала волшебная мелодия флейты и я смог радостно танцевать по сцене, сияя искренней улыбкой, обращенной к партнерше и публике. Затем пришло время *grand adage* для Бутсовой и Волинина, а для нас — время снопов пшеницы, которые мы держали по одному в руке. Они становились с каждой секундой все тяжелее и через несколько минут стали напоминать железные прутья. Последовал *pas de quatre*¹, потом блистательная вариация Бутсовой, затем *valse finale*². Занавес опустился. Я пережил первые пятьдесят минут, и никакой страшной катастрофы не последовало.

Я побежал наверх в артистическую уборную переодеться к «Снежинкам», которые уже несколько раз видел в Лондоне и, как мне казалось, знал.

— Сотри румяна, — предупредили меня. — Там будет голубой свет.

Я старался натянуть хлопчатобумажные трико получше, чтобы не было ни морщинки, и так старательно тянул их, что руки чуть не покрылись волдырями. Когда я облачился в белую бархатную тунику с зубчатыми рукавами, отороченную серебряными сосульками

¹ П а - д е - к а т р — танец четырех исполнителей.

² Заключительный вальс (*фр.*).

и снегом из лебяжьего пуха, у меня в памяти возникло воспоминание о тех днях, когда мне было восемь лет. Павлова тогда впервые исполнила его в Лондоне, и мне показалось, что «Снежинки» — это «сентиментальщина». Но когда вернулся на сцену и увидел всю картину в целом, я понял свою ошибку. Окруженные тяжелыми соснами, покрытыми снегом, стояли девушки в сверкающих белых балетных юбочках, в украшенных серебром и лебяжьим пухом кокошниках (я гордился тем, что знал это слово) на головах — теперь меня больше не надо было убеждать в том, что мужские костюмы выглядели бы смешно, будь они какими-то иными. Хрупкое стаккато увертюры к «Щелкунчику» просачивалось сквозь занавес. По мере того как звуки усиливались и начинался танец, я ощущал, что никогда не забуду это мгновение. Сколько сотен раз с тех пор я стоял в своем белом костюме и принимал участие в этой сцене. Но каждый раз я испытывал радость, и до сих пор помню каждое мгновение. ...Серией *deboules*¹ вышла Гриффитс, к ней присоединились Варзинский и Залевский, затем вышли танцовщики кордебалета, формируя круг, уменьшавшийся по мере вращения, и продолжали танцевать, делая *cabrioles*², *failles*³, *pas de bourgee*⁴, в то время как девушки, формируя наружный круг, исполняли *coupes ballonnes en tournant*⁵, продвигаясь

¹ Серия поворотов на полтура по очереди на каждой ноге в одном направлении, очень быстрых и компактных.

² Кабриоль — один из сложных прыжков в классическом танце, когда одна нога ударяется о другую снизу вверх.

³ Файи — прыжок с двух ног на одну, в котором сразу после приземления свободная нога плавно переводится через 1-ю и 4-ю позиции и на нее переносится центр тяжести.

⁴ Пад-е-бурре — мелкие танцевальные шаги, чеканные или слитные, исполняются с переменной или без перемены ног, во всех направлениях и с поворотом.

⁵ Купе-баллонне-антурнан — прыжок на одной ноге или вскок на пальцы с продвижением за работающей ногой; термин «антурнан» указывает на то, что движение должно быть исполнено одновременно с поворотом всего тела.

вперед с *petits jetes*¹, затем расходясь из круга в две колонны и снова сходясь в круги, двигавшиеся в противоположных направлениях до тех пор, пока танец не закончился двумя диагоналями групп. Первый вальс окончился, и на секунду воцарилась тишина, как бывает в канун Рождества, когда земля укутана заглушающим все звуки снегом и светит полная луна. Зазвучало арпеджио, и Павлова с Волининым, казалось, мерцая, скользнули в бытие, осуществляя свой первый выход в этом балете. Какая красота линий, поз и равновесия, какое благородство! Я осознал значение термина «императорский артист». Когда видишь все это из зала, просто дух захватывает, но воспоминание о том, как я впервые встретился с этим на сцене, всегда будет для меня волшебным сном. Пришло время вариации Волинина, полной изумительных *batterie*² и *pirouettes*³. Последовала вариация Павловой — обладали ли когда-либо прежде столь изящные ноги и лодыжки такой силой? Она танцевала каждой частицей своего существа и, казалось, извлекала особое наслаждение из подчеркнутого ритма этой вариации, которая требовала и, безусловно, получила большую точность интерпретации. И наконец кода с Павловой и Волининым. Вся труппа танцевала как бы охваченная снежной бурей, приводя балет к триумфальному финалу.

Возможно, это эгоизм и явная *deformation professionnelle*⁴ заставляют меня записывать эти технические детали. Но для меня вспоминать эти па, которые я не исполнял уже двадцать пять лет, все равно что переворачивать страницы старого альбома с фотографиями, —

¹ П т и ж е т е — небольшие прыжки с броском ноги либо в сторону, либо вперед.

² Б а т р и — прыжковые движения, орнаментированные заносками, то есть ударами одной ноги о другую в воздухе.

³ П и р у э т ы — многочисленные повороты на одной ноге без перемены места.

⁴ Профессиональная деформация (*фр.*).

мне лично это доставляет большое удовольствие. Первые дни совместных выступлений с Павловой оставили во мне ярчайшие впечатления, и ничто не могло заставить их потускнеть.

Но спектакли отнимали у нас не так уж много времени, даже если все остальное было менее важным. В те дни сообщения о репетициях редко появлялись на доске объявлений: «10 часов — классы, 11 часов — репетиция» — вот все, что мы обычно там видели записанным голубыми чернилами на розовом листе. Но эти лаконичные слова в сочетании с устными инструкциями обычно оказывались более эффективными, чем детальные расписания и помпезные разглагольствования, которые предпочитают некоторые наши современные труппы. Никогда не будет возможно управлять балетной труппой как департаментом гражданской службы. В 1921 году в труппе Павловой планировалось приступить к работе в 10 часов (как я вскоре узнал, это было приблизительно время) и работать до тех пор, пока все не будет сделано, затем возвращаться домой и отдыхать до начала представления. В те дни, когда шло два представления, не было ни классов, ни репетиций. Такое расписание больше устраивало артистов, чем более распространенное — с перерывом на ленч и возвращением назад днем, но, как я вскоре узнал, оно больше подходило для континента и Америки, где человек может перекусить в любое время, чем для Англии и некоторых других стран (если таковые существуют), где еду подают только в определенное время и не слишком считаются с клиентом.

Репетиции проходили конечно же почти каждый день. Я очень гордился собой, так как мог делать те характерные па, известные англичанам как «рысь сапожника», — во всяком случае, мне казалось, будто я знал, как это делается, потому что эти па могли делать новые польские танцовщики труппы. Новицкий и другие танцовщики, недавно приехавшие из Варшавы, никогда не исполняли во время репетиций иных па, кро-

ме пируэтов. Нам с Артуровым казалось, что мы можем сохранять свои позиции рядом с поляками, хотя мы и новички в труппе. Эти ура-патриотические настроения кажутся теперь нелепыми — но сколько британских танцовщиков-мужчин существовало в 1921 году? Они были настолько редки, что, можно сказать, их просто не существовало, да и я все время ощущал, что не стал бы членом труппы, если бы моя мать не позволила мне изменить имя. Я усердно трудился, работая над другими балетами, где в программу было добавлено имя Альджеранов. Сначала у меня вызывал большие затруднения «Богемский танец», взятый из второго акта балета «Тщетная предосторожность», одного из старейших балетов, все еще не сходивших из репертуара; в нем Павлова с таким успехом впервые танцевала в Нью-Йорке в 1910 году. Третья часть каждой программы обычно состояла из серии дивертисментов, и этот танец, который я считал тогда чертовски трудным, должны были добавить в репертуар для Ливерпуля. Я пытался разучить его, наблюдая со стороны во время репетиций, поскольку мадам настаивала, чтобы несколько дополнительных танцовщиков знали партию, на случай если кто-нибудь выйдет из строя. Варзинский, первый характерный танцовщик, помог мне с па. Я пытался исполнить их в первый раз, когда вдруг увидел, что сама мадам, проходя по сцене, наблюдает за мной.

— Усердно работаешь? — поинтересовалась она.

Я почувствовал, что язык начинает заплетаться, так же как и ноги.

— Пытаюсь, мадам, — выдавил я из себя.

— Ты разучиваешь цыганский? — спросила она.

— Пытаюсь, мадам. — Я не мог найти других слов.

— Хорошо.

Она велела мне продолжать разучивать, а на следующий день, прежде чем у меня появилось время попрактиковаться, пришла на репетицию, когда мы все уже отработали полтора часа и ужасно устали. Мадам сама

помогла нам с па, и меня буквально чуть не парализовало от ужаса, когда она попросила меня исполнить танец.

— Хорошо, — бросила она, когда я закончил то, что показалось мне самой неумелой серией шагов и поз.

Мне вскоре предстояло узнать, что этот уклончивый комментарий «хорошо» в устах Павловой, Пиановского и всех прочих звучал как вполне удовлетворительное заключение. Мадам заметила, что некоторые па неверны и что мне следует разучить правильный их порядок. Я был изнурен, немного сконфужен, но благодарен за то, что меня заметили.

Изучая новые па и новые танцы, я одновременно усваивал и новые слова на разных языках. В труппе были две француженки, и я, по крайней мере, мог понять, о чем они говорили, хотя был не в состоянии найти слов, чтобы ответить. Тогда я не предполагал, что однажды женюсь на француженке и буду общаться на вполне сносном французском с родственниками жены. Новички были известны англичанам как мистер и миссис Добрже. Похоже, это единственное слово, которое мы когда-либо слышали от них. Поскольку они не знали ни слова по-английски, большинство их разговоров сводилось к тому, что они показывали на что-то, например на еду, костюм или грим, и громко говорили «Dobrze» («Хорошо»), если им это нравилось, или «Nie dobrze», если им это не нравилось. Я решил, что стану изучать польский язык, когда понял, что к моему скромному репертуару должны добавиться «Богемский танец» и «Обертас». К тому времени, как я счел, что вполне овладел финалом «Богемского танца», хореография полностью изменилась, но меня это не огорчило, поскольку дало мне возможность разучить его еще раз со всеми остальными.

Время от времени среди напряженной работы наступал изумительный момент расслабления, особенно приятно было, если он возникал неожиданно. Однажды ве-

чером в Ливерпуле, перед самым поднятием занавеса в «Снежинках», мадам продемонстрировала нам поразительную имитацию Чарли Чаплина. В своем прелестном белом тюнике она быстро прошла туда и обратно, помахивая воображаемой тросточкой и приподнимая воображаемый котелок. В тот вечер занавес поднялся, явив публике не в меру развеселившийся кордебалет, в то время как сама мадам, стоя в кулисах, весело подсмеивалась над затруднительным положением, в которое мы попали, ибо ничто не вызывает столь сильной боли в животе, как попытка танцевать, когда тебе хочется смеяться.

Я убедился, что рассказы о доброте Павловой по отношению к своим танцовщикам — истинная правда. Не было ни одного мелкого несчастного случая, который ускользнул бы от ее внимания, — она сама чертила сетку из йода на лодыжке какой-либо из танцовщиц, а затем посылала ее на специальный массаж, давала бутылочку ароматической жидкости тому, у кого болела голова, — она по-матерински заботилась об этих девушках.

У танцовщиков всегда было мало времени на какие-либо иные занятия, кроме танца, но прошло не более трех дней, и я оказался глубоко погружен в денежные проблемы. Нам платили самым неудобным образом: каждые две недели или, точнее, дважды в месяц, первого и пятнадцатого. Разобравшись в этой системе, я понял, почему все упоминали февраль как свой любимый месяц. Первый день оплаты наступил после того, как я проработал всего лишь неделю или что-то около того, но девушки-англичанки убедили меня присоединиться к очереди, выстроившейся у конторы мистера Дандре.

— А вы что здесь делаете? — спросил он, изо всех сил стараясь выглядеть серьезным, хотя ему не удалось полностью скрыть веселые искорки в глазах. — Вы еще ничего не заработали!

Большую часть времени мы жили за счет небольших ссуд и чеков на маленькие суммы, присылаемые нашими семьями. Время, которое мы проводили, тратя наши ничтожные средства, примерно равнялось тому времени, которое уходило на репетиции. Однако теперь, когда я смотрю на некоторые из расходов, которые в свое время аккуратно записывал, становится очевидным, что жизнь была явно дешевле:

Ленч в поезде	4/6
Проживание в Шеффилде	5/6
Ужин	2 ¹ / ₂
Ленч	2/9
Чай и ужин	3/-
Отель и завтрак	11/6
Ленч	2/9
Чаевые и хранение багажа	2/-

1/14/1¹/₂ фунтов

Помню, как в Харрогите моя хозяйка запросила фунт за три ночи, и хотя я всегда с благодарным восторгом относился к театральным квартирным хозяевам, но все же вынужден был торговаться и сбить цену до шести шиллингов за ночь. Самым многообещающим в предстоящих гастролях по Америке было то, что каждый, кто побывал там прежде, рассказывал мне волнующие истории о том, какие там удобные поезда и отели и насколько все дешевле, чем в Англии. Все это очень успокаивало такого человека, как я, способного впасть в раздражение, обнаружив, что в Блэкпуле яблоки стоят на три пенса за фунт дороже, чем в Харрогите.

Хотя афиши, извещавшие о гастролях труппы, объявляли наше посещение каждого города «первым в мировом турне», никто из нас не имел ни малейшего представления о том, что это означает. Мы знали толь-

ко, что собираемся в Америку, и прошло несколько ужасных дней в ожидании, когда решалось, кто именно поедет. Я был чрезвычайно взволнован, узнав, что еду. Беднягу Артурова не взяли, потому что он не был характерным танцовщиком. Девушки-англичанки расстроили меня, притворившись, будто они не поедут и в труппу не войдет ни один англичанин, так что мне будет не с кем словом перемолвиться в течение нескольких месяцев до конца поездки. Я поверил им и стал всерьез подумывать о том, чтобы уйти, но, наконец, они признались, что это шутка.

Помню, что мы выехали из Блэкпула в Ливерпуль в воскресенье. На Волинине была клетчатая рубашка невероятно яркой расцветки, и дирижер Теодор Штайер, обладавший ультраконсервативным вкусом, всю дорогу поддразнивал его, утверждая, будто даже лошади на полях шарахались, завидев наш поезд.

Я пока еще не понимал ни русского, ни польского, но теперь, по крайней мере, различал, на каком языке говорят, и, уверен, что узнал больше о характерном танце, наблюдая за людьми разных национальностей из бесед их рук и мимики, чем почерпнул из занятий в классе. А в итоге так сложилось, что классов не было. В Ливерпуле на огромной сцене «Олимпии» Пиановский провел единственный класс характерного танца за все то время, что я провел в труппе. Он состоял главным образом из па для переработанной Зайлихом Венгерской рапсодии № 2 Листа. Пиановский был довольно хорошим танцовщиком и обладал удивительной памятью, но его нельзя было назвать терпеливым *maitre de ballet*¹. По крайней мере, некоторое время он проявлял достаточно терпения со мной как с новичком, даже невзирая на то, что ему явно досаждало присутствие английского танцовщика. Он придерживался мнения, будто поляки —

¹ Балетмейстер (фр.).

прирожденные танцовщики, а англичане могут с трудом научиться танцевать, но не более. Однако он повел себя в соответствии с традициями труппы, когда я танцевал одну из четырех мужских партий в «Богемском танце».

— Хорошо, — сказал он, когда я вышел со сцены.

Некоторые поляки с восторгом встречали каждое па другого исполнителя, а британцы обычно проявляли равнодушие. Но это не важно, люди, мнение которых имело значение, говорили: «Хорошо».

Все это входило в привычку. Ночь по дороге в Глазго — скорчившись в уголках, укрывшись пальто. По какой-то причине Британия была единственной страной, где труппа не обеспечивалась спальными вагонами, и я вынужден был подставить холодную серую щеку своим шотландским кузенам, встретившим меня на станции. Трудно себе представить более далекую от театра семью, но никогда не забуду их понимания потребностей артиста. Когда я сообщил им, что меня теперь называют Альджеранов, их добрые шотландские лица сохранили совершенно серьезное выражение, и они стали тренироваться произносить это имя. В Лондоне обычной реакцией был громкий хохот, а в 17 лет я, по-видимому, был все еще чувствителен к насмешкам.

В понедельник, конечно, снова начались классы и репетиции.

— Где Марджери? — спросил Пиановский, оглядывая сцену.

Марджери отсутствовала полдня и явилась, сонно протирая глаза. Она явно легла в постель в восемь утра в воскресенье и проспала двадцать четыре часа, время от времени пробуждаясь, чтобы поесть то, что приносила ей сердобольная квартирная хозяйка. Таково было истощение от трехнедельного турне с остановками на одну ночь.

Оставалось всего лишь три недели до нашей поездки в Штаты. Еще две девушки были наняты в труппу: анг-

личанка Джоун Уорд и Тирза Роджерз, танцовщица из далекой Новой Зеландии, только что завершившая ангажемент у Карсавиной в Лондоне. Как только мы приехали в Эдинбург, к нам снова присоединился старший балетмейстер Павловой Иван Хлюстин. Это был серьезный низенький полный человечек с бородкой. Пиановский выстроил всех новых танцовщиков вперед в линию для первого занятия, которое проводил Хлюстин, и был настолько предупредителен, что не стал давать нам обычных упражнений, которые я до сих пор считаю очень трудными. Реакция Хлюстина на мой танец несколько отличалась от привычного слова «хорошо» — он просто принялся смеяться. Чем выше становились мои прыжки и чем более героический характер приобретали жесты, тем громче он хохотал. Сперва я был немного смущен, но вскоре понял, что он смеется от удивления. У меня не было общего представления о балетах, которые мы разучивали, так что мой танец часто выпадал из контекста. Вскоре я понял, что мне повезло, — если бы Хлюстин не развеселился, он мог рассердиться, и мне пришлось бы трудно. Я усердно работал над «Шутами», такое название мы дали трепаку в «Сказках» (последний акт «Спящей красавицы»), хотя музыка причиняла мне большую сердечную боль, поскольку мой брат Рей, погибший во время войны, обычно упражнялся под нее в своей танцевальной школе. Недавно присоединившийся к труппе Караваяев помог мне разучить присядку и другие па. Я испытывал огромное волнение, принимая участие в русском танце вместе с русскими и поляками, и изо всех сил старался, чтобы мои прыжки соответствовали моему энтузиазму. Линда, всегда готовая дать полезный совет, помогала мне как могла.

— Вытяни руки!

Я вытягивал.

— Выше.

— Выше.

Я терялся в лабиринте повелительных голосов.

— Ноги!

— Пятки!

— Колени!

— Голову!

Прошло немало лет с тех пор, как я разучил этот танец, но и теперь я не могу слышать мелодию трепака без того, чтобы мысленно не протанцевать его от начала до конца. Я все еще живо помню эти наполненные напряженным трудом дни в Эдинбурге. Я обычно покидал свои комнаты в девять утра, кипя энергией, и возвращался в одиннадцать вечера, ощущая себя проколотой шиной. На мою шотландскую квартирную хозяйку это производило большое впечатление. Она представить не могла, что простой лондонец способен так трудиться.

— Откуда бы вы ни приехали, то, как вы работаете, делает вам честь, — мурлыкала она, обращаясь ко мне. Она сама не понимала, как сильно испытывала мое терпение, когда настойчиво пыталась знакомить меня со своими соседями, и рассказывала всем, что она гордится мной и моя матушка должна мной гордиться и т. д. и т. д., а в то время мне хотелось только одного — спокойно что-нибудь поесть и лечь спать. На следующий день после моей первой исполненной чрезмерного энтузиазма попытки станцевать «Шутов» я больше не испытывал веры ни в себя, ни в других. Я сполз вниз по лестнице, цепляясь за железные перила, и с трудом преодолел четыре марша лестницы. Каждый шаг причинял мучительную боль. Кое-как притащился в театр. Все смеялись надо мной, но их смех не был лишен сочувствия, ибо каждый имел подобный опыт. Не знаю, как я смог танцевать в тот вечер, но конечно же я танцевал. Сама мадам, слава богу, не видела, как я репетировал, но, хотя я, вероятно, и не осознавал это в полной мере, подлинная причина, заставившая меня работать с упорством маньяка, заключалась в непреодолимой надежде

услышать, как мадам скажет «хорошо» или, возможно, когда-нибудь добавит нечто большее.

Продолжали прибывать новые танцовщики, в том числе и Новак. Я видел, как Новак танцевал Эвсебия в «Карнавале», когда он выступал еще у Дягилева. Волинин уезжал, и его должен был заменить Лаврентий Новиков, уже танцевавший с Павловой прежде и теперь приехавший в США как ее партнер для классических балетов и *pas de deux*. Каким образом я мог запомнить все эти имена: Новак, Новицкий, Новиков?

Именно в Эдинбурге, когда Хлюстин разучивал с нами новый репертуар, я так много узнал о каждом аспекте балета, и особенно о характерном танце, в котором специализировался в течение всей своей карьеры. Хлюстин поставил «Русский танец» на музыку Чайковского для Павловой и восьми девушек с Караваевым и Новицким, танцующим две мужские партии. Помню одну особую дневную репетицию, за которой, очарованный, наблюдал из партера. Хлюстин всегда проявлял большую требовательность к каждому. Но на этот раз он был более требовательным, чем всегда, по отношению к восьми девушкам. Интересно, как они все это выдержали, но я всегда ощущал, что почерпнул больше информации о различных па и общем стиле русского танца из этой репетиции, чем из всех прочих уроков и репетиций, на которых мне когда-либо доводилось присутствовать.

Затем мы приехали в Лондон на недельные финальные репетиции перед поездкой в Штаты. Пожалуй, это была самая насыщенная неделя во всей моей жизни. Сама Павлова, похоже, так страстно стремилась приступить к работе, что выехала в субботу из Эдинбурга ночным поездом, в то время как все мы остались на ночь в своих жилищах и не торопясь выехали в воскресенье. На той неделе мы очень редко видели ее, так как она репетировала в Айви-Хаус с Новиковым, которому предстоя-

ло выучить весь репертуар до отъезда. Остальная часть труппы репетировала на Уэст-стрит, маленькой улочке, отходящей от Кембридж-Сиркус, населенной по преимуществу танцовщиками, где прохожие все еще оставались и прислушиваются к звукам пианино, хотя могут только мельком увидеть поднятые руки и собранные в хвост волосы.

На Уэст-стрит мы работали над первым актом «Копелии», которую Хлюстин возобновил для Викторины Кригер, присоединившейся к труппе в качестве классической балерины. Следовательно, они с Бутсовой получают по одному собственному балету. Это означало, что они не будут только лишь дублировать Павлову, и программы станут более сбалансированными. Нам к тому же следовало разучить «Фею кукол», «Амариллу», «Козлоногих» и «Диониса». Из Варшавы приехали еще двое польских танцовщиков, Домбровский и Цеплиньский. Последний привез с собой ноты «Польской свадьбы». Нужно было к тому же отрепетировать множество дивертисментов — «Венгерскую рапсодию», «Русский танец» и гопака.

Наш день начинался в десять, в час мы прерывались на ленч, затем опять приступали к работе и продолжали до шести, снова начинали работать в восемь и заканчивали в одиннадцать.

В завершение всего нам было необходимо получить паспорта, визы, купить одежду и багаж, чего никто из нас не мог себе позволить, разве что совместными усилиями. Те, кто бывал в Штатах прежде, с гордостью давали нам множество советов. Я купил теплое пальто, фрак и, поверите или нет, котелок! Интересно, много ли танцовщиков в наши дни носит их вне сцены, в те же времена это было вполне естественным. Я также приобрел твидовый костюм, который, как утверждали, будет идеальным для путешествия и который изнашивался в клочки задолго до конца поездки. Мне довелось испы-

тать шок, почувствовав себя чужеземцем в Соединенных Штатах, и все остатки британскости во мне немедленно оказались подавленными. Здесь я стал таким же чужеземцем, как и недавно прибывшие поляки.

Поляки производили большое впечатление на мою мать всякий раз, когда она приходила встречать меня в конце дневных репетиций. Танцовщик, который приподнимал шляпу и целовал даме ручку, так отличался манерами от англичан, что ему было просто суждено произвести хорошее впечатление на мою мать.

В первые дни моего пребывания в труппе явно преобладала польская окраска. Наши репетиции «Польской свадьбы» проходили в столь напряженной атмосфере, что она напоминала празднование национального дня в оккупированной стране. Хотя я по-прежнему едва ли мог произнести хоть дюжину слов по-польски, мне вскоре стало ясно, что все поляки хорошо знают балет, поскольку они исполняли его в Варшаве; английские танцовщики кордебалета быстро переняли знания у остальных. Единственным человеком, который не получал никакой помощи, был Пиановский. Предполагалось, будто он ставит балет. Бывали минуты, когда я почти испытывал жалость по отношению к нему.

Я многое узнал за неделю на Уэст-стрит. Однажды утром Хлюстин проводил занятие, состоявшее почти полностью из *port de bras*, движений рук. Я наслаждался безмерно, но большая часть труппы не видела во всем этом смысла. Цель занятия состояла в том, чтобы подготовить всех нас к пластическим греческим движениям «Козлоногих» и «Диониса».

Это тем более ценно, ибо в современном балетном обучении бросается в глаза общее недостаточное внимание к рукам и кистям рук, и, хотя Хлюстина можно было порой назвать занудой, я всю свою жизнь испытывал к нему благодарность за эти уроки. Среди прочих разученных мною за ту неделю произведений были чардаш

из «Амариллы» и две партии из «Феи кукол»: Джек из коробочки в первой сцене и кот — во второй. Я научился многому, но не всегда точно знал, какой танец относится к какому балету и как отдельные фрагменты складываются в целое. Я только надеялся, что к тому времени, когда мы выйдем на сцену по другую сторону Атлантики, — хотя мы еще не имели ни малейшего представления о том, где это будет, — кто-нибудь мне поможет поставить все на свои места. Между репетициями мы примеряли костюмы и опять же не знали, где чей костюм. Неделя подошла к концу, словно закончился фейерверк, когда свист, хлопки и шипение прекращаются, золотой дождь перестает падать и единственное, что нам остается, — лечь в постель и утром убрать кусочки картона.

Я слышал обрывки чудесных мелодий и видел блестящие сверкающие костюмы, Павловой же не видел, но в последний день они с Новиковым пришли порепетировать с труппой. И тогда тяжелая недельная работа стала казаться не более трудной, чем простаивание в очереди в кассу за билетами. Мне понравился Новиков, его танцевальный стиль и легкая грациозность манер, которую я в высшей мере оценил. Я смотрел, как Павлова исполняет номера, которых никогда не видел прежде, и ощущал, что она жаждет снова оказаться в Америке. В конце концов, она провела там очень много времени и всегда могла рассчитывать на восторженный прием публики. Но она побывала там не во всех городах, и они словно бросали ей вызов. Вскоре мне предстояло убедиться, насколько всепоглощающей была ее любовь к своей публике, ради которой она жила; без этого ее искусство невозможно было бы оценить в полной мере.

Наступило воскресенье, день, предшествовавший нашему отъезду. Моя мать пригласила всех наших родственников и ближайших друзей на устроенную в мою честь прощальную чайную вечеринку, но никто из нас не предполагал, что мне придется провести в Айви-

Хаус весь день, репетируя. Затем всех участников труппы пригласили остаться на чай, и, охваченный волнением, я совершенно забыл о семье и друзьях, оставшихся дома. В половине восьмого я наконец вернулся домой и обнаружил, что несколько верных друзей все еще сидят в гостиной, и почувствовал упадок сил и в то же время чувство вины. Мой крестный был потрясен, но не тем, что я поздно пришел, а тем, что мне пришлось работать в воскресенье.

Глава 3

МОЕ ПЕРВОЕ ЗАГРАНИЧНОЕ ТУРНЕ

На следующее утро все мы сели в поезд, согласованный с пароходным расписанием, направляющийся в Ливерпуль. Польские члены труппы смотрели, как англичане — девять девушек и я — прощались на платформе со своими родителями. Мы взошли на борт «Императрицы Франции» почти в сумерках. Это было старомодное судно, в столовой стояли длинные столы и вращающиеся стулья. Вокруг одного из таких столов тем вечером уселись за обед двадцать восемь человек, и это было в последний раз перед чередой дней, когда большинство из нас могло хоть что-то съесть, так как на следующее утро мы попали в сильную качку у побережья Ирландии, и я остался единственным представителем труппы, способным, как обычно, есть яйца и бекон. А Джоун Уорд оказалась единственной девушкой, которой хватало смелости присоединяться ко мне на палубе в первые дни. Большинство членов труппы не покидали своих коек, а миссис Добрже ужасно стонала в течение восьми дней. Даже сама мадам, считавшаяся, как мне сказали, хорошим мореплавателем, оставалась в своей отдельной каюте, так что я ее не видел. Мне приходилось довольствоваться разговорами с Мей, ее английской горнич-

ной, проводившей время в салоне за штопкой балетных туфель Павловой.

Когда мне не удавалось уговорить своих друзей выйти из кают, я занимался изучением польского языка. Казалось, это единственное, что мне оставалось делать, особенно после того, как я поранил колено и испортил брюки, пытаюсь играть в теннис на палубе при беспокойном море. Польская «Грамматика», которую я приобрел заблаговременно, была, возможно, устаревшей, но все же я хоть и с трудом, но осиливал алфавит, цифры, названия предметов одежды и продуктов питания, «мир и его составляющие». Когда кто-то появлялся на палубе, у меня появлялась возможность попрактиковаться и одновременно поучить других английскому.

— *Slonca za chodzie*, — сказал Домбровский, указывая на горизонт.

— Закат, — ответил я и продолжал, указывая вниз: — Палуба.

— *Poktad*, — отозвался Домбровский.

Вскоре я обнаружил, что изучение польского не было абсолютно безболезненным процессом. Другой поляк, Нелле, научил меня говорить «спокойной ночи», а затем послал к Геранской, одной из молодых полек, собиравшейся уйти в свою каюту.

— *Dobra nos, chli na nos*, — весело улыбаясь, сказал я, ожидая, что она ответит мне такой же вежливой фразой.

Но она вспыхнула, злобно закричала на Нелле и ушла, ужасно рассерженная. Нелле был очень доволен и пустился по палубе в пляс, а я беспомощно стоял, не понимая, в чем дело. Позже я узнал, что все произошло так, как и планировал Нелле, поскольку мое неправильное произношение превратило старомодную рифму в нечто непристойное, что означало: «Спокойной ночи, и блох тебе в постель». Очень плохо!

Однажды вечером, когда большинство уже чувствовало себя лучше, Новицкий пригласил некоторых из нас

к себе в каюту, чтобы поиграть нам на фисгармонии. Я никогда ни до, ни после не видел этого инструмента. Он походил на аккордеон, но присоединялся с помощью трубки к каким-то педалям, на которые нажимали ногами. Я сделал не слишком понятный рисунок этого инструмента в своем письме к матери — мне было трудно писать ей, не имея почти никаких новостей. Другая музыка, которую мы имели возможность слушать, — это музыка джаз-оркестра, снисходившего до нас, пассажи-ров второго класса, по утрам. Это был довольно странный опыт танцевать фокстроты, уанстепы и вальсы в салоне перед ленчем. Только пассажиры первого класса могли танцевать в более подходящее время — днем и вечером. Но мы не возражали потанцевать для разнообразия ради удовольствия, а когда волнение усиливалось, мы, по крайней мере, могли поддерживать друг друга.

— *Morska latarnia*, — сказал кто-то однажды вечером, взволнованно показывая на море. Маяк!

Итак, мы оказались у побережья Канады, а на следующий день уже плыли по реке Святого Лаврентия по направлению к Квебеку. Расписные каркасные домики, стоявшие вдоль берега, напоминали маленькие деревянные домики из фермерского набора, который был у меня в детстве. Они, казалось, еще больше увеличивали чувство нереальности, охватившее меня по приезду в Квебек. Мы остановились в очаровательном старом отеле, полы и стены которого находились по отношению друг к другу под какими-то странными углами. Помню, как, вставая из постели в первое утро, я долго ждал, когда пол под ногами качнется назад, как бывало на палубе в течение восьми дней до этого. Нам понадобился целый день для репетиций, затем мы дали два представления в зале Квебека и приехали в Монреаль, где дали четыре представления. Только тогда я, наконец, осознал в полной мере, что мы действительно ступили ногой на американский континент.

По приезде в Монреаль мы репетировали более пяти часов, и мне каким-то образом удалось справиться со своими партиями в «Фее кукол» и «Коппелии». Поскольку в тот период я сам был довольно замкнутым, то мой первый взгляд на людей меня не удовлетворил. Я даже записал в своем дневнике, что они были «дурно воспитанными, надутыми и самоуверенными». Наверное, в те дни я отличался излишней нетерпимостью. Я был так занят, пытаюсь разобраться в своих партиях в балетах, так уставал после репетиций, так старался изо всех сил угодить мадам, что просто не был в состоянии ясно воспринимать окружающий мир. Время от времени я снова смотрю на эти программы для Монреаля осени 1921 года с их забавными объявлениями на английском и ломаном французском. Когда мне было восемнадцать, я, наверное, не обращал внимания на то, что сразу же под «Амариллой» размещалось объявление о лечении знахарем венерических болезней, не удивлялся я и тогда, когда видел на задней странице, что *la grande danseuse polonaise ANNA PAVLOVA*¹ сделала одолжение рекламодателю, сказав, что *le vin St.-Michel est l'excitateur par excellence. Il developpe la vigueur, donne l'endurance, entretient l'elasticite et la souplesse, c'est le tonique incomparable entre tous*².

Работать над репертуаром было тяжело. Первой показывали «Фею кукол» с Павловой в заглавной роли, партнером ее был Новиков, Залевский исполнял роль хозяина магазина, Караваев — Арлекина, Нелле — поэта, Бутсова — говорящей куклы, Стюарт — тирольской куклы и Линдовская — испанской куклы (завидная роль, поскольку была первой ролью Павловой). В этом балете мне предстояло осуществить свое первое сольное вы-

¹ Великая польская танцовщица Анна Павлова (фр.).

² Вино «Сен-Мишель» — в высшей степени превосходный возбуждатель. Оно развивает силу, дает выносливость, поддерживает гибкость и эластичность, это несравненный тонизирующий напиток для всех (фр.).

ступление в роли Джека в коробочке, довольно маленькая роль, но она впервые дала мне возможность использовать гротескный грим. Во второй сцене я был одним из котов в танце котов и кроликов, пользовавшемся большой популярностью у зрителей, я же от всего сердца этот танец ненавидел. Цеплиньский был другим котом и разделял мое отвращение к нему, да и нашим партнерам он не нравился. Вспоминая этот номер, я удивляюсь, что он вообще имел успех. Затем происходило мое поспешное перевоплощение в Джека в коробочке, для чего приходилось выдержать борьбу за место у зеркала в артистической уборной, затем путь на сцену и в свой сундук, где приходилось сидеть скорчившись до тех пор, пока не прозвучит моя музыкальная реплика, тогда я отбрасывал крышку и выскакивал, потом меня, трясущегося, уносили со сцены. Приносили кукол: Арлекин, тиролька и «мама-папа», каждая со своим соло. Между англичанами и поляками постоянно разгорались споры о том, что говорить сначала — «мама» или «папа». Англичане всегда выступали за маму, поляки — за папу. Затем следовала кода, во время которой мы все одновременно исполняли свой отдельный танец в различных частях сцены. После этого впервые появлялась Павлова. Наверху небольшой, из нескольких ступеней, лестницы раздвигался занавес, и там стояла Фея кукол, Анна Павлова, в бледно-розовой балетной юбке, в розовом парике с жемчужной сетью поверх него и жезлом в руке. Зрители ждали, занавес снова закрывался, она не двигалась! Сюжет заключался в том, что богатый англичанин покупал Фею кукол, к большому огорчению игрушечного мастера, не хотевшего ее продавать, но тем не менее он доволен высокой платой, которую за нее получил, и закрывает свою лавку. Как только наступает темнота, Фея кукол оживает, превращает магазин в гостиную с огромной рождественской елкой и оживляет все остальные куклы и игрушки.

«Фея кукол» явно предок «Волшебной лавки» — старый венский балет, фаворит репертуара большинства европейских оперных театров того времени. Для этого балета некоторым из нас, включая Цеплиньского и меня, приходилось переодеваться в первой половине вальса. Я не сразу оценил, насколько хорошим костюмером был Кузьма, переодевавший нас с быстротой молнии. Неудивительно, что Павлова привезла его из России, со временем я понял, насколько он ценен. Костюмы котов были сшиты на высоких мужчин, и нам приходилось надевать резинки под колени, чтобы они не свисали. В танце было много *pas de chat*¹ и *jete*, и, если бы не резинки, результат был бы комическим — по крайней мере для остальных участников кордебалета, стоявших, выстроившись в две линии, по обоим краям сцены. Животные — настоящие или люди, наряженные животными, — доставляют много хлопот на сцене. Если нам не приходится беспокоиться о ногах, то проблемы вызывают наши маски или хвосты. Даже если ты сам привык к своему хвосту, всегда найдется какая-нибудь неуклюжая скотина позади тебя, которая непременно наступит на него как раз в тот момент, когда тебе нужно идти или танцевать. Последовала серия танцев: «испанская кукла», «поэт и белые куклы», «менуэт», «флаги», «оловянные солдатики», а затем «коты и кролики». После этого пришел черед большого адажио Павловой и Новикова с их поразительным равновесием, от которого просто дух захватывало, с удивительной линией и с последующими искрящимися вариациями. Балет заканчивался в старинном стиле маршем и *Schluss-Galop*² в исполнении всего ансамбля, а затем повторение любимого вальса для балерины и ее партнера.

¹ П а - д е - ш а — шаг кошки. Прыжок вперед с мягким векидыванием ног, напоминающий движение кошки.

² Заключительный галоп (нем.).

То были напряженные дни. Приходилось много репетировать для «Амариллы» — я должен был разучить фарандолу и чардаш и быстро переодеться во время действия из придворного в цыгана. Амарилла была чудесной ролью Павловой. Это трагическая роль цыганки, приглашенной развлекать гостей на Fete Champetre¹, где праздновалась помолвка дворянина и богатой графини. Цыганка предсказывает графине судьбу: богатство, счастье, замужество, долгую жизнь — и вдруг обнаруживает, что жених графини — ее возлюбленный. Дворянин делает Амарилле знак не узнавать его. Она пытается убежать, но цыганский барон заставляет ее танцевать. В этом адажио партнером Павловой был Новиков, они держались с двух сторон за тамбурин. Цыганка на носках — это может показаться неправдоподобным, но все было верно по своей выразительности. Чудесные линии изысканно вылепленных ног Павловой, превосходно изогнутый подъем, плавные движения рук, свобода движения, гибкость тела, прекрасная линия шеи, изумительное выражение горячей любви и отчаяния — все это дополнялось мужественной грацией и драматическим сочувствием Новикова в роли брата Амариллы, а угрюмая жестокость Залевского, цыганского барона, контрастировала с беспечным равнодушием Варзинского в партии дворянина и Линдовской в роли графини. Я часто размышляю: многие ли зрители и актеры, находившиеся на сцене, осознавали чудо того, что они видели; все это казалось таким естественным, и все же я сомневаюсь, сможет ли современная балерина исполнить эту драматическую роль с большим успехом. Финальный танец Павловой в «Амарилле» был особенно замечательным своей выразительностью: отчаяние покинутой женщины передавалось чудными *pas de bougee* со склоненной спиной, что производило впечатление, будто она вот-вот лишится

¹ Сельский праздник (фр.).

чувств. В самом конце, когда гости уходят в дом, дворянин возвращается к Амарилле и протягивает ей кошелек с золотом. Она швыряет ему кошелек обратно, а когда он разворачивается и безучастно уходит, она падает на землю, охваченная приступом отчаяния.

В Монреале во время одного из представлений оркестр играл без подготовки безнадежно плохо. Да и в целом «Фея кукол» прошла в тот вечер плохо. С самого начала все ощущали, будто что-то не так; мне казалось, что мы, четыре буффона, танцевали неправильно, а когда началось *pas de deux* принцессы Авроры и принца Дезире, положение не улучшилось.

Интересно, заметила ли публика? Нас в тот вечер как будто сглазили.

Наверное, это фиаско заставило Пиановского назначить репетицию на половину одиннадцатого утра в воскресенье, весьма непопулярный поступок. Никто не пришел раньше одиннадцати, а поляки вообще не явились. Я пришел в ярость, когда после трепака мне заявили, будто я сбился с темпа, тогда как я точно знал, что только я исполнил его правильно. Но конечно, если танцуют несколько поляков и один англичанин, легче всего обвинить англичанина. Вскоре я привык к такому отношению и счел его вполне естественным, но сначала меня это задевало. И я очень переживал бы, если бы не хорошие новости, которые принесла на хвосте сорочка: мадам довольна моей работой, и я понравился ей в трепаке, за который мне досталось; так что жить стоило.

Как-то в воскресенье днем мы все отправились на прогулку в университетский парк Макджил, и мадам попросила у меня трость, чтобы легче было подняться на холм. Я был очень горд, впоследствии прикасался к этой трости с благоговением и думал о том, как будет гордиться мой брат — ведь трость принадлежала ему.

Мое первое знакомство с Соединенными Штатами состоялось в Портленде, штат Мэн. И это было плохо.

Я даже написал домой, что склонен с благодарностью отнестись к Георгу III за то, что он не отменил налог на чай. Мне по-прежнему казалось, будто все имеют дурные манеры, но теперь я убежден, что заметил это только потому, что находился в окружении педантичных поляков. Как и большинство участников кордебалета, я почти не видел города — ресторан, почта, станция, иногда «Вулворт»¹, так что с моей стороны было в высшей степени необоснованно судить об американском характере, не зная людей.

Наше выступление в Портленде состоялось в огромном зале, поначалу совсем не походившем на театр, но старательные рабочие сцены сделали рампу, по крайней мере, похожей на настоящую. «Коппелия», «Фея кукол» и различные дивертисменты продолжали составлять программу этого короткого турне с одноразовыми представлениями до тех пор, пока не начались наши выступления в «Манхэттен-опера» в Нью-Йорке. Еще до окончания турне возникли осложнения в отношениях с Викториной Кригер, которая хотела, чтобы ее имя напечатали на афише такими же крупными буквами, как имя Новикова. Не знаю, какие еще требования Кригер предъявила, но они, по-видимому, были довольно высокими, потому что их не выполнили, и она покинула труппу. Бутсовой пришлось срочно заменить ее в «Коппелии», а Гриффитс заменила ее в роли белой кошечки в «Фее кукол». Последнее, что мы услышали о Кригер, — это то, что она боялась лифтов и карабкалась за своей корреспонденцией на шестнадцатый этаж нью-йоркского офиса Сола Юрока.

Бутсову можно назвать героиней. Помню, как однажды в пятницу мы репетировали с десяти до шести с часовым перерывом на ленч, а в семь часов вечера она

¹ «В у л в о р т» — однотипный универсальный магазин американской компании «Ф. У. Вулворт», специализирующийся на продаже различных товаров широкого потребления.

танцевала в «Волшебной флейте», где у нее было семь сольных танцев, затем следовал дивертисмент во второй половине, а на следующее утро ей пришлось вставать вместе со всеми нами, чтобы успеть на семичасовой поезд: днем она танцевала «Синюю птицу» (адажио, вариацию и коду) и дивертисмент, а вечером роль мадам в «Шопениане», снова «Синюю птицу» и «дивертисмент пиццикато». Теперь, когда я об этом вспоминаю, едва могу поверить, что такое возможно. Ее единственной наградой за все это стало освобождение от репетиции в воскресенье утром.

К счастью, после двухнедельного пребывания в восточных штатах наша жизнь более или менее вошла в колею, и мы сочли, что знаем три балета достаточно хорошо. Это дало мне возможность выкроить немного свободного времени, и я оглянуться не успел, как оказался вовлечен в «мир искусства». Это произошло благодаря Яну Цеплиньскому, впоследствии присоединившемуся к балету Дягилева. В каждом новом городе, каким бы он ни был маленьким, он непременно отправлялся осматривать музей или галерею. Я был полезен, потому что мог, по крайней мере, спросить, где он находится, и меня довольно быстро понимали. Очень скоро я ходил вместе с ним, получая от этого большое удовольствие. Мой отец был скульптором, и я рос среди статуй в человеческий рост, дрезденского фарфора и викторианских картин. Я был достаточно старомодным и считал, будто Америка слишком варварская страна, чтобы вмещать в себя что-то интересное с точки зрения культуры, и что мы, труппа Павловой, несем ее с собой. Я всегда буду благодарен польским танцовщикам, особенно тем, кто танцевал с труппой Дягилева, поскольку они помогли мне почувствовать, что мир искусства существует повсюду и что танцовщику следует изучить значительно больше, чем просто последовательность шагов. Со временем я понял, что сама Павлова первой поверила в

это, если даже она не могла поладить с Дягилевым и не посещала с серьезным видом музеев в маленьких городках. А тем временем в Портленде я увидел один из старейших в Штатах домов, построенный около 1800 года и меблированный в старом колониальном стиле. Город очень им гордился и открыл по соседству картинную галерею. Помню медальон Вашингтона Веджвуда, который считался единственным в Соединенных Штатах.

Мы были заняты не только вечерами и приемами, как люди порой полагают, мы слишком много работали, и руководство защищало не только Павлову, но и всю труппу от напряженной общественной жизни. А тем временем по вечерам, стирая или штопая, я продолжал заниматься польским языком, заканчивал свои письма домой словами «Do Widzenia» и практиковался писать свою новую фамилию по-польски Aldzeranow.

В начале ноября, когда прошло всего лишь три недели с тех пор, как мы покинули Лондон, а казалось, будто прошло три месяца, мы приехали в Нью-Йорк на двухнедельный сезон в «Манхэттен-опера», которым руководил мистер Оскар Хаммерштайн. Должны были состояться премьеры нескольких балетов, поскольку Сол Юрок, наш импресарио, настаивал на чем-нибудь свежем, чтобы возбудить аппетит утонченной нью-йоркской публики. Прежде всего балет, первоначально исполнявшийся в Париже под названием «Bagatelle»¹, который мы репетировали в Лондоне, «Козлоногие» на музыку Саца. Мы часто называли его «Сац» без особой на то причины. «Очень странный балет, — написал я матери. — Но, думаю, обещает быть приятным. Мы все фавны, а мадам — нимфа, и мы сражаемся за нее». Я был очень взволнован, так как считал свою роль чрезвычайно ответственной для новичка. В самом начале балета я должен был внезапно выскочить из-за скалы,

¹ «Безделица» (фр.).

позже я сражался с мадам и Новицким, который исполнял роль одного из множества фавнов. Двое из нас должны были ее поднять! Я держал ее за ноги, и мы бежали по сцене, подняв ее высоко над головами. Я гордился собой, как никогда, но в то же время испытывал ужас. «Козлоногие» представляли собой захватывающее зрелище еще и потому, что сцена сверкала красным закатом и небо постепенно меняло цвет. Нам это нравилось, и у нас возникло чувство, что мы наконец-то в настоящем театре. Но как ни странно, балет сочли слишком «модернистским» для Нью-Йорка, и после двух исполнений он сошел с репертуара.

Премьера «Диониса» прошла с большим успехом, а выступление мадам вызвало настоящую овацию. Сначала я удивлялся, почему она так любит Америку, но теперь начал понимать — она имела там потрясающий успех. «Дионис» был необычным балетом. Мне не понравилась музыка Черепнина, не могу понять почему, ведь я всегда любил современную музыку; сейчас я вспоминаю его как чрезвычайно красивый балет. Оформление было выдержано в стиле модерн. Декорации писали братья де Липски, держа перед глазами сначала синий, потом красный желатин, так как этот балет заключал в себя изобретенную де Липски идею об изменении декорации путем перемены освещения. Они писали не на специальной раме художника-декоратора, хотя в «Опера-Хаус» таковая имелась, но декорации были расстелены по сцене (это означало, что мы не могли репетировать), а они ходили вокруг с длинными кистями. На нас произвело огромное впечатление это новаторство и ничуть не сместило, что приходилось красить губы черным, чтобы надлежащим образом выглядеть при красном свете. Эту идею кто-то позаимствовал прежде, чем де Липски успели ее запатентовать, и этот прием стал широко использоваться как эффектное оформление в ревю. В «Дионисе» был ряд прелестных

моментов, особенно танец-бодрствование Павловой в первой сцене, когда она, облаченная в одеяние жрицы со множеством покрывал, танцует с греческой лампой. Казалось, она плыла над сценой, ее одеяния, словно шлейф тумана, обволакивали ее движения, а лампа высвечивала выражение напряженной преданности на ее лице. Сюжет балета вкратце таков: по окончании вечерних ритуалов молодую жрицу оставляют бодрствовать у статуи Диониса. Уснув у подножия статуи, она видит сон, будто Дионис спускается со своего пьедестала и отвечает взаимностью на любовь, которую она питает к нему. Храм превращается в священную рощу в фантастическом саду, где танцуют вместе бог и жрица. На заре возвращаются остальные жрицы и находят ее принявшей к статуе и одетой лишь в хитон и сандалии, а остальные одеяния и покрывала лежат на земле. Дневной свет заливают храм, и ее, погруженную в транс, уводят. Статуя бога оживала с громким взрывом, и однажды в «Манхэттен-опера» после взрыва бумажные розы вокруг курильницы загорелись. Мы стояли за кулисами, смотрели *pas de deux* и очень волновались, поскольку Павлова танцевала, не обращая внимания на опасность. К счастью, цветы сгорели, и пламя не распространилось дальше, иначе возникла бы большая паника, но, похоже, публика не заметила ничего подозрительного.

Затем состоялась премьера «Польской свадьбы», стоившей Пиановскому немалой головной боли на Уэст-стрит. К счастью, она имела огромный успех. Хотя к этому времени я почти уже привык ежедневно видеть чудо танца Павловой, но тем не менее эта постановка меня просто очаровала. На Павловой было прекрасное белое подвенечное платье, украшенное серебряным с голубым узором, нанесенным особыми блестящими красками. Костюм был изготовлен китайским художником, и Павлова так радовалась ему, как маленькая девочка новому нарядному платью. Этот ба-

лет был особенно интересен для меня тем, что полностью состоял из характерных па, и даже мадам не танцевала там на пальцах. Вскоре мадам передала эту роль Бутсовой, так что у Хильды стало три балета вместо одного; мы очень гордились, что наша английская балерина выдвигается на передний план. «Польская свадьба» не отличалась излишне подчеркнутым крестьянским стилем, характерным для «Русского танца», здесь придерживались традиционного заднего фона с замком вдаль и передними кулисами с крестьянскими домиками. Исполнялся балет в подлинных польских крестьянских костюмах. Я до сих пор помню волнение, охватывавшее меня, когда я смотрел финальную мазурку, в которой шестеро отобранных танцоров из Варшавы танцевали свой национальный танец, причем продемонстрировали его так, как никто не танцевал ни до, ни после. Пиановский исполнял роль жениха, Линдовская танцевала кулявек, а Стюарт, Новак и Балишевский восхитительное *pas de trois*¹. Мне довелось участвовать только в краковяке во время этого турне. Мы с Каравачевым были единственными участниками — не поляками, и я до смешного гордился собой.

Во время нашего нью-йоркского сезона было довольно много нелепых происшествий. Нью-йоркские зрители не принимали антрактов более четверти часа, а это означало, что мы должны были переодеваться и менять грим в ужасной спешке. Во время первого исполнения «Козлоногих» я обнаружил, что мой парик слишком мал, а борода велика, но обнаружил я это слишком поздно. К концу балета я потерял бороду, один рог рос у меня из макушки, а второй откуда-то из шеи, пучки светлых волос торчали из-под рыжего с белым парика. К счастью, сцена во время действия постепенно темнела, поэтому, возможно, это было не так заметно.

¹ П а - д е - т р у а — музыкально-танцевальная форма в балете. Повторяет па-де-де с вариацией третьего танцовщика.

Однажды Новицкий, сидя на стуле за кулисами, пропустил свой выход в танце котов и кроликов в «Фее кукол», а когда, наконец, вышел на сцену, стал танцевать ужасно плохо, все путая. Затем дела пошли все хуже и хуже. Во второй половине программы исполнялся «Богемский танец»; я отрепетировал одну из партий второго ряда, поскольку Нелле, тоже поляк, не явился на репетицию. Я поспешно вернулся, переодевшись, а Нелле вдруг бросился ко мне со словами:

— С кем ты танцуешь «Богемский», Альджеранов?

— С Тamarиской, — ответил я, имея в виду Тамару Фриде.

— Нет, с Тamarиской танцую я, — прошептал он настолько решительно, будто только что получил указания на этот счет.

Я принялся в отчаянии озираться в поисках Пиановского, но не увидел его нигде. Если Нелле танцует сзади, значит, я должен буду танцевать впереди, и я принялся искать Рейчел, чтобы сказать, что буду танцевать с ней. Па были довольно трудными, а я не репетировал их, имел лишь приблизительное представление о том, как это делается. Прежде чем успел что-либо обсудить, я увидел месье Дандре, отдающего распоряжение открыть занавес. Рейчел выбежала на сцену, и я последовал за ней, изо всех сил пытаясь припомнить все па этой партии. Я поднял глаза туда, где должна была находиться другая пара переднего ряда: Новицкий и его партнерша, но их вообще не было. Я подумал, что совершил ужасную ошибку, но единственное, что мне оставалось, — это продолжать танцевать. Затем музыка изменилась, и теперь я знал, что мне делать дальше. Я продолжал танцевать, и где-то посередине танца появился Новицкий. Кто-то рассказал мне впоследствии, что Новицкий сказал Нелле за кулисами:

— Если ты не будешь танцевать в переднем ряду со своей стороны, то я тоже не буду танцевать на своем месте.

Нелле заявил, что не будет танцевать в первом ряду, как я полагаю, в порыве раздражения, но не мог изменить своего решения, поскольку на сцену уже вышел я. От всего этого я пришел в ярость, но что я мог сказать? Польская грамматика не помогла мне.

Я всегда считал поляков очаровательными спутниками. Как-то я пообещал отвести их в китайский квартал, и однажды после репетиции они напомнили мне об этом, протанцевав китайский танец из балета «Щелкунчик». Танец был для них самым простым способом общения со мной. Мы отправились в китайский квартал, как делают все, и, как и все, были немного разочарованы, не обнаружив никаких следов невероятных пороков и преступлений. Большее впечатление на нас произвели яркие огни Бродвея, намного более яркие, чем огни Лондона. Легковой автомобиль казался там в два раза реалистичнее, чем на Пикадилли, а особенно нас позабавили танцующие маленькие человечки, прославляющие наслаждение мятной жевательной резинкой «Риглис». Они были очень похожи на шутов из «Сказок». Я также помню раскачивавшийся взад и вперед большой колокол, маленького ребенка, тащившего догкорт¹, стрелка из лука, пускающего стрелу в цель, и тигра, переступающего ногами на огромном шаре. Одна из англичанок заявила, что это «совсем как Хрустальный дворец в прежние времена, только без взрывов».

Мы посетили музей изобразительных искусств «Метрополитен», и я написал своей матери, что это «действительно довольно хороший музей». Но в действительности, обладая всей своей мудростью восемнадцати лет, я решил, что скульптуры очень плохо расставлены, и все эти колоссальные слепки с греческих и римских шедевров составлены беспорядочной грудой, представляя собой какую-то подавляющую массу, а бедные по-

¹ Догкорт — высокий двухколесный экипаж с местом для собак под сиденьями.

сетители осторожно пробираются между ними, время от времени с тревогой вглядываясь в безмятежные лица, лишённые носов, чтобы удостовериться, что те не гnevаются. Хотя в то время я еще не слышал о Джеймсе Тёрбере, но впоследствии часто думал, что мы с моими польскими друзьями принадлежали к одной из карикатур мастера.

Но во время этого лихорадочного нью-йоркского сезона мы не слишком много видели город, хотя нам показывали достопримечательности: Вулворт-Билдинг, статую Свободы, зоопарк в Бронкс-парке, и нас фотографировал рекламный отдел Сола Юрока. Я снял комнату на Западной Тридцать третьей улице очень близко к театру, так что мне не приходилось тратить много времени на дорогу. Помнится, моей хозяйкой была довольно примечательная дама с юга, я платил ей десять долларов в неделю.

«Манхэттен-опера» приносил нам много несчастных случаев — растянутые лодыжки и пораненные колени, казалось, имели место каждый день. Суеверные коллеги утверждали, будто это происходит потому, что мы осмелились поставить балет о старых богах, имея в виду «Диониса». Затем бедняга Кузьма, наш костюмер, упал в беспечно оставленный открытым люк. Группа умелых рабочих сцены устанавливала поблизости декорации, но если даже они и видели, что он упал, то ничего не сделали для того, чтобы помочь ему. Если бы Домбровский не стал свидетелем несчастного случая и не поспешил на помощь несчастному Кузьме, тот, возможно, оказался бы похоронен под декорациями. В результате Кузьма сломал два ребра, и, пока он выздоравливал, мы без него просто пропадали. Нам предоставили одну костюмершу, но она понятия не имела о мужской одежде. Однако никто ни разу не вышел на сцену не в своем костюме, так что, полагаю, у нас, как и в танцах, все было «хорошо».

Мы все обратили внимание на то, что мадам сильно кашляла, и очень беспокоились за нее, поскольку улучшения не наступало, но, как обычно, не слышали от нее ни слова жалобы. Интересно, жаловалась ли она в тот вечер, когда какой-то «умник» включил паровое отопление в середине «Лебедя». Ей пришлось танцевать под аккомпанемент шипения и бульканья сотни труб и радиаторов, почти полностью заглушивший музыку, представлявшую собой, как всегда, соло виолончели под аккомпанемент арфы.

Однажды вечером мне довелось испытать волнующий момент — увидеть из зала, как она танцует «Мексиканский танец». У меня возникло ощущение, будто вижу Павлову в первый раз, хотя я видел ее каждый день, и Бог свидетель, как я преклонялся перед ее мастерством, но это был новый опыт. Я снова превратился в юношу зрителя, сидящего в партере, а Павлова была прекрасной веселой девушкой, кружившейся рядом в яркой юбке. Эта девушка конечно же не могла быть нашей мадам, допускавшей такие сильные выражения, если мы плохо танцевали, упражнявшейся каждый день часами и выглядевшей порой ужасно усталой, хотя никогда не признавалась в усталости. Но это была мадам, и я в очередной раз понял, почему Павлова была Павловой. Слышал, что руководство современных балетных трупп часто запрещает своим членам смотреть представления из зала, я никогда не мог понять этой недальновидной политики. Если бы я не имел возможности смотреть таким образом выступления Павловой, то, уверен, не смог бы впоследствии стать ее партнером.

Но в то время такая похожая на сон идея казалась столь же маловероятной, как возможность космического путешествия. Присущие Павловой абсолютный самоконтроль и безупречная законченность танцевальной техники, казалось, еще больше подчеркивали царившую среди нас анархию. Как часто, проспав, я в панике бе-

жал в театр и видел, что репетиция еще не началась, а некоторые на нее вообще не являлись. Я никогда не питал иллюзий, будто мы представляем собой великолепный кордебалет, но, если бы кто-то нес ответственность за соблюдение дисциплины, мы смогли бы оказывать Павловой ту поддержку, которую она заслуживала, на каждом представлении.

Когда нью-йоркский сезон подошел к концу, я понял, что мне будет не хватать утонченности этих зрителей, когда мы отправимся на широкие открытые пространства. Еще я сожалел, что у нас было так мало времени на осмотр достопримечательностей. Времени не хватало буквально ни на что, но в воскресенье перед отъездом нам повезло, и мы смогли послушать Шаляпина в «Манхэттен-опера». Зал был переполнен, и мы все столпились в кулисах. Говорили, что Шаляпин плохо себя чувствует, но никто из слышавших этот великолепный голос не догадался бы об этом. Я понял, что они с Павловой были не только близкими друзьями, но и величайшими в мире артистами.

Мы упаковали чемоданы, готовясь к турне от побережья до побережья; просмотрев план гастрольной поездки, мы обнаружили, что за четыре месяца должны будем посетить не менее семидесяти городов.

Глава 4

ОТ ПОБЕРЕЖЬЯ К ПОБЕРЕЖЬЮ

Позже в ноябре пришло время путешествия по широким открытым пространствам. Сначала три представления в Филадельфии, два в Вашингтоне и два в Балтиморе. Я счел Вашингтон очень красивым городом, но если бы только он был немного древнее! С присущим англичанам консерватизмом я хотел, чтобы каждый город имел атмосферу, а поскольку у нас не было времени за-

глянуть за поверхность, это означало, что мы хотели видеть старые здания, старые улицы, но это удавалось не всегда. Тем не менее «Театр Лирик» в Балтиморе обладал очаровательной атмосферой красного плюша, изгибов и ниш. Мне казалось, будто я вот-вот увижу дам в кринолинах и мантии в сопровождении усадых красавцев во фраках и цилиндрах. Здесь царил удивительный простор, и нам было вполне удобно подходить к своим дорожным сундукам, хранившимся под сценой. Здесь все еще витали воспоминания о процветающем юге. За неимением времени мы могли только мельком увидеть элегантные старые дома с мраморными ступенями; помню, как я увидел великолепный образец негритянской гордости — дом, полностью покрашенный алюминиевой краской и сверкавший, словно серебряный замок в какой-нибудь сказке.

Мы выступали там в субботу и дали не только вечернее представление, но и утренник. Мы переодевались в огромной артистической уборной, фактически это были сообщающиеся комнаты. Минут за пятнадцать до начала утренника, когда все гримировались, мы вдруг услышали голоса: говорили по-польски, на повышенных тонах. Один из мужчин бросал неистовые оскорбления в адрес любовницы другого!

— Возьми свои слова назад! — заявил второй.

— Я не сделаю ничего подобного! — решительно возразил первый.

Пока я пытался подобрать слова и вступить в спор, разговорный польский стал уже не нужен — по комнате полетели разные вещи, затем началась драка. Банка с кольдкремом, пролетев мимо своего объекта, чуть не попала в меня, я нырнул под стол и продолжал там гримироваться. В конце концов Домбровский разнял скандалистов, оттащив друг от друга за волосы, при этом ему сильно поцарапали грудь. К тому времени, когда все успокоились, подняли занавес и началась «Вол-

шебная флейта» без одного танцовщика. Он должен был танцевать напротив меня, поэтому мне пришлось перейти из угла прямоугольника, так чтобы образовался треугольник, изменив хореографический рисунок и приспособив его к ситуации. Это была единственная первоклассная драка, случившаяся на моей памяти в труппе. Не думаю, что мадам слышала о ней. Надеюсь, что нет.

Разовые представления в Ютике, Уотертауне и Оберне — и я стал понимать, что такое муштра. Эти представления являли собой чудо организации. Они проходили не только в маленьких городках, но и в таких городах, как Питсбург, Кливленд, Балтимор, Солт-Лейк-Сити, Денвер, Цинциннати и Милуоки, действовало то же расписание. Порой в больших городах у нас возникало больше проблем, чем в маленьких, поскольку ни один театр невозможно было снять только на один вечер в неделю, и нам порой приходилось давать свои представления в огромных концертных залах. Конечно, это давало превосходные сборы, а они были нам необходимы. Для того чтобы обеспечить экономические потребности такого рискованного предприятия, и актерам, и работникам сцены приходилось решать много дополнительных проблем. Часто сцены были огромными, твердые деревянные полы со скользкой поверхностью не поддавались ни канифоли, ни воде и ни каким-либо иным средствам против скольжения. Из-за отсутствия колосников нужным образом развесить декорации было нелегко.

Артистические уборные были необычайно просторными, часто даже слишком просторными. Представьте себе пару столиков на опорах в огромном мраморном банкетном зале с отраженным светом, когда приходилось минуты две идти до ближайшей раковины, она оказывалась первоклассной, затем надо было пройти один или два лестничных марша до сцены. Наш грим и

одежда для занятий путешествовали в специальных сундуках, в которые ставилось около дюжины коробок, специально сделанных для этой цели. Эти сундуки обычно заносились в уборные, мы стремительно бросались к ним, затем делали упражнения или накладывали грим в соответствии с тем, что происходило на сцене. Костюмы приносили позже; обычно весь гардероб для спектакля развешивался до начала представления, но никогда не оставался до самого конца. Каждый антракт использовался не только для переодевания и смены декораций, но и для того, чтобы упаковывать вещи. На сцене наши дюжие рабочие снимали декорации, уносили их вниз, упаковывали, погружали в автомобиль и отправляли на станцию, на товарную платформу. Костюмеры поступали таким же образом с костюмами; сначала собирали обувь, как только мы ее снимали, и относили в сундуки, рядом с одеждой, а тем временем изготовители париков собирали уже снятые парики.

Рабочие должны были подготовить сцену ко второму балету, причем часто приходилось затягивать ее тканью, чтобы прикрыть ужасные дефекты поверхности. Часто кто-нибудь обводил мелом дыры, чтобы показать места, где нельзя танцевать. Все это необходимо было сделать в течение обычного пятнадцатиминутного антракта. Интересно было наблюдать за тем, как рабочие расстилали ткань. Все отдал бы за то, чтобы снова увидеть, как люди работают подобным образом: как они расстилают, растягивают и приколачивают ткань так, чтобы не было ни морщинки.

— Эй, ты! — кричал какой-нибудь плотник. — Подойди сюда и повертись, проверь, достаточно ли туго натянута!

Кто-нибудь из нас подходил и выполнял вращения до тех пор, пока все не было сделано.

На свободном месте всегда кто-нибудь упражнялся, и всегда кто-то готов был помочь. Если ткань морщила,

когда на ней делались пируэты, рабочие продолжали ее натягивать до тех пор, пока она не становилась тугой, как кожа на барабане. Закончив разминку, мы упаковывали тренировочную одежду, а когда завершали гримироваться, убиралось все, кроме самых необходимых вещей. После второго антракта оставались только жалкий кусок кольдкрема на куске бумаги и полотенце.

Программа всегда заканчивалась дивертисментом, и это упрощало дело, так как тогда можно было упаковывать костюмы после окончания каждого отдельного номера, а не ждать окончания всего балета. Если кому-то везло и он не участвовал в последнем дивертисменте, то у него появлялось немного свободного времени, чтобы поужинать перед посадкой на ночной поезд или лечь спать минут на десять раньше, а это уже было своего рода наслаждение, если утренний поезд отходил в шесть часов. Гавот Павловой, который танцевала только сама мадам с партнером, был любимым произведением труппы. Нам больше везло, чем мадам, так как мы не имели никаких обязательств. Когда мы спешили на поезд, в ресторан или в отель из пропитанного пылью полумрака сцены и ледяной поток воздуха струился сквозь дверь служебного входа в жаркую, словно в пекарне, атмосферу отапливаемого театра, мы видели закутанную в шубку стройную фигуру, смотревшую на судорожные движения какой-нибудь злосчастной девицы, маминой любимицы из местной танцевальной школы, принимавшейся танцевать, только слышав первые звуки викторолы. Публика могла проявлять суровые требования к величию гения, но от Павловой в подобных случаях не следовало ждать вежливости — лишь прямой, откровенный ответ. Если ее принуждали смотреть плохой танец, она решительно заявляла, что танец плох.

В этих ежедневных путешествиях у нас была еще одна проблема — наша личная одежда. Проявив определенное старание, мы могли обойтись одним чемода-

ном, довольно маленьким. Один костюм, смена белья, щетка и расческа, непромокаемый мешочек с туалетными принадлежностями и, если вы были достаточно предусмотрительны, запасная пара туфель. Раз в неделю наши большие сундуки помещались где-нибудь в театре, и мы могли до них добраться. Взять с собой книгу считалось роскошью, так как использовались все возможные средства, чтобы сэкономить место и сократить вес. Постоянное наличие горячей воды и центрального отопления значительно упрощало вопрос стирки, делая его намного легче, чем в Англии. Я мог бы написать сотню благодарностей в адрес люкса! Конечно, порой мы задерживались в каком-нибудь городе достаточно надолго, чтобы иметь возможность воспользоваться услугами однодневной прачечной службы, где пришивались пуговицы и осуществлялась бесплатная починка, но возникали трудности, когда долгое путешествие влекло нас из солнечной Флориды куда-нибудь в Северную Дакоту, где температура держалась ниже нуля.

Другой постоянной проблемой было питание. Мы вечно хотели есть, поскольку обычно обедали в три, а ужинали в половине двенадцатого или в полночь. К счастью для нас, обычно находился какой-нибудь предпринимчивый грек, державший свой ресторанчик открытым всю ночь, иначе нам пришлось бы ложиться спать голодными. Днем было открыто множество столовых самообслуживания, и, поскольку они были дешевыми, мы почти всегда в них обедали. В Англии о таком не слыхивали, и первое время нам пришлось учиться, как сохранять равновесие с подносом и не сбивать других людей в поисках свободного места. Я стал немного более дружелюбно относиться к американцам, когда обнаружил, какое добродушие они проявляют в ресторанах. Когда одна из наших девушек опрокинула бутылку с томатным кетчупом на даму в светлом пальто, та только сказала: «Вот тебе на! Все на меня летит сегодня!»

Полякам нравились столовые самообслуживания, потому что они могли показать на то, что хотели взять, заплатить, усесться и есть, не сказав ни единого слова по-английски. Мистер и миссис Добрже — это имя так и приклеилось к ним — совершенно не могли есть американской пищи, и они проехали все эти тысячи миль, имея при себе небольшую плиту и полный набор кухонной посуды. Где и когда они готовили? Никто никогда не видел, но они явно готовили — мы ни разу не встретили их в ресторанах. Если мы не обедали в столовой самообслуживания, то устраивались на табуретах за стойкой бистро, а наш флейтист, огромный мужчина, усаживался сразу на два табурета. Рядом с ним сидел крошечный человечек, по иронии судьбы игравший на контрабасе, которому вполне хватило бы и половины табурета. С легким содроганием вспоминаю я «однорукие ленчи». Там все начиналось как в обычной столовой самообслуживания, но столов не было, только стулья и огромная рука, в которую вы ставили свой поднос и ели сбоку. Впервые в жизни я увидел супергигиенический тип ресторана, где все сияло белизной, включая официанток, и напоминало больницу. И только дважды в месяц, когда мы ощущали себя ужасно богатыми, мы позволяли себе роскошь хорошо поесть в русском ресторане, которые можно было найти в больших городах. Питание в поездах было хорошим, но обычно слишком дорогим для нас. Мы ели там только в том случае, когда не было никакой возможности сойти с поезда и поесть в другом месте. Во время одного из таких обедов, когда я сидел со своим польским другом, вошла сама Павлова и села напротив нас рядом с одним из русских. Мы старались вести себя естественно, но разговор протекал довольно сдержанно. Когда Павлова услышала, что я перевожу «яблочный пирог» на польский язык, на нее это произвело большое впечатление, и она заметила, что я знаю польский лучше, чем она.

Вопрос размещения решался с помощью списка подходящих отелей, который прилагался к расписанию поездов, где давались названия и сообщались цены. Мы путешествовали ночным поездом два или три раза в неделю, и наши поездки редко продолжались меньше восьми часов. В итоге с начала ноября до середины апреля мы проехали около тридцати тысяч миль. Даже странно, как при таких обстоятельствах стадное чувство помогало нам выискивать чистые дешевые отели и рестораны. Труппа превратилась в маленький город на колесах, порой действительно очень маленький. Ты встречал одних и тех же людей в поезде, находил их стоящими в очереди у конторки портье в отеле — если только тебе не удавалось опередить всех, затем все каким-то образом оказывались в одном ресторане, в артистической уборной, на сцене, в аптеке, в «Вулворте», порой казалось, что нет спасения! Это первое турне от побережья до побережья оказалось очень утомительным, но в то же время воодушевляющим. Во время однодневных остановок Павлова упражнялась так же усердно, как всегда, и это поднимало наш дух и заставляло также регулярно заниматься. Когда мы ехали дневным поездом, то всегда оставляли для нее места в середине вагона, где вибрация была не такой сильной, но это единственная привилегия, которая ей предоставлялась. Порой нам казалось, будто наша участь тяжелее, чем ее, но потом мы осознавали, что нам не надо давать интервью прессе сразу же, как только мы выходили с поезда или по прибытии в отель, не надо присутствовать на приемах, устраиваемых спонсорами какого-нибудь отдельного представления. Она выработала поразительную технику исчезновений как раз в нужный момент с таких устраиваемых с самыми добрыми побуждениями вечеров.

Каждый стремился поскорее выскочить из поезда и оказаться первым в отеле, несмотря на рвение амери-

канских служащих отелей и коридорных. Если тебе удалось добраться до конторки и зарегистрироваться первым, а не последним из труппы, ты мог сэкономить полчаса. Во время одной из поездок нам пришлось пересаживаться на другой поезд. Мы уже проехали много часов, когда нам сообщили, что мы должны будем пересестись на другой поезд. Мы гуськом вышли из вагона и сели в стоявший у противоположной платформы поезд. После того как мы проехали около получаса, кто-то осмотрелся и спросил:

— Где Джойс?

Мы стали переглядываться.

— А где Диосинда и Сеньора?

Ответ на вопрос мы получили позже вечером, когда эти трое приехали после того, как представление уже началось. Когда мы пересаживались, они выскочили с вокзала и помчались первыми в отель, зарегистрировались и отправились в свои комнаты отдыхать. Затем спустились и спросили клерка дорогу в театр.

— У нас в городе нет театра с таким названием, — услышали они в ответ.

— Нет, есть, — заспорили они. — Там сегодня танцует мадам Павлова!

Клерк уточнил и выяснил, что Павлова танцует в другом городе в пятидесяти милях оттуда. Тогда у Сеньоры, одной из костюмерш Павловой, началась истерика из-за того, что она не успеет распаковать костюмы мадам к спектаклю, две другие девушки тоже были расстроены. Они наняли машину и отправились в путь, с шикарным видом подъехали к служебному входу и попросили месье Дандре заплатить за машину.

Удивительно, как мы каждый день не опаздывали на поезд. Это свидетельствует об эффективности работы операторов на коммутаторах в американских отелях, которым мы всегда звонили, если только не возвращались в отель слишком усталыми и не забывали позво-

нить. Я только однажды проспал в Америке, но мне повезло, в тот день отправление поезда задержали на двадцать пять минут — чрезвычайно редкий случай, — так что я успел к поезду. Был случай, когда мы должны были сесть в поезд, отправляющийся в восемь часов в воскресенье утром, и ехать весь день. Без пяти восемь мы обнаружили, что с нами нет Джойс и Лоны. Кто-то бросился звонить в отель и попросил мистера Херша, нашего администратора, что-нибудь предпринять, чтобы задержать поезд, но мистер Херш проявил непреклонность.

— Если человек моего возраста успевает к поезду, они тем более могут встать вовремя и успеть, — заявил он.

Он был очень хорошим администратором, мы все уважали его и очень удивились подобному отношению. Девушки опоздали на поезд, вернулись в отель и спали до следующего поезда, отходившего в полдень. Кондуктор знал эту историю и каждый раз, когда проходил по поезду проверять билеты, будил их словами: «Хм! Уснули, да?» Пристыженные, они приехали около полуночи и снова отправились спать.

Когда я вижу в кино американский поезд и слышу звонок или сирену, то испытываю волнение. Для меня высшей точкой блаженства после трудного представления и сытного ужина было войти в свой спальный вагон, лечь на свою нижнюю полку и поднять штору. Я смотрел на небо, мерцающее над какой-нибудь огромной равниной или пустыней, а иногда на повороте видел даже бегущий на всех парах паровоз. Я просто лежал, расслабившись, пристально вглядывался в необъятную ночь, зная, что еду в какое-то место. Я пережил шесть гастрольных поездок от побережья до побережья и всегда готов к новой.

В Ютике мне на долю выпало тяжелое испытание — за ленчем пришлось сидеть рядом с мадам. Теперь мне ка-

жется странным, почему я так боялся, но все остальные тоже боялись и находили причины, чтобы сесть где-то в другом месте, и, войдя, я понял — будет ужасно грубо, если я не сяду рядом с Павловой. Думаю, мы все боялись, потому что преклонялись перед ней. Она совсем не была пугающей, если не находилась в плохом настроении, но тогда она не пришла бы к нам на ленч. Я не мог придумать, о чем заговорить, все, сказанное мной, казалось таким заурядным, таким глупым, все же произнесенное Павловой казалось значительным и пленительным. Что я мог ответить, когда она сказала, что ей нравится Америка? Не мог же я сказать, что считаю ее не слишком приятной страной. Павлова находила, что здесь очень хорошее молоко. Наверное, так и было по сравнению с молоком многих континентальных стран. Ей нравилась пища, что удивило меня еще больше, но, наверное, она могла позволить себе покупать более дорогие продукты, чем я.

— Америка хорошее здоровое место, — внезапно сказала она. — После театра еще открыты магазины.

Я думал об этих словах впоследствии, когда прошла дрожь в коленях. Да, пожалуй, она была абсолютно права, просто, когда она это сказала, я не смог найти ответ. Как часто я вспоминал это замечание, гастролируя по Англии, где никто не думает об удобстве бедных актеров.

Павлова считала, что я поступаю правильно, изучая польский, но она очень хотела, чтобы и поляки изучали английский.

— Домбровский должен говорить по-английски, Альджеранов не должен отвечать по-польски, он должен заставить Домбровского говорить по-английски.

Вполне понятно, почему она так говорила, она прекрасно понимала: если один англичанин находится в окружении поляков, маловероятно, что станут говорить по-английски.

Уотертаун опроверг свое название¹. Воду пить там было нельзя, мы так никогда и не узнали ее вкуса. У чая был очень странный привкус, и даже у молока был такой вкус, словно его надоили у недовольных коров. «Сухой закон» так строго соблюдался, что найти спиртные напитки было совершенно невозможно, а содовая вода и безалкогольные напитки облагались таким же, как везде, высоким налогом. Мы пили кофе, пожалуй, только он заглушал вкус воды. Затем мы отправились в Оберн, где приняли участие в вечерах, устраиваемых в канун Дня благодарения, а ночью не могли уснуть из-за шума, поднятого, несмотря на «сухой закон», пьяными, бродившими по коридорам отеля. Кто-то попытался вломиться в номер Тирзы Роджерз, и Домбровский, в ниспадающей складками белой ночной сорочке с красным польским орнаментом, бросился ей на помощь. Тирзу так поразил его вид, что она, забыв о страхе, разразилась громким хохотом.

Проехав еще много миль, мы оказались в Рочестере под проливным дождем, где встретили сам День благодарения, но большинство из нас слишком устали, чтобы принять в нем участие. В Буффало и Торонто у меня были родственники, и конечно же меня повезли на Ниагарский водопад, но плохая декабрьская погода не позволила мне насладиться зрелищем. В Торонто наши обычные поиски «мира искусства» оказались весьма утомительными. Как только мы устроились в отеле и пообедали, Домбровский и Цеплиньский заявили, что хотят осмотреть картинную галерею, и мы тотчас же вышли. Я спросил полицейского, где она находится, но он не знал и не мог нам дать вообще никакой информации. Следующий полицейский, к которому я подошел, посоветовал нам сесть на трамвай, идущий до Колледж-стрит, и спросить кондуктора. Я спросил его, но он не

¹ Уотертаун в переводе с английского означает «город воды».

знал, тогда мы вышли из трамвая и спрашивали человека у двадцати — никто не знал. Мы обошли парк и здания парламента. Наконец нашли какой-то музей, который работал полчаса в день. Мы оказались там как раз в нужное время. Мне было смертельно скучно смотреть на скелеты доисторических животных, но там нашлась одна вещица, сделавшая этот музей стоящим посещения, — в стеклянной витрине лежало невероятно красивое египетское ожерелье, завещанное галерее много путешествовавшим уроженцем этого города. Поиски в конце концов всегда оказываются вознаграждены. А несколько дней спустя в сопровождении юного друга моих канадских родственников мы посетили настоящую картинную галерею. Я отметил в своем дневнике, что все картины были «канадские. Некоторые очень милые, некоторые очень современные».

В этот период все мы почувствовали усталость. Детройт, Толидо, Ньюкасл, Питтсбург, Уилинг, Спрингфилд и Цинциннати — все эти города пролетели мимо, и я почти не запомнил, что они собой представляли.

Детройт остался более ярким воспоминанием благодаря визиту к кузенам моей матери, их теплое американское гостеприимство значительно улучшило мое настроение. Меня пригласили на званые завтрак и ужин и на музыкальный вечер, где не исполнялись ни Чайковский, ни Глинка — ничего, что могло бы напомнить о балетном репертуаре.

Порой я буквально забывал, в каком городе мы находимся. Отель, ресторан, почтовое отделение, театр — это все, что мы видели в большинстве городов, наряду с картинной галереей, если таковая там имелась. Однажды, когда я думал, что нахожусь в Спрингфилде, я купил газету, чтобы прочесть, что о нас пишут, и обнаружил, что мы, оказывается, в Цинциннати, а я и не заметил. В Индианаполисе мы встали в половине седьмого утра, чтобы сесть в поезд, направляющийся в Ко-

лумбус, куда приехали в половине первого, дали вечернее представление и уехали в спальном вагоне в Кливленд, где дали три представления за два дня, затем отправились на одноразовые представления в Гэри, Форт-Уэйн и Саут-Бенд. Мы очень устали, но все же нас радовали ночные переезды — тогда не приходилось платить за отели.

Нельзя сказать, что Миннеаполис пришелся мне по вкусу, но он стал важной вехой в моей жизни, поскольку именно там мне представился мой первый шанс. Караваяев, великолепный характерный танцовщик, обратил внимание на то, что я обладаю мягким *plie*¹. Однажды вечером, когда Новицкий, второй солист, выступавший в гопаке, заболел и не мог танцевать, Караваяев предложил Пиановскому, чтобы я заменил его. Поскольку я входил в состав труппы всего три месяца, Пиановский решил, что будет неблагоразумно согласиться на это предложение, поскольку это может вызвать зависть у окружающих. Но он сделал для меня доброе дело, продвинув кого-то из кордебалета и поставив меня на его место. Это сильно взволновало меня, мне всегда казалось, что мой настоящий русский танец начался с этого момента.

Мое следующее продвижение произошло в Чикаго. Мне посчастливилось танцевать в заднем ряду очень трудного танца «Обертас». Как всегда, рядом танцевали одни поляки, все они были воспитаны на этом танце; казалось, все складывалось не в мою пользу, потому что в 1922 году по количеству поляков Чикаго занимал второе место после Варшавы. Павлова простояла за кулисами весь танец. Я не льщу себя надеждой, будто она пришла только для того, чтобы посмотреть на мои успехи, но, очевидно, обратила на меня внимание и, говорят, отметила, что я танцевал «хорошо».

¹ П л и е — приседание на двух или одной ноге.

Со временем я стал одним из трех солистов «Обертаса», но пока еще мне не доверяли танцевать мазурку из «Жизни за царя» Глинки, партия, которой многие помогали. Прошло несколько гастрольных поездок, прежде чем меня допустили в эту святая святых. Я подчеркиваю эти моменты, связанные с большими ансамблевыми танцами, поскольку считаю их лучшей школой изучения характерных танцев. Я не пытаюсь отыскать недостатки в современном положении вещей, я слишком занят, надеясь развить мимолетные идеи, возникающие в свободные часы между работой и путешествиями, но я сожалею, что современные танцовщики так редко испытывают волнение от того, что являются частью чего-то значительного. Очень многие считают важным только сольный танец, а при таком отношении не может быть хороших танцовщиков.

Милуоки показался нам довольно приятным местом; единственное, что нам не нравилось, — это щель в три дюйма шириной, которая вдруг появилась вдоль сцены прямо во время утреннего спектакля. Мы считали себя счастливыми, если спотыкались только один раз. Дополнительные утренники вкрадывались в план наших гастролей по мере того, как мы продвигались на север. Один должен был состояться в Мадисоне как раз перед Рождеством, и расписание было очень четко составлено. Планировалось, что мы прибудем в двенадцать сорок пять, быстро позавтракаем и подготовимся к представлению, которое должно было состояться в два пятнадцать. Как оказалось, американские и канадские поезда могут порой опаздывать точно так же, как британские, и мы приехали только около трех. Нам велели подготовиться к трем сорока пяти, так что мы сняли комнаты в первом попавшемся отеле (вполне возможно, он был единственным), поспешно проглотили запоздалый ленч и помчались в театр. Я пришел первым в половине четвертого и обнаружил, что ни костюмы,

ни грим еще не привезли. Мало-помалу собрались все остальные члены труппы, но, поскольку переодеться было невозможно, они сидели в гримерных и играли в карты. Когда привезли грим и костюмы, мы в панике переоделись, и в пять часов занавес наконец-то подняли. Зрители ждали ровно три часа. Надеюсь, их ожидания оправдались и они получили большое удовольствие. Переодеваться мы должны были за десять минут, и хотя мне и удавалось успеть вовремя, но меня все время подгоняла мадам, очень взволнованная из-за всего происходящего.

— Быстрее, Элджи, — твердила она, — не теряй времени.

Я не мог возразить ей, что переодеваюсь быстрее всех. Ведь я был единственным, на кого она могла поворчать! Поднялся занавес для «Рапсодии», и нам пришлось начать тремя парами вместо шести. Все происходило в спешке, но, когда дело дошло до дивертисмента, мне кажется, мадам исполнила его лучше, чем всегда. После утренника почти не оставалось времени до начала вечернего представления, и я бросился за едой и кофе для участников первого балета. По окончании представления мне пришлось, как всегда, стирать и штопать; я лег спать в час, а встал в половине седьмого, чтобы попасть на поезд в Рипон.

Здесь у нас наконец-то появилось время насладиться снегом, сопровождавшим нас в последние несколько дней. Мы наняли огромные сани и впятером взобрались на них. Мы мчались по снегу, распевали песни во весь голос, и нам казалось, будто мы принимаем участие в одной из радостных сцен романа Толстого. На следующий день мы оказались в месте, название которого казалось нереальным — Ошкош, и здесь нас снова ждали гонки и снежные баталии на замерзшем озере. Я вспоминаю эти города с ощущением рождественских праздников. Интересно, как они вспоминают Павлову, воз-

можно, единственную танцовщицу, привозившую к ним балетную труппу.

Я впервые принял участие в русском Рождестве и отправился к полуночной мессе с несколькими из танцовщиков. Рождество в Соединенных Штатах было совсем другим. На улицах было много елок, а на углах улиц стояли на морозе представители Армии спасения, звеня в колокольчики и собирая деньги для бедных в маленькие котелки. В сочельник мы отправились в кинотеатр, где состоялся захватывающий пролог, сцена была убрана пурпуром и золотом, а не обычными цветами Рождества — красным и зеленым, и женский хор в фиолетовых рясах и огромных белых итонских воротниках пел «Святую ночь».

С нетерпимостью, присущей юности, я счел это отвратительно вульгарным. Сочельник обычно театральный праздник в Штатах, но мы давали утренник в первый день Рождества. В программу был включен восхитительный рождественский дивертисмент — «Рождество» Чайковского. У меня возникла идея посмотреть его не из кулис, но сквозь занавесы, драпирующие сцену. В результате возник такой эффект, словно силуэты танцевали в золотистой дымке. Я почувствовал себя диккенсовским мальчишкой, который смотрит на большой рождественский вечер сквозь освещенное окно, стоя на туманной улице. Это было обворожительно. После утренника Павлова устроила для нас вечеринку в отеле. Стояла рождественская елка, и она приготовила подарок каждому члену труппы. На Павловой было серое бархатное платье и длинное ожерелье из красных драгоценных камней, волосы она заколола за правым ухом заколкой, украшенной огромной розой. Я был изумлен, увидев, какой особый свет излучала Павлова на Рождество. Могу с уверенностью сказать: она искренне радовалась, отмечая Рождество со своей труппой, которую считала своей семьей. Удивительно, что

она могла еще сильнее сиять, выступая на сцене. Были обычные радости и разочарования от полученных подарков. Караваев пришел в восторг от золотых часов, я из чувства долга выразил благодарность за льняные носовые платки, которые мне в действительности не понравились, а одна из девушек разразилась слезами, получив в подарок очень милый ящичек для швейных принадлежностей, полагая, что в подарке есть какой-то скрытый смысл. Павлова твердо заявила, чтобы никто не тратил денег на подарки для нее, но все же каждый из нас умудрился что-то ей подарить. Я попросил своего молодого английского друга-художника нарисовать набор календарей, чтобы подарить почти всем членам труппы, на них в основном изображались любимые роли того, кому предназначался календарь. Они пользовались большим успехом, и мадам приняла свой! Когда я проходил мимо ее артистической уборной, дверь оказалась открытой, и я увидел календарь на ее туалетном столике, меня это очень обрадовало.

В Сен-Поле у нас не было наших сундуков с одеждой, и нам было трудно одеться прилично к вечеру, устраиваемому Павловой. Я изо всех сил старался как следует выгладить сорочку, но у меня возникли трудности с воротничком, и мне на выручку пришла Джон Уорд. Она не только помогла мне принять вполне респектабельный вид для этого вечера, но и на протяжении всех гастролей довольно часто приходила мне на помощь, за что я был чрезвычайно ей благодарен.

Кое-кто из девушек решил организовать свою рождественскую вечеринку, они позаимствовали мантию и бороду отшельника из «Волшебной флейты», и одна из них нарядилась Санта-Клаусом. Было далеко за полночь, когда нам под дверь подсунули записку, подписанную обитателями соседнего номера: «Если уж вы не даете нам спать, почему бы вам не пригласить нас на вечеринку?»

Поскольку долгие поездки на поезде продолжались и в январе, я пытался занять себя чем-то помимо того, чтобы спать, смотреть на пейзаж или раскладывать русский пасьянс. Все мы знали, что мадам хотела, чтобы во время этих долгих поездок мы читали «хорошие книги», и, порой испытывали некоторое чувство вины по этому поводу. Журналы по кино были под строжайшим запретом — мадам их ненавидела. Она не опасалась, что танцовщики могут покинуть ее ради кинематографа, но считала, будто слишком много болтовни по поводу шикарной жизни вредно для девушек. Она предпочитала, чтобы они шили или вышивали. Не издавалось никаких инструкций по поводу чтения, не существовало никакой учебной программы. И никто из вступающих в труппу Павловой не думал, что об их общем образовании будут заботиться. Но сама Павлова осознавала, что ее юные артисты вынуждены рано покинуть школу, и, прежде чем смогут стать настоящими танцовщиками или хореографами, им необходимо что-то узнать. Мы же не знали ничего. Мне в конце концов пришлось потратить несколько долларов на атлас, так как я никак не мог понять, где заканчивается Канада и начинаются Соединенные Штаты. Поезда, театры, концертные залы и почтовые отделения были более или менее одинаковыми, но мне хотелось знать, где я нахожусь. Я вел заметки по поводу прочитанного. Почему-то я прочел «Записки Пиквикского клуба», затем перешел к «Одиссее» в переводе Поупа, которую счел изумительной, главным образом благодаря красоте Древней Греции, открытой мне «Дионисом». Бедняжка мадам Новикова — я дал ей почитать книгу Теккерея «Приключения Филиппа». Она сказала, будто книга очень хорошая, но я так и не смог ее осилить.

Уроки польского и английского языков, которыми обменивались мы с Домбровским, вскоре повлекли за собой необходимость и в уроках истории, я вдруг по-

нял, что почти ее не знаю. Купить книгу по истории Англии оказалось невозможно. Когда я спросил в книжном киоске на станции, мне предложили «Историю современной Англии» Панча. Я выразил сожаление, что она охватывает недостаточно большой промежуток времени, и человек, стоявший за прилавком, возразил:

— Но она же начинается с 1870 года.

Он был убежден, что ни один человек, пребывающий в здравом уме, не захочет знать, что происходило до того. Единственное, что я смог найти, кроме этого, — биографию королевы Виктории. Так что мне не удавалось заняться изучением истории. Порой я получал из дома пакеты с журналами, так что мы с друзьями читали друг другу фрагменты из «Варшавского курьера». К концу турне поляки так и не выучили английского, а я довольно хорошо освоил польский — говорил совершенно свободно, но слабее знал грамматику. Я научился использовать в обращении слово «пан» и использовать третье лицо вместо «вы», что было довольно тяжело, поскольку все остальные молодые люди знали друг друга со школьных дней и всегда обращались на «ты». Было довольно странно, когда я недавно встретил Цеплиньского в Лондоне и, разговаривая с ним, называл его «пан».

— Нет, Эджи, — возразил он. — Не пан, а Ян!

Примерно в середине января мы покинули Хатчинсон в три часа ночи и прибыли в Денвер (Колорадо) около шести часов следующего вечера. К тому времени мне уже начинала нравиться Америка. Когда мы добрались до Калифорнии, я почувствовал себя по-настоящему счастливым. Никто не заставлял меня ходить по художественным галереям или музеям, мы только отправились в парк Золотых ворот, где смотрели на цветы, на птиц, а также на тюленей. Когда поляки увидели апельсины и лимоны, растущие на деревьях в Санта-Монике, они не могли поверить, что фрукты настоящие, и норовили каждый раз их потрогать. В первый день своего пребы-

вания на южном солнце они никак не могли понять, почему все на них глазают. Причина заключалась в том, что они все еще носили свои длинные черные пальто с меховыми воротниками!

В Сан-Франциско мы все жаждали увидеть Грант-авеню, где размещался китайский квартал; мы уже были в китайском квартале в Нью-Йорке (Мотт-стрит), но этот производил гораздо большее впечатление, здесь было множество больших магазинов, полных фарфора. Время от времени мы могли встретить китайца, который все еще носил китайскую куртку с американскими брюками и кепкой, или же китайца в башмаках на войлочной подошве. Косичек не было, но женщины носили волосы зачесанными назад и туго затянутыми, а пожилые женщины, когда их волосы становились более редкими, носили шапочки без тульи. Мы изумились, когда однажды увидели пожилую женщину, ковыляющую на своих «золотых лилиях», поскольку не ожидали, что кто-то из женщин по-прежнему перевязывает ноги.

Все мы хотели купить почти все, что видели. Вот, например, огромный китайский гонг из четырех уменьшающихся колокольчиков, соединенных красным шнуром, перевязанным фантастически сложными узлами. Я жаждал приобрести его для коллекции колокольчиков моей матери, но как довести его до дома? В моем сундуке не было свободного места, не мог же я его таскать за собой всю оставшуюся часть гастролей, переезжая каждый день в новый город. Однако существовал особый сундук, и девушки пользовались привилегией ставить туда свои дополнительные чемоданы; он был прямоугольной формы и имел остrokонечную крышку. Мы называли его Ноев ковчег. Кое-кто из посетительниц китайского квартала поставил туда свои чемоданы, и Джоун Уорд вызвалась упаковать его для меня, если я решусь купить его. Итак, гонг совершил путешествие в Нью-Йорк в Ноевом ковчеге, и моя мама была очень

рада, когда я привез его в Лондон. Он занял достойное место и стал самым большим экземпляром в ее коллекции.

Впервые за долгое время мы снова пошли в кино. Помню, что посмотрел «Безмолвный визит», и считаю, что пес (кажется, это был Рин-Тин-Тин) просто изумительный. Так же впервые я увидел мультфильмы, которые отметил в своем дневнике как «новую идею, своего рода комический бумажный бизнес, серию шуток на экране». Сама Павлова была очень взволнована, что вернулась в Калифорнию, где у нее было так много друзей. Она была счастлива здесь. Мне кажется, солнечный свет имеет огромное значение. Однажды вечером в Лос-Анджелесе зал был полон, и практически каждый зритель являлся знаменитостью. Мы все любили такие моменты, когда стояли неподвижно на сцене и пытались рассмотреть сидевших в первом ряду кинозвезд. Чарли Чаплин, Мэри Пикфорд, Дуглас Фербенкс, Рудольф Валентино, Норма Ширер, Лилиан Гиш и множество других вечер за вечером приходили в театр. Это было очень волнующе, в воздухе, казалось, пробегали электрические разряды, на такое мы не надеялись в других местах.

Лос-Анджелес видел Павлову в последний раз перед тем, как проститься с ней на два года, а подобный промежуток времени казался долгим для ее друзей.

На один из утренников пришел Джеки Куган, а после спектакля его провели за кулисы, чтобы он лучше нас рассмотрел. Я в своем костюме шута, похоже, сильно его напугал.

— Он похож на черта! — бросил он и прошел мимо, чтобы посмотреть на девушек. По крайней мере, он не сказал: «Он похож на сам ад!»

В лос-анджелесском «Аудиториуме» гримерные находились неподалеку от сцены, они размещались вдоль коридоров, которые можно описать как балконы, и, открыв двери своих гримерных, мы могли выглянуть на

сцену. Это, безусловно, означало, что во время представлений нам приходилось разговаривать вполголоса. Было очень удобно иметь возможность слышать все происходящее на сцене, что вносило существенные изменения в наши поспешные переодевания. А однажды даже внесло жизненно важное изменение. Когда заканчивался один дивертисмент, кто-то как безумный стремительно взбежал по железной лестнице с криком:

— Быстро! Джин забыла свои панталоны для «Греческого»!

Единственное, что нам оставалось, — это сбросить их с балкона, и они полетели развеваясь, словно выстиранное белье в ветреный день. Они упали в руки Джин как раз в тот момент, когда занавес начал подниматься, а когда он поднялся, панталоны были надеты и Джин была на сцене.

В туалетных комнатах была горячая и холодная вода, жидкое мыло и бумажные полотенца в изобилии, «Аудиториум» располагал даже такими приспособлениями, которые выбрасывали струи горячего воздуха, чтобы сушить руки, но прежде чем добраться туда, приходилось пройти сотни ярдов. Мы, наверное, преодолевали целые мили во время представлений в некоторых из этих дорогих зданий. Иногда мы выступали в таком зале, где накануне проходил боксерский матч и откуда выметались миллионы скорлупок арахисовых орехов. В подобных местах артистические уборные были крошечными; я до сих пор краснею от стыда, вспоминая, как опрокинул полную банку белой пудры в гримерной, рассчитанной на двоих, где разместилось семеро. Самыми странными местами, где нам доводилось выступать, были зрительные залы средних школ, нам приходилось переодеваться в классах, а гримироваться за партами. Там всегда недоставало света, и каждый раз, как ты клал палочку грима, она скатывалась с парты на пол. Обычно мы находились так далеко от сцены, что

не имели ни малейшего представления, что там происходит. Наибольшую панику обычно вызывала «Коппеллия», так как в ее увертюре звучит тема мазурки, и часто возникал переполох, когда половина кордебалета еще не была готова, а знакомая мелодия доносилась до нас по длинному коридору. И всем казалось, что они опоздали. А иногда, наоборот, кто-то думал, что это всего лишь увертюра, когда нужно было находиться на сцене.

Некоторые залы выглядели ужасно неопрятными. Помню один такой в Северной Каролине: артистические уборные с выломанными дверями, со сломанными кранами; а грязи там было как в районе пыльных бурь. Вернувшись туда три года спустя, мы обнаружили, что он ничуть не изменился, разве что стал еще грязнее. Павлова запротестовала, она не хотела, чтобы ее труппа выступала в таких условиях. Публике пришлось долго ждать, и наконец Павлова сдалась, хотя программу изменили. Публика, наверное, удивлялась, почему произошла задержка и почему изменили программу. Знай они подлинную причину, возможно, присоединились бы к нашему протесту.

К этому времени в артистических уборных начали роиться волнующие слухи по поводу наших следующих гастролей. Из конторы месье Дандре просочилась информация, будто осенью мы поедем в Японию, а после этого в Скандинавию. Это выглядело весьма заманчиво, но в тот момент после тринадцатинедельных гастролей и еще пяти недель, предстоящих впереди, мы, англичане, ощущали, что единственная страна, которую мы хотели видеть, была Англия. А пока мы очень веселились, катаясь по Беверли-Хиллз на взятых напрокат машинах, рассматривая дома кинозвезд и фотографируя друг друга на фоне апельсиновых рощ, но все же это был не дом.

Наступил сезон дождей, улицы были залиты потоками воды, и зрителям, казалось, совершенно не было дела до «Волшебной флейты» и «Амариллы», а я по-преж-

нему не мог выдержать верно ритм в «Шутах». Особенно огорчало то, что мне это удавалось, когда я практиковался самостоятельно или когда слушал музыку, но не на репетициях, когда Пиановский отсчитывал ритм. Вполне естественно, он пришел к выводу, что я всегда буду ошибаться. Жизнь иногда кажется такой тяжелой!

Несколько дней, последовавших за нашим недельным пребыванием в Лос-Анджелесе, очень нас расстроили, потому что мы поехали в Сан-Диего и Санта-Барбару, но у нас абсолютно не было времени, чтобы осмотреть их. В Финиксе, печально прогулявшись по парку, мы стали разыскивать картинную галерею, но, похоже, мир искусства покинул нас — здесь не было ни одной галереи. Но этот мир никогда нас не подводит. Домбровский, Нелле и я приехали в театр с мыслью, что нам больше нечего делать, только практиковаться, как вдруг услышали, что кто-то играет в оркестровой яме. Это был Фрелих, виолончелист, приехавший порепетировать с одним из пианистов. Вместо того чтобы делать что-то самим, мы уселись и около двух часов слушали, как он играет. Мы испытали необыкновенное чувство, ибо, увидев небольшую группу зрителей, он стал играть, словно давал концерт. Думаю, мадам не смогла бы сказать, будто мы теряем даром время.

Чрезвычайно волнующий вечер состоялся в Эль-Пасо, когда Павлова исполнила «Мексиканский танец» перед публикой, почти наполовину состоявшей из мексиканцев. В тот раз я впервые увидел, как она танцует национальный танец перед жителями страны, откуда он происходит. Ее успех был огромен. В конце танца, последнего в программе, зрители встали и разразились громкими одобрительными возгласами. Каждый шаг встречали аплодисментами, громкие возгласы раздавались из каждого уголка театра, и тем не менее у публики сохранилось достаточно энергии для грандиозной овации в конце.

На следующий день, в воскресенье, мы были свободны, и все отправились через мост в Хуарес в Мексику. Какой контраст по сравнению с процветанием Соединенных Штатов! Ничего, кроме полуразвалившихся глинобитных домишек и ужасно бедных крестьян-индейцев, стоящих около них в своих белых «пижамах». Хотя там находилось вяло работающее казино и Плаза-де-Торос. Все это не произвело на меня никакого впечатления и совершенно не обещало той Мексики, которую я впоследствии так сильно полюбил и танцы которой собирался изучать. Но тогда я был рад вернуться в Эль-Пасо.

В Финиксе мы пришли в полное замешательство, когда увидели сцену. Мы выступали, как обычно, в зале, где сцена была слишком маленькой, и ее увеличили специально для нас. Но в городе, по-видимому, не хватало дерева, или кто-то решил сэкономить, ибо старый щит с объявлением, рекламирующим шины компании «Гудйэр», был откуда-то спилен и приколот к сцене, чтобы мы на нем танцевали. С одной стороны сцены мы танцевали на словах «Для пассажирских машин и грузовых автомобилей», в другом углу была огромная шина, нарисованная на черном фоне, и в различных местах сцены были разбросаны странные слова, складывавшиеся во фразу: «Шины «Гудйэр» защитят наше доброе имя».

Мы покинули Эль-Пасо и ехали в Техас ровно двенадцать с половиной часов, целый день, потому что ночной поезд отправлялся слишком рано и мы не успевали на него после представления. Мы посетили Форт-Уэрт, Даллас, Уэйко, Остин, Галвестон, Хьюстон, Новый Орлеан, преимущественно это были одноразовые представления, утренние или вечерние, а затем — на свои койки в поезде. В Монтгомери в Алабаме мы показали «Снежинок» в зале с самыми комическими сценическими эффектами. Мы прибыли в город под про-

ливным дождем после девятичасового представления. На улице продолжала бушевать буря, а сцена отапливалась огромной железной печкой, раскалившейся до красна во время представления, и мы молили Бога, чтобы чей-нибудь костюм не загорелся. На сцене не было ни декораций, ни снега. Мы почти не слышали оркестра — так сильно дождь стучал по крыше, и каждые несколько минут зал озарялся светом молний, поскольку на окнах не было штор. Вместо мягко падающих на полблескивающую сцену снежинок до нас доносились раскаты грома, и в конце концов вместо искусственного снега сквозь жестяную крышу стал просачиваться настоящий дождь.

Я очень опечалился, когда услышал о гибели чикагского «Аудиториума» во время Второй мировой войны. Этот зал обладал своей неповторимой атмосферой. Я видел там так много замечательных оперных и балетных сезонов, и, пожалуй, все величайшие артисты своего времени выступали там. Вход на сцену представлял собой довольно мрачное зрелище, как это часто бывает. С театра начинался Мичиганский бульвар, и он очень напоминал покрытую глазурью шкатулку с проездом вокруг. Мужские артистические уборные находились далеко от большой сцены и были надежно защищены от огня (несомненно, в память о большом чикагском пожаре); лестницы были железные, а туалетные столики имели металлические столешницы, в изобилии свет и зеркала, но костюмы висели в центре комнаты, что было не слишком удобно. Поскольку температура опустилась ниже нуля, а с озера дул ледяной ветер, мы старались по возможности не выходить на улицу. Зал отапливался так сильно, что наш грим таял. Когда мы не могли репетировать на сцене, репетировали в большом помещении наверху «Аудиториум-отеля», откуда открывался изумительный вид на озеро Мичиган, покрытое льдом, насколько мог видеть глаз.

Месье Дандре часто избирал Чикаго, чтобы произнести одну из своих речей, обращенных к труппе. Мы обычно останавливались там на несколько дней, отдыхая от одноразовых представлений, однако репетировали целыми днями и размышляли, не лучше ли в конце концов одноразовые представления. Мы все устали и совершенно не раскаивались в грехах, которые вменял нам в вину месье Дандре. Сначала он произносил свою нотацию на русском, потом на английском языке.

— Мы не надеемся, что все вы будете великими артистами, но все же рассчитываем, что станете артистами настоящими, — начинал он, а затем переходил к неприятному: — Все вы стояли на сцене и болтали о посторонних вещах, которые вам следовало бы обсуждать в своих комнатах, и не проявляли никакого интереса к работе.

Мы старались сохранить серьезное выражение лица.

— Мисс такая-то, почему вы не смотрите, куда двигаетесь, когда танцуете? Вы ударили ногой по декорации, и в зале был слышен ваш возглас: «Черт побери».

И так продолжалось довольно долго. Все в труппе знали, что Дандре не был всего лишь подпевалой Павловой. Конечно, ему приходилось передавать ее инструкции, но у него был собственный метод вести дела. Он был настоящим русским барином, подлинным дипломатом, другом и духовным наставником для всех нас, а также нашим банкиром. Каждый из нас мог прийти к нему со своими проблемами, и он всегда давал нам мудрый совет. Одна из девушек, чрезвычайно уставшая и потерявшая душевное равновесие к концу турне, однажды пришла к нему и заявила:

— Месье Дандре, я хочу уйти.

Он вздохнул и сказал:

— Моя дорогая девочка, если ты уйдешь сейчас, будет очень трудно убедить людей в том, что ты ушла добровольно. Осталось всего три недели до конца.

Девушка конечно же осталась, и, если не ошибаюсь, она принимала участие и в следующем турне.

К началу апреля мы отправились по городам, о которых я никогда не слышал прежде: Ашвилл, Шарлотт, Уинстон-Сейлем и Роли. В Ашвилле произошел ужасный несчастный случай: Рейчел Ланфранки попала под машину и сломала спину. Бедняжка Рейчел! Нам пришлось оставить ее в больнице, она не могла танцевать больше года. Мы вернулись в Монреаль, и мне показалось, будто я нахожусь на полпути домой, когда я узнал, что мои родственники из Торонто организовали там для меня встречу с друзьями. Я ощущал, что постепенно становлюсь гражданином мира и приобретаю друзей во многих больших городах. Один из моих кузенов помог мне установить необходимые контакты в Нью-Йорке, а в Квебеке я чувствовал себя счастливым — мне просто нравилось само место.

Хотя все мы ужасно устали, тем не менее немного приободрились, вернувшись в Нью-Йорк, где нам предстояло дать несколько представлений перед отъездом домой. Какое облегчение заниматься в огромном репетиционном зале с нормальными станками и зеркалами на верхнем этаже «Метрополитен-опера». Однако зеркала принесли и некоторое разочарование, потому что в конце турне наши усталые лица и конечности, отражаясь в зеркалах, не всегда нас радовали. Несколько американских танцовщиков были наняты в кордебалет статистами, должен признаться, мы все не смогли сдержать смеха при виде их тренировочных одежд. Роскошные розовые хитоны с оборочками заставили нас поверить, что объявления о танцевальной школе в наших программах были в большей степени реальностью, чем мы могли предполагать. Мадам не скрывала своих чувств, придя на первую репетицию, и велела вызывающе разодетым девицам приобрести какую-нибудь более приличную и скромную одежду. Думаю, англичанки в подобной си-

туации почувствовали бы себя ужасно оскорбленными, американки же так радовались возможности танцевать с нами, что их ничто не могло лишить присутствия духа. Репетиционный зал отделялся от гримерных всего лишь перегородкой, и члены кордебалета «Опера-Хаус» часто заглядывали за перегородку, чтобы посмотреть наши репетиции. В одном конце зала была знаменитая доска, в которой балетмейстер Розина Галли пробила глубокую дыру своей палкой, отбивая ритм упражнений.

Помню одно представление, во время которого мне пришлось принимать очень быстрое решение. Это был утренник, и Караваеву не сказали, что программа изменилась, а она менялась так часто! Оркестр уже наполовину исполнил увертюру к «Фее кукол», когда Пиановский вдруг обнаружил, что нет Караваева, а следовательно, нет и Арлекина.

В тот момент я стоял ближе всех к нему.

— Альджеранов, ты станцуешь Арлекина, — не раздумывая, заявил он. — Давай сейчас же прорепетируем. Покажи мне.

— Я не могу танцевать под увертюру, — возразил я, — но я знаю эту партию.

На лице Пиановского появилось выражение отчаяния, но прежде чем он успел что-либо сказать, я бросился за костюмом и через мгновение был уже на сцене.

— *Bardzo dobrze!* — сказали поляки, включая Пиановского, когда я спас положение и вернулся за кулисы.

Мы дали два специальных гала-представления: один для сиротского приюта, основанного Павловой в Париже для русских девочек-эмигранток. В концерте приняли участие несколько приглашенных актеров, в том числе индийская танцовщица Рошанара, исполнившая свой прекрасный танец. Я смотрел на ее танец, не имея ни малейшего представления, что через год сам окажусь в Индии, а еще несколько лет спустя моя жизнь окажется крепко связанной с индийским танцем.

В начале мая состоялось «Специальное представление в пользу русских балетных школ Петрограда и Москвы и голодающих русских артистов при поддержке американского управления по оказанию помощи». В концерте приняли участие русская певица Нина Тарасова, русский пианист и виолончелист, в качестве приглашенного танцовщика выступил Адольф Больм, танцевавший тогда в труппе «Метрополитен-опера», он исполнил «Испанский танец» и «Ассирийский танец». Это был волнующий вечер, на который пришло много русских зрителей, и мы все время думали, дойдут ли деньги до своих получателей в СССР.

Было и еще одно представление, на котором Рут Сен-Дени вручила Павловой серебряную круговую чашу от имени американских танцовщиков. Вручая этот дар, она внезапно опустилась на колени и поцеловала Павловой ногу. Ее жест был очень трогательным, и огромный «Опера-Хаус» огласился аплодисментами, но некоторым из нас он показался слишком сентиментальным.

Даже в Нью-Йорке мир искусства оставался по-прежнему нашим единственным развлечением. Мы слушали Крейсера, гастроли которого так же, как и наши, организовал Сол Юрок. Я никак не мог отделаться от мысли, почему столь блистательный скрипач, находящийся в расцвете карьеры, продолжает исполнять такие нудные произведения, как «Liebeslied»¹.

«Ты бездушный» — таков был единственный ответ, который я получил от Мюриель Стюарт, когда выразил свое неодобрение. Думаю, он играл его намного чаще, чем желал, по той же причине, по которой мадам исполняла «Лебедя», — этого требовала публика.

Я также отправился с Домбровским и Цеплинским на оперу и стоял в задних рядах галерки. После «Кар-

¹ «Песнь любви» (нем.).

мен», хоть я и слушал Джералдин Фаррар, решил, что следующее представление, которое я намерен посетить, будет какой-нибудь хороший музыкальный спектакль по возвращении в Англию в «Уинтер-Гарден». Однако перед отъездом из Нью-Йорка у меня оказалось немного свободного времени, и мне удалось посмотреть «Салли» в «Нью-Амстердам». И это было замечательно.

Наступил последний день, а с ним последние овации, последние букеты и речи на ломаном английском языке. Затем я отправился попрощаться с Павловой в ее отель, поскольку не увидел бы ее на судне — мы никогда не ездили первым классом. В ее апартаментах я встретил Рошанару, одетую в изумительное индийское платье, расшитое маленькими зеркальцами. Когда она ушла, месье Дандре рассказал мне о том, как Рошанара старательно изучала индийские танцы, но никто из богатых махараджей не сделал ничего, чтобы помочь ей. Дандре был слишком русским, чтобы понять, что в других странах танец не считается одним из важнейших искусств. Для него это казалось совершенно не постижимым.

Затем пришла Павлова. Похоже, ее порадовало, что я поблагодарил ее за ангажемент и за ту пользу, которую он мне принес.

— Вы рады, что возвращаетесь домой? — спросила она, и ее темные глаза пристально вгляделись в мои в поисках подлинного ответа, который не обязательно совпал бы со словами.

— Да, — ответил я. — Но в то же время мне жаль, что турне закончено.

Казалось, ее немного позабавил мой ответ, но, когда мы обменивались рукопожатиями, она тихо вздохнула. У нее никогда не было отпусков.

Возможно, я в последний раз разговаривал с ней как член ее труппы. Следующее турне оставалось загадкой.

Мне ужасно хотелось, чтобы со мной вновь заключили ангажемент, ибо, несмотря на все мое ворчание по поводу отелей, еды, поляков, американцев, школьных за-лов и балета в целом, труппа стала моей жизнью, а Пав-лова была центром вселенной.

А тем временем проходила спокойная поездка домой с непродолжительными солнечными ваннами и, на-конец, воды Саутгемптона, которые показались нам вос-хитительным видением. Поезда казались нам игрушка-ми, а что это за чрезвычайно странная подпрыгивающая штука на колесах? Двухпалубная, уличная... нет, трам-вай. Поворот к Ватерлоо, а там на платформе ждали на-ши матери, чтобы обнять нас. Неужели нас действитель-но так долго не было? Был май 1922 года, а уехали мы в октябре 1921-го. Но сейчас в такси по дороге в Орсетт-Террас казалось, будто мы с мамой никогда не расстава-лись. Меня приветствовала Джулия, моя старая нянюш-ка, и сюрприз для меня — Синтия, моя кузина, похожая на бретонку, смело расписала мебель в моей спальне изысканным цветочным узором. Это единственное, что изменилось в моем доме. Но по правде говоря, после столь долгого пути меньше всего я желал перемен.

Глава 5

ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ

Я наслаждался отдыхом на побережье в Бродстэрс, когда, наконец, пришел контракт на восточное турне. Я лежал на берегу, туда мне и принесли письмо. Распе-чатав его, я почувствовал такое волнение, что бросился в море и принялся плавать до изнеможения.

Мы снова покинули Англию примерно в середине августа, сели на «Императрицу Шотландии», шедшую через Шербур, а затем проехали полмира, пересекли Ат-лантику, всю Канаду и Тихий океан, поскольку Транс-

сибирская железная дорога в 1922 году оказалась недоступной. Мадам, похоже, хорошо отдохнула и выглядела очень веселой. На этот раз наша труппа стала намного меньше, нас было всего человек двадцать, но появилось несколько новых лиц. Волинин вернулся и вновь занял место Новикова. К нам присоединились Оливеров и Николаев, поехала с нами и Молли Лейк, но начала свою поездку с того, что поранила голову о металлическую конструкцию. На этот раз море не было таким бурным, и каждое утро мы отправлялись в гимнастический зал первого класса, чтобы поупражняться у станка. Больше мы ничего не могли делать, но этого было достаточно, чтобы поддерживать себя в форме. В основном мы проводили время, играя в теннис на палубе, «ездили на велосипеде» в гимнастическом зале и танцевали, в этом путешествии мы с большим удовольствием проводили выходные дни за обычной работой. Состоялся концерт, который я никогда не забуду благодаря серьезному исполнению стюардом «Чей-то голос зовет». Он не почувствовал скрытой там иронии.

С волнением я снова смотрел на Квебек с его старыми домами, с нескончаемыми рядами выстиранного белья и на монахов, стоящих на перекрестках, — они словно намеревались добавить какой-то живописный штрих к картине. Но отдых наш был непродолжительным. Вскоре нам предстояло продолжить путешествие в Ванкувер, где мы должны были пересечь на пароход, направляющийся в Йокогаму. Мы провели сто восемь часов в поезде! Даже в этих огромных комфортабельных канадских поездах время тянулось до отчаяния медленно. Сначала мы просто сидели и любовались изумительными канадскими пейзажами, я только сожалел, что сейчас не осень с ее алыми кленами, березами, тронутыми позолотой поверх серебристых стволов, и рябинами с блестящими ягодами. Я видел бревна, плывущие по реке, и мне в голову пришла мысль о том, что было бы

неплохо пожить в поселке на лесозаготовках. Затем протянулась длинная полоса, более или менее похожая на Англию, а после Мус-Джо начались прерии, которые казались бесконечными и безлюдными. Я удивлялся, как люди могут жить в таких уединенных деревушках.

Время от времени в нашей жизни происходили необычные развлечения. Порой бабочки и жуки пролетали мимо окна густой тучей, словно осенние листья. В поезде можно было купить все, что угодно, — от горячего кофе до земляных орехов, и мы могли пройти в открытый вагон для туристов или курительную комнату с огромными медными плевательницами.

Время потихоньку проходило за чтением хороших книг, изучением польского языка и игрой в карты. Однажды вечером, по-видимому, кто-то решил сыграть глупую шутку, хотя никто так и не узнал, что же в точности произошло. Собираясь лечь в постель, я не смог найти ни чехла для пижамы, ни пижамных брюк, только куртку — пришлось искать другую пару. На следующее утро стюард нашел мой чехол от пижамы в корзине для грязного белья, а в ней лежала отвратительная вульгарная ночная сорочка в оборочках! К счастью, никто не предъявил на нее свои права. В то же время одна из девушек нашла мою пижаму в своей постели. Думаю, стюард решил немного оживить путешествие, чтобы время потекло быстрее.

Вскоре мы оказались в Британской Колумбии, и, пожалуй, за все свое долгое путешествие я не видел более красивого края. Окна вагона были открыты, и мы ощущали аромат сосен. Озера и ручьи, отражающие отблески деревьев, порой выглядели темно-зелеными, иногда становились светлее, принимая вид мыльного камня, или обретали цвет бирюзового неба. Время от времени мы проезжали мимо лесов мертвых деревьев с их таинственной призрачной атмосферой, через большие парки у подножия гор. Подлинный праздник пейзажей!

Но самым замечательным было приехать в Ванкувер и сойти с поезда. Мне кажется, что проехать более четырех дней в одном поезде через любую страну непосильно для человека. Мы не осматривали достопримечательностей в Ванкувере — были слишком заняты пакетами «Лакс»¹, свертками грязного белья и прочими хозяйственными делами, которые необходимо было сделать перед поездкой в Токио. Самое впечатляющее, что мог предложить нам Ванкувер, была величественная гражданская процессия. Казалось, она продолжалась несколько часов, но мы с восторгом стояли на тротуаре и одобрительными возгласами встречали все достойное нашего внимания. Сначала прошел оркестр дудочников, играющих на свирелях, за которыми следовали ряды полицейских и различных чиновников довольно мрачного вида. За ними шли мусорщики, за которыми на протяжении нескольких миль тянулись тележки для мусора, украшенные флагами и цветами. Затем «Служба по содержанию тротуаров и строительный департамент» — иными словами, все имеющиеся в наличии землекопы, надевшие свои лучшие костюмы. За ними шли учителя, работники департамента водопроводных сооружений, ведомства сточных вод, городских яслей, департамента парков. Грандиозный финал сопровождался пожарными машинами. Так много всего для Ванкувера, города, который вскоре станет одним из моих любимых.

Я хотел взять несколько книг, чтобы читать их на пароходе, и по какой-то причине выбрал «Пер Гюнта» и «Привидения»². Я прочел «Привидения» до того, как мы сели на пароход, и часто цитировал «Я хочу солнце». Какая грустная история. Мы взошли на борт «Императрицы Канады» в самом конце августа, и я с изум-

¹ «Л а к с» — фирменное название сорта мыла и стирального порошка концерна «Юнилевер».

² «Пер Гюнт», «Привидения» — пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906).

лением обнаружил, что прошел целый год с тех пор, как я присоединился к труппе Павловой. Неужели такое возможно? Так много времени прошло в поездках, а также за упражнениями, репетициями и спектаклями, что я, похоже, полностью потерял счет неделям и месяцам. Каждое утро на борту теплохода мы практиковались, в наше распоряжение был предоставлен гимнастический зал первого класса. Мы были немного шокированы, обнаружив в каюте первого класса японца, но вскоре пришли к выводу, что это абсолютно нормальный человек, хотя и с желтой кожей. Мои польские друзья и я не слишком задумывались о японцах — просто смотрели на них, как на каких-то туземцев. А на теплоходе служили китайские стюарды, и мысль об этом казалась мне отвратительной до тех пор, пока я не понял, что они лучшие стюарды в мире.

Япония представляла собой настоящее приключение. Даже мадам никогда прежде не бывала в Японии и явно с нетерпением ожидала поездки. Среди труппы стали, как всегда, распространяться безумные слухи. Кто-то утверждал, будто после Токио мы поедem в Харбин — «совершенно дикое место», а затем в Пекин. Я на время прекратил занятия польским языком и принялся изучать японский. Я решил учить по десять слов в день, и мне посчастливилось подружиться с японским мальчиком, возвращавшимся домой со своим английским учителем. Ричарду С. Хирейбу было суждено стать моим добрым другом, и впоследствии мы много лет переписывались. После долгих двух недель, проведенных на теплоходе, мы прибыли в Йокогаму. Нашим первым представлением о Японии стал закат солнца, больше похожий на живописную открытку или рекламный туристический проспект, а не на настоящий: серая извилистая береговая линия и огромное ярко-оранжевое солнце, медленно опускающееся за серые горы. После нескольких холодных дней на море мы вдруг обнаружили, что стало

намного теплее, нам стало интересно, что нас ждет по прибытии.

Было очень жарко. Но самое удивительное, как только мы сошли с теплохода, обнаружили, что Япония слишком похожа на Японию. Я предполагал, что местный японский колорит в основном не сохранился и что Токио будет представлять собой своего рода Нью-Йорк с легкими восточными чертами то тут, то там, но все оказалось по-иному, а именно так, как я представлял себе Японию, когда был маленьким мальчиком и впервые увидел ее на картинках. Тот же желтый песок и грубая блеклая трава, те же вулканические холмы на линии горизонта и дома с бумажными окнами и деревянной черепицей. Практически все женщины были в кимоно, да и многие мужчины тоже, улицы заполняли рикши; кули носили грибовидные шляпы и яркую одежду цвета индиго с каллиграфически напечатанным на ней названием фирмы в красных, белых и черных тонах. Женщины несли детей на спине, все оставляли сандалии на веранде, прежде чем войти в дом. В Токио нас встретила большая толпа гейш с букетами. Они проводили нас к целой флотилии такси и рикш, которые отвезли нас по довольно грязным дорогам в ультрасовременный «Империал-отель».

Несмотря на репетиции, которые начались немедленно, я нашел время принять приглашение моего японского друга Дика поехать в знаменитый парк удовольствий Кагэцуэн. И снова это была Япония ярких открыток и календарей — маленькие горбатые мостики, ивы, склонившиеся над водой, искривленные миниатюрные ели, каменные фонари, перголы, покрытые цветами. А чтобы в полной мере убедить нас в том, что мы имеем все преимущества Востока и Запада, светила полная луна, огромная и золотистая, и протянулась гирлянда электрических огней, которые можно было сравнить только с иллюминацией Блэкпула, но она была

сделана с большим вкусом. Там был хороший ресторан и прелестная танцевальная площадка. Странно, но в Японии нам удавалось довольно много танцевать балльные танцы, хотя, пожалуй, у нас там было меньше свободного времени, чем где-либо еще. Это было похоже на пребывание в Италии, мы жили искусством и солнечным светом. Несмотря на жару, а мы потели, даже просто сидя неподвижно на полу, репетировали подолгу, часто начиная в половине десятого утра. Мы приступили к работе на сцене «Империял-театра», где выступала и труппа театра Кабуки. Нам предстояло разучить новые балеты: «Пробуждение Флоры» и «Заколдованное озеро», но утро пролетало незаметно, и в час дня наша репетиция прерывалась ударами барабана, созывающего японских рабочих сцены. Они сбегались со всех сторон, чтобы подготовить сцену к драме Кабуки, которая начиналась около двух часов и продолжалась до пяти или шести — довольно короткое представление по японским меркам. Просить нас прекратить занятия было столь же бессмысленно, как попросить солнце встать на пять минут позже. Мы, европейцы, переходили в репетиционный зал и продолжали репетировать. Хотя сам театр выдержан в европейском стиле, репетиционный зал был полностью японским. На окнах скользящие шторы, а полы покрыты красивыми соломенными циновками — татами. Стульев, разумеется, не было, только подушки на полу. Сцена, сконструированная из специального дерева, чрезвычайно твердая и скользящая, находилась в середине комнаты, на несколько футов возвышаясь над полом. Привыкнув к этому новшеству, мы даже нашли там некоторые преимущества, поскольку любой малейший промах становился виден Пиановскому или самой мадам.

В артистических уборных, которыми мы пользовались, убрали циновки, так что можно было носить балетные туфли, не совершая святотатства, также в наше

распоряжение предоставили примерные столики и стулья нормальной высоты. Иногда актеры Кабуки заходили к нам, чтобы посмотреть, как европейцы накладывают грим. В ответ они демонстрировали нам свой грим, а это было намного более сложное дело, чем наше. Иногда я осмеливался спросить, как их зовут, и сначала испытывал недоумение, потому что ответ был всегда одинаковым — Ичикава. Наконец я понял, что каждый из них принадлежал к этой великой актерской династии и гордился тем, что носит это имя.

Для меня самым неожиданным в театре оказалась ванна, а позже мы обнаружили, что без нее не обходился ни один театр. Эта японская ванна представляла собой огромную деревянную лохань, где вы сидели, отмокая, в самой горячей воде, какую только мог выдержать человек, затем выходили, чтобы помыться. Мы предпочитали душ, но актеры Кабуки любили посидеть в общей ванне, в то время как костюмеры делали им массаж и терли спину. Зачаровывало зрелище мастеров по изготовлению париков, особенно когда они делали сложные парики для *оннагата* — актеров, игравших женские роли. Они начинали свои архитектурные сооружения с металлического основания, которое плотно охватывало всю голову, и наконец создавали прическу, наверное, самую сложную в мире, но никогда не использовали ни единой шпильки, за исключением декоративных.

Трудно сказать, что доставляло мне больше удовольствия в Японии — танцевать со своей труппой или разучивать японские танцы. И то и другое сильно интересовало меня. В «Пробуждении Флоры» я заполучил роль сатира, которой давно домогался. Там было только два сатира, и я ощутил, что мне наконец предоставляется возможность создать собственную характерную роль. Я экспериментировал с гримом и решил повернуть колени внутрь, а не наружу для того, чтобы показать, что я иное существо, отличное от людей. Одна из девушек

сказала мне впоследствии, что я был самым милым сатиром, какого она когда-либо видела. Но у меня не было намерения выглядеть «милым».

Нравились мы публике «Империял-театра» или нет, мы не могли определить, потому что японские зрители не аплодируют. Нас постигло ужасное разочарование — мы вложили всю свою энергию в исполнение финала, занавес опустился, и ничего не произошло, только тихий осторожный шепот и звуки зажигалок для сигарет. К счастью, газеты публиковали восторженные статьи, иначе у нас не было бы ни малейшего представления о том, что русский балет значил для Японии. Это был не только первый визит Павловой, но вообще первый раз, когда Япония видела балет в «большом масштабе», если только двадцать танцовщиков могли представить «большой масштаб». Оркестр был явно слабым, но, поскольку среди зрителей присутствовало мало европейцев, а японцы плохо разбирались в европейской музыке, надеюсь, этот недостаток не слишком бросался в глаза. Бедному Теодору Штайеру, нашему дирижеру, пришлось нелегко.

В Токио произошло чрезвычайно волнующее для меня событие: наш единственный русский характерный солист Караваев после последнего турне остался в США, получив превосходный ангажемент. А это означало, что у Павловой не оказалось партнера в «Русском танце», поскольку Волинин выступал с ней только в классических балетах и некоторых дивертисментах. До отъезда из Лондона месье Дандре и Павлова упорно пытались найти какого-нибудь подающего надежды характерного танцовщика, настаивая, чтобы он был славянином. В новой версии «Русского танца» должно было участвовать восемь девушек, Павлова и один танцовщик, которому предстояло исполнить большинство сенсационных русских па. Я присутствовал в Лондоне на нескольких просмотрах, на которых эмигранты демонстрировали

свои жалкие попытки интерпретации «Русского танца». Я льстил себя мыслью, что хотя и не был славянином, мог справиться с танцем лучше, чем некоторые из них. Я предусмотрительно держал это мнение при себе, поскольку не так-то просто единственному англичанину в труппе высказывать вслух свои мысли.

Когда однажды, просмотрев еще одного злосчастного русского претендента, которому не удалось угодить Павловой, месье Дандре спросил меня с каким-то странным непроницаемым выражением лица:

— Мальчик мой, как ты думаешь, смог ли бы ты станцевать «Русский»?

Я собрал все свое мужество и ответил:

— Думаю, что смог бы станцевать немного лучше некоторых других.

Месье Дандре задумчиво кивнул и вскоре после того попросил меня показать Пиановскому, на что я способен. Тот без большого энтузиазма заметил, что я, может быть, и справлюсь к тому времени, когда мы приедем в Японию. Я не осмелился упомянуть об этом замечании никому, кроме своей матери, со строгим указанием держать это в секрете. Когда мы приехали в Японию, мне все еще не верилось, что подобное возможно. Я действительно буду партнером Павловой! Хотя этот дивертисмент был в репертуаре во время последнего американского турне, в него собирались внести ряд изменений специально для Японии, но на это не было времени. Я жаждал приступить к работе и готов был при необходимости репетировать день и ночь, но за четыре дня до премьеры я еще не знал, что репетировать. Я, конечно, мог попрактиковаться в основных элементах — в прыжках и присядке, и все. Когда дело дошло до настоящих репетиций с мадам, я ужасно нервничал, главным образом потому, что сцена театра Кабуки была очень скользкой. Мне казалось, будто это Ватерлоо, а я Веллингтон. «Русский танец» обычно пользовался успехом. Он

поражал своей хореографией и зрелищностью. Зрители просто задохнулись от восхищения, когда занавес поднялся и перед их взорами предстала современная театральная версия русского крестьянского быта в интерпретации Судейкина, с покосившейся избой, радугой, прудом с утками, крестьянкой с коромыслом и двумя ведрами и фрагментами декорации на заднем плане с нарисованными на них фигурами крестьян. Костюмы были столь же преувеличенными: огромные кокошники и сарафаны с крупными узорами.

В мгновение ока состоялась премьера, и я заковылял домой, опираясь на руку Варзинского, испытывая такое ощущение, словно стальные гребни впиваются мне в ноги. Газеты не упомянули моего имени, но это не имело значения, поскольку Павлова сказала: «Спасибо, Эджи». А девушки из кордебалета утверждали, будто я станцевал очень хорошо, даже некоторые из мужчин признавали это. Как чудесно было, когда за обедом после одного из спектаклей Павлова подняла бокал и произнесла:

— Удачи в «Русском», Эджи. Мне нравится танцевать с тобой.

Мне казалось, что теперь никакое другое мнение уже не имеет значения. Со временем газеты стали упоминать мое имя в довольно пылких выражениях и утверждали, будто декорации были просто преступлением. Мне же казалось, что теперь уже ничего не может быть плохо.

Несмотря на все эти волнения, я был очень занят множеством иных вещей. Я воистину вел двойную жизнь — утром и вечером был русским, а днем — японцем. На теплоходе мы говорили о японских танцах, и Павлова выразила надежду, что кто-нибудь из нас разучит их. Для Павловой новая страна в первую очередь означала новую аудиторию и во вторую — новый источник танца, ибо танец был ее языком. Она целиком и полностью посвятила себя танцу и брала танец взамен.

Она трансформировала мексиканский танец в театральную сюиту и исполнила свой собственный сенсационный танец. В репертуар входили голландский танец, персидский танец Оливерова, танец Анитры в исполнении Тамары, так же как и польские и венгерские ансамбли и сольные танцы. Естественно, я добровольно вызвался изучать японский танец, поскольку еще задолго до того решил связать свою карьеру с характерным танцем и хотел выучить все, что смогу. Единственное, что заставляло меня сомневаться по поводу уроков, так это очень высокая стоимость жилья, по крайней мере для нас. Усугубляло положение то, что я хотел купить все, что видел, потому что все японское, за исключением отелей и еды, было на удивление дешевым и в то же время замечательным.

Но я недолго колебался. В течение двух дней две девушки и я договорились брать уроки у Мацумото Коширо VII, одного из самых знаменитых учителей страны, и мне оставалось только решить, какую ссуду взять у месье Дандре, чтобы заплатить ему. Почему нашего учителя называли «седьмым», словно короля? Ответы на этот и тысячу иных вопросов пришли все разом, когда мне вдруг открылся мир японской театральной культуры.

Павлова и четверо из нас, избранных изучать японский танец, были удостоены чести получить приглашение на спектакли театра Но. Отсутствие жестов или чего-то иного, понятного нам, заставило нас сделать очевидное и бесполезное замечание, будто бы этот вид драмы не мог получить более подходящего наименования. Вскоре я пришел к выводу, что приехать в Японию, как это сделал я, пребывая в полном неведении относительно ее художественных традиций, было оскорблением по отношению к одной из самых высоких культур в мире. Не знаю, изучала ли Павлова историю и значение театра Но до приезда в Токио, но, просиживая по несколько часов в не слишком удобной позе

на подушке рядом с ней, я обнаружил, что ничто не ускользало от ее внимания. Она понимала, главным образом инстинктивно, что именно происходило, и вникала в самую суть произведения. Ни одно подлинное театральное выражение не могло остаться для нее в тайне, и хотя эти танцовщики почти не двигались, а пение и инструментальная музыка казались нам в высшей степени странными, у Павловой они, казалось, вызывали не больше затруднений, чем европейский танец. И в то же время, возможно, не существует танцевальной драмы более эзотерической, в большей степени близкой иностранному уму. Начать с того, что театр Но всегда был и до сих пор остается всецело аристократической традицией и за много веков существования абсолютно не утратил своей чистоты. Последняя пьеса из репертуара театра Но была написана около 1600 года, и с тех пор к ней не было ничего добавлено. Театр Но своими основными принципами не стремится к реализму, цель каждой пьесы — создать свой собственный мир красоты. Используемые костюмы приспособлены для того, чтобы продвигать эту концепцию. Нет необходимости, чтобы нищий был одет в лохмотья, а воин в доспехи, и дровосек может носить красивые одежды. Действие с его строгой экономией движений в высшей степени символично в своей выразительности. Например, несколько шагов вперед означает конец путешествия, постучать одной рукой по колену значит выразить волнение. Задний план никогда не меняется — изменение сцены выражается изменением места актеров. Декорации создаются путем импрессионистской бутафории, и воображению зрителей дается безграничный простор: всего лишь основа лодки в пьесе «Бенкей в лодке» вызывает в воображении видение широкого простора океана более убедительно, чем реалистически написанный задник, а в «Хагаромо» («Одевание из перьев небесной девы») бутафория, изображающая сосну, дает возмож-

ность зрителям представить рощу Мио, где происходит действие.

Нельзя сказать, будто Но не имеет никаких параллелей, даже отдаленных. Из-за хора и использования масок Но часто связывают с античной греческой драмой. Эти маски, представляющие собой настоящие произведения искусства, высоко ценятся своими хозяевами и передаются по наследству в аристократических семьях. Они очень облегчают актерам перемену грима, поскольку пьесы театра Но довольно короткие, во время программы порой осуществляется несколько перемен. После спектакля театра Но, который мы посмотрели в Токио, нам показали маски. Мне не позволили их потрогать, сами хозяева прикасались к ним с величайшей осторожностью. Эти маски, насчитывавшие пять сотен лет, казались только что расписанными, и лишь по краям, где много поколений актеров держали их большим и указательным пальцами, краска стерлась.

Существует шесть типов пьес Но, и пять или шесть используют для того, чтобы составить программу. Эти шесть типов имеют названия, которые я всегда находил восхитительными: Божественная пьеса, Военная пьеса, Женская пьеса, Пьеса безумия и Пьеса мщения, которые обычно шли вместе, Земная пьеса и Последняя пьеса. Даже театры, где исполняются пьесы театра Но, были выдержаны в традиционном стиле. Сцена представляет собой платформу примерно восемнадцать квадратных футов, приподнятой над полом фута на три. За ней находится задняя сцена, вполовину меньше первой, где сидят музыканты и суфлеры. На задней стене всегда изображается благородная сосна в стиле школы Кано¹. Справа — узкая веранда для хора, а слева — знаменитый цветочный мост, ведущий по диагонали к

¹ К а н о — одна из школ японской живописи, существующая со 2-й половины XV века и названная по имени своих основателей, приворных художников династии Кано: Кано Масанобу и Кано Мотонобу.

задней сцене. Актеры и музыканты выходят по этому мосту, и порой там происходит действие. В самом его конце висит пятицветный бамбуковый занавес, поднимающийся с помощью двух бамбуковых палок так, чтобы актер мог войти и выйти. Сразу за ним находится зеркальная комната, которая произвела на меня огромное впечатление, когда я увидел ее. В ней ничего нет, кроме большого зеркала, куда актеры могут бросить последний взгляд на свой грим и костюмы перед выходом на сцену; но главная цель зеркала состоит в том, что японцы верят, будто хороший актер, глядя на себя, одетого для роли, вбирает в себя черты характера персонажа, которого он изображает. Мне кажется, это отлично выражает постоянное указание Павловой: «...стань своей ролью, не просто исполни ее».

Хотя драма Кабуки более доступна, чем Но, даже для японцев, она изначально происходит из Но. Связь между ними довольно явно прослеживается в женской пьесе, «Катсура Моно». В некоторые из этих пьес включался религиозный танец, и выдающуюся роль среди всего этого играл знаменитый танец Кагура, исполнявшийся в храмах синто¹. Это своего рода божественная комедия, заставлявшая богов смеяться. В начале XVII века некая жрица по имени О-Куни² исполняла Кагуру с таким успехом, что ее послали в Киото (древнюю столицу Японии) танцевать перед сёгуном³ и попросить денег на ремонт синтоистского храма в Идзумо. О-Куни была очень красивой, в Киото она влюбилась в одного из приближенных сёгуна, и они бежали. Все это очень хорошо, но как заработать на жизнь? О-Куни приняла смелое решение: она станет танцевать

¹ Синто (синтоизм), букв. — путь богов; одна из наиболее распространенных в Японии религий.

² О-Куни — синтоистская жрица и прославленная исполнительница религиозных танцев.

³ Сёгун — звание военно-феодалного диктатора, фактического правителя Японии в феодальные времена.

священную Кагуру для всех. Так что любой сможет посмотреть на нее и заплатить за такую привилегию. Представления имели успех, и, по преданию, Кабуки развилось из предприятия О-Куни. Слово «кабуки» означает «нечто, находящееся в стороне от проторенной тропы», и оно представляет собой прекрасное описание того, как, по преданию, все началось¹. Все продолжалось подобным образом до тех пор, пока последовательниц О-Куни не наказали за плохое поведение, и женщинам запретили быть танцовщицами — правило, остававшееся в силе до начала XX века.

Некоторые из драм Но были переписаны для Кабуки, и актеры-танцовщики Кабуки усвоили ту же систему династий, как и исполнители Но. Актер Кабуки передает свое имя сыну. А если у него нет сына, то он может выбрать преемника и дать ему свое имя. Таким образом, мой учитель Мацумото Коширо был седьмым представителем этой династии, а учитель Павловой, знаменитый Кикугоро, — шестым.

Японцы проявляли по отношению к нам чрезвычайное гостеприимство. Наши хозяева водили нас повсюду: от садов наслаждения до *thes dansants*², но главным образом они приобщали нас к своей культуре. Однажды вечером после спектакля один из японских актеров пригласил Павлову вместе со всей труппой к себе домой. Мы сели или, скорее, опустились на колени вдоль трех стен продолговатой комнаты, в то время как несколько чутких гейш принесли дополнительные подушки, которые подложили нам под сгибы колен. Это немного ослабило напряжение. Стены комнаты были цвета тусклого золота, а вдоль одной из них стояла расписная ширма див-

¹ Словом «кабуки» в ту эпоху обозначали все необычное, экстравагантное; впоследствии для имени театра было подобрано омофоническое написание иероглифами ка (песня), бу (танец), ки (мастерство); таким образом, буквальный перевод — «мастерство пения и танца».

² Вечеринка с танцами (*gpr.*).

ной красоты. Перед каждым из нас поставили маленький черный лакированный столик с подносом с японскими лакомствами И конечно же с чашечкой теплой рисовой водки — сакэ. В конце комнаты, за сёдзи¹, разместился японский оркестр, состоявший из лютни, или кото (13-струнная японская лютня), флейты и ударных инструментов.

Под аккомпанемент этого оркестра началось зрелище — старинная драма «Сусаноо и змей». Мне было легко следовать за сюжетом, столь точными и определенными были жесты. Сусаноо — легендарный брат богини солнца. Однажды, гуляя у реки, он видит китайскую палочку, плывущую по течению, и догадывается, что выше по течению живут люди. Он отправляется на их поиски и находит старика и старуху, плачущих и ласкающих девушку. Сусаноо спрашивает о причинах их горя, и старик объясняет, что у них некогда было восемь дочерей, но каждый год восьмиглавый змей из страны Коши приходил и пожирал одну из девушек, так что осталась только одна Чудесная дева. И вот теперь пришло ее время разделить судьбу сестер. Сусаноо заявляет, что он брат богини солнца и объявляет о своем намерении спасти Чудесную деву. Он превращает ее в гребень и вдевает его себе в волосы, велит старикам построить забор с восемью воротами и сварить большое количество очень крепкого сакэ, затем помещает по чану сакэ в каждые ворота. Появляется чудовище, приближается к изгороди и, просовывая свои восемь голов через восемь ворот, пьет сакэ и впадает в дрему. Сусаноо вызывает его на смертельную схватку и быстро побеждает. Он возвращает Чудесной деве ее прежний вид, и они сочетаются браком среди всеобщего ликования¹. Разрубая кольца чудо-

¹ С ё д з и — раздвижные перегородки в японском доме.

² В японской мифологии женой бога Сусаноо была земная богиня Кусинада-химэ (др.-яп. «Чудесная дева из Инада»); «куси» также переводится как «гребень».

вища, он находит в его теле огромный и острый меч, который посылает в храм богини солнца в Исэ¹. Этот меч, наряду с зеркалом и округлыми драгоценностями, которые были развешаны перед пещерой, стал символом Японии.

Кажется невероятным, что эта сложная и жестокая история может быть успешно рассказана языком танца и мимики нескольких человек, но даже нам, не знающим легенды, она показалась абсолютно понятной. Актеры были исключительно мужчины, и все в масках. Движения героя сильны и благородны; во всех жестах старика проглядывает почти комическая дряхлость: опираясь на палку, он неловко переваливается с одной ревматической ноги на другую. Гибкая, как тростинка, и грациозная Чудесная дева, носившая маску, отличавшуюся такой белизной (несмотря на многовековую возраст), словно была только что расписана, олицетворяла собой женскую прелесть и казалась несовместимой с мужественным юношей, которого потом нам представили как «героиню» драмы. Змей передвигался крадучись, его поступь вызывала ужас, маска была особенно страшной, увенчанной позолоченными рогами, и его ярко-красные волосы мели пол во время ходьбы.

На этом вечернее развлечение еще не было закончено. Словно для того, чтобы восстановить контакт с реальным миром, нам показали восхитительный комический танец, во время которого танцовщик надевал две маски: одну на лицо, вторую — на затылок. Поворачиваясь спиной к публике, он превращался в женщину! Павлова сочла эту интерпретацию особенно интересной и, повернувшись ко мне сразу после танца, сказала:

— Этот танец для тебя, Элджи.

¹ В провинции Исэ находятся прославленные синтоистские храмы, в том числе и храм Аматэрасу, богини солнца и прародительницы японских императоров.

Она тотчас же поняла, каким успехом этот танец будет пользоваться в Европе и что он подойдет именно мне. Это один из примеров, который полностью опровергает слухи, будто Павлова думала только о себе.

После представления ей подарили великолепное шелковое кимоно цвета темно-зеленого яблока с каймой из красных кленовых листьев. Его преподнесла одна из самых знаменитых актрис современного театра Кабуки Рицуко Мори.

Затем всем девушкам нашей труппы вручили японские сумочки для косметики, где лежали кисточки для пудры и маленькие книжечки с листочками румян для губ. Мужчинам же подарили портсигары. Мне достался портсигар из позолоченной лакированной кожи, я всегда бережно хранил его. Затем нас повели в другую комнату с кинематографическим экраном на стене, где показали фильм о нашем прибытии в Японию и об официальном визите всей труппы в Кагэцуэн в Тзуруми. После этого вечера, который всегда хранил в памяти как один из самых чудесных вечеров в моей жизни, я вернулся в «Империял-отель» и поклялся, что если даже останусь без единой иены к концу нашего пребывания в Токио, я изучу, насколько возможно, японский танец.

Изучение, как я вскоре узнал, означало главным образом неизучение. Мацумото Коширо, мадам Фуджима, его супруга, и мисс Фюме, его ассистентка, проявляли доброту и понимание. Наши беседы проходили не без труда, хотя к этому времени я гордился своим японским.

— Wakarimasu-Ка? (Ты понимаешь?)

Я смотрел на свои руки и ноги.

— Wakarimasen. (Я не понимаю.)

Снова и снова они показывали мне, что делать, и продолжали до тех пор, пока я с уверенностью не мог ответить: «Wakarimasu». (Я понимаю.)

Другой проблемой стала музыка: уроженцу Запада трудно следовать ей — так отличается она по своей

конструкции. Мадам Фуджима аккомпанировала нам на своем сямисэне¹, и сначала мы могли учиться только по счету. Ассистент показал нам движения, а Коширо наблюдал за нами орлиным взором, поправляя нас, когда это было необходимо. Сперва это происходило практически все время, поскольку все противоречило нашей балетной подготовке. В Кабуки ноги повернуты внутрь, а не наружу, колени согнуты, вместо того чтобы держать ноги прямо; когда нога приподнимается от пола, ступня в подъеме согнута крючком, вместо того чтобы быть вытянутой, и большой палец ноги поднят вверх, в то время как все остальные пальцы опущены вниз. Это отсутствие выгнутого подъема, которого должен добиться балетный танцовщик, компенсируется изысканным изгибом тыльной стороны руки и вытянутыми пальцами. Локти обычно согнуты, а плечи используются чрезвычайно экономно — нет никакого *epaulement*², столь необходимого для совершенства классического балета. Сначала я думал, что невозможно достичь красоты линии путем совершенно противоположным тому, которому я обучался; сомневался я и в том, что мне удастся вообще чего-либо добиться.

Движения чрезвычайно плавные и ритмически акцентированы резкими наклонами головы и топотом босых ног. Таби — своего рода носки с отдельной частью для большого пальца — имеют такое же значение для японского танцовщика, как балетные туфли для балетного танцовщика; костюмы изменяются в соответствии с темой танца, как и в балете, но таби остаются основной обувью.

В японском танце нет пируэтов, едва ли существует элевация, совершенно нет высоких прыжков (японцы смеялись над нашими прыжками). Едва ли есть необхо-

¹ С я м и с э н — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

² Э п о л ь м а н — поза классического танца, образующаяся из отчетливого поворота головы к выдвинутому вперед или назад плечу.

димось добавлять, что они не танцуют на пальцах и не существует *entrechats*¹. Многие движения рук имеют мимическое значение и дополняются с помощью использования бутафории: вееров, шарфов, цветущих веток, копий и другого оружия.

Наиболее важной частью бутафории является сложенный веер, специально созданный по такому образцу, чтобы соответствовать требованиям танца. Открытый, закрытый или полуоткрытый, он может представлять бесчисленные предметы. Длинные рукава кимоно также используются в пантомиме.

Постепенно пришло ощущение танца. Я отказался от своих карнавальных представлений о Японии и постепенно осознал, в чем там дело. Я понял, что веер, в зависимости от того, как вы его держите и какие движения им совершаете, может изображать восходящую луну, падающий дождь или цветение, птицу, открывающуюся скользящую дверь и бесчисленное количество других вещей. Музыка стала обретать свое собственное значение, и постепенно я почувствовал, что угол моих колен, ног и рук становится терпимым, на взгляд японца. Мой учитель и его жена, мадам Фуджима, проявляли удивительное понимание. Часть моих занятий проходила в гримерной Коширо в «Империял-театре», так как во время долго тянувшихся дневных представлений театра Кабуки ему приходилось подолгу ждать. Когда мой урок начинался, на нем еще была обычная одежда, а через час или около того приходил один из костюмеров и понемногу начинал готовить его ко второму выходу. К концу нашего урока он был полностью готов. Мы низко кланялись друг другу, и я уходил, а он отправлялся на сцену.

Мадам Фуджима, его жена, олицетворяла собой саму доброту. Она дала нам кимоно, пояса, веера и все

¹ А н т р а ш а — прыжок. Заноска, прыжок вверх на месте; ноги, скрещиваясь, переносятся то вперед, то назад. Заноска делится на *entrechat quatre* (кватр — четыре), *six* (сиз — шесть) и т. д. в зависимости от числа переносов ног.

прочее, необходимое для танцев. Однажды она принесла в артистическую уборную маленькие японские пирожки, чтобы угостить нас. Мы привыкли к японской пище, каждый день нас приглашали на званый чай или на прием. Но пирожки мадам Фуджимы ни с чем не шли в сравнение! Нанизанные на маленькие палочки, они были очаровательно расставлены и выглядели чрезвычайно аппетитно. Одна из девушек откусила большой кусок, и я последовал ее примеру. Слишком поздно увидел я выражение ужаса, появившееся на ее лице, но я уже ощутил вкус, который напоминал вкус горелых говяжьих хрящей. Пожалуй, никогда в жизни я не ел ничего столь же ужасного. Как нам избавиться от пирожков? Я мужественно доел свой, так как прошел своего рода школу и умел скрывать чувства, если мне не нравилась еда. Затем девушки заняли мадам Фуджиму разговором, а я, пожертвовав носовым платком, вернул в него остатки пирожков и спрятал в карман, — так нам удалось избежать ужасного «социального преступления».

Эти недели в Токио переполнили нас восторгом. Некоторые из членов труппы постарше чувствовали себя чрезвычайно несчастными — им не нравились общие ванны, им не нравилась пища, и еще много чего им не нравилось. Но пожалуй, никогда я не был более счастливым или более занятым. Помимо моей работы с Мацумото Коширо, мне удавалось сделать многое другое. Я видел, как танцевала гейша, но после искусства Кабуки ее танец казался поверхностным. Я проводил целые часы, торгуясь с лавочниками, покупая дешевые кимоно, сандалии, колокольчики для маминой коллекции и все прочее, ради чего стоило поторговаться.

К несчастью для меня, все узнали, что я немного говорю по-японски, и постоянно использовали меня как переводчика. Японский не казался мне слишком трудным, но сперва я конечно же столкнулся с обычной про-

блемой — никто не понимал меня. Однажды я спросил служащего отеля по поводу своей рубашки, а он отвел меня в ванну! Я так и не понял почему. Месье Дандре использовал меня в качестве секретаря, поскольку ему всегда приходилось посылать телеграммы, а на почте не могли их прочесть, если я не подписывал их печатными буквами и черными чернилами. К тому же я делал покупки для месье Дандре. Я охотно выполнял эту работу, потому что мне за нее платили, а это давало мне возможность купить больше вещей для дома и брать больше уроков.

Однажды мне представилась возможность испробовать свой японский язык на прелестной девушке по имени Сикова-сан, преуспевающей киноактрисе. Я познакомился с ней на одной из бесчисленных вечеринок с танцами, на которые нас приглашали. Хозяин сказал мне, что девушка спросила, может ли она потанцевать со мной. Я пришел в такой восторг и так усердно старался показать ей, что могу танцевать не только на сцене, но и на вечеринках, что мой японский совершенно покинул меня. Мне хотелось сказать: «Вы танцуете фокстрот очень хорошо», но такое предложение в переводе, казалось, было обречено на провал. Так что мы просто танцевали и улыбались друг другу.

Однажды месье Дандре протянул мне большой конверт, на котором крупными буквами было напечатано: «МИССИС АННЕ ПАВЛОВОЙ И ЕЕ ТРУППЕ». Внутри лежала отпечатанная карточка.

«Дорогие дамы и господа, — гласила она. — Наша танцевальная труппа То-ин-кай просит оказать нам честь и почтить своим присутствием танец на площадке, устраиваемый в вашу честь в Юракузе в два часа дня 29 сентября; по этому случаю члены нашей труппы намерены продемонстрировать различные черты японского танцевального искусства.

С уважением...».

Мадам Фуджи жаждала показать Павловой, как могут исполнять танцы некоторые из ее молодых танцовщиков.

«То-ин-кай, танцевальная труппа под сенью Уистерии». Программа началась, и к нашим воспоминаниям о Японии добавился еще один очаровательный день. В танцах принимали участие тринадцатилетние девочки, актриса, уже ставшая знаменитой, и сама мадам Фуджима. Одна из девочек танцевала весьма изысканно, ее танец повествовал о деде, которая несла продукты в корзинке, а к ней слетались птицы, чтобы растащить их. Мне кажется, что я до сих пор вижу ее взгляд, полный отчаяния, и исполненные гнева движения, когда она пыталась отпугнуть птиц.

Я все еще сохраняю программу того праздника. Она содержала детальное описание — хореограф в Японии называется «дизайнером поз», и я не могу удержаться, чтобы не процитировать описание «Теконы»:

«Эта песня была написана в XVIII столетии. Господин Нишияма положил это на новую музыку Шамизен для мисс Мюраты, которая, в свою очередь, нарисовала позы, следуя своим модернизированным идеям». История происходила следующим образом: в местечке Мада, в округе Катсушика, находится старый колодец, куда приходит девушка, чтобы набрать воды... Вдруг она уносится в своем воображении на несколько веков назад и вспоминает происшествие из жизни девушки ее возраста, которую называли Текона, очень хорошенькая девушка в поношенной одежде. За ней ухаживало много парней, добивавшихся ее любви, слетавшихся, словно мотыльки летней ночью, или рыбацьи лодки, возвращающиеся домой. Она говорила себе: «Мне нравится каждый из них, все они такие благородные и галантные. Я скорее умру, чем влюблюсь в кого-то одного и разочарую всех остальных». И она бросилась в ближайший залив и уснула вечным сном в мирной могиле под водой.

Погруженной в привидевшиеся ей образы девушке кажется, будто это событие произошло день или два назад, она поет песню:

Глядя в колодец Мада,
я думаю о Теконе,
которая, наверное, каждый день
берет воду.

Но мы не могли остаться в Токио навсегда, несмотря на то что успех мадам превзошел все ее надежды и труппе оказали королевский прием. Нам пришлось переехать в Кобе. Перед отъездом Павлову пригласили посетить школу танца Коширо—Фуджима. Нас, четырех учащихся, пригласили исполнить танцы, которые мы разучили из «Додзёдзи»¹, одного из классических произведений драмы Кабуки. По правде говоря, я почувствовал себя абсолютно униженным, словно червь, в присутствии двух высоких особ — или, точнее говоря, трех, поскольку Фуджима-старший, напоминавший пожилого, вышедшего в отставку Чекетти, тоже присутствовал. Но, полагаю, мы выступили все-таки сносно. Мне же предстояло худшее испытание — меня попросили сольно исполнить «Каппоре», один из самых популярных комических танцев в Японии. Ему триста лет, его танцует кули, который боится, что шторм помешает привозу апельсинов с юга.

«Что я вижу на горизонте? — говорится в сопровождающей песне. — Это парус? Может, это корабль с апельсинами, который везет золотистые фрукты для новогоднего праздника? Yo-o-itona, Yoi! Yoi!» Сначала кули бежит вдоль пристани, всматривается в море, затем стряхивает пыль с брюк и танцует, отбрасывая веревки, которыми рабочие подвязывают рукава кимоно, поскольку он теперь уверен, что Новый год будет благоприятным.

¹ «Додзёдзи» — пьеса о ревности.

В пересказе это звучит не очень сложно, но танец ни в коем случае не был легким. Я приблизился к сцене и нервно начал с кулаком в кармане изображать, будто я кули и мне холодно. Затем я увидел, что мой любимый учитель тоже вышел на сцену и танцует со мной. Существовал ли когда-либо более благородный способ вернуть человеку уверенность?

Перед нашим отъездом учителя сделали нам подарок, который мы хранили всю жизнь, — веера, ими пользовались на представлении «Додзёдзи», во время приезда в Японию Эдуарда VIII, тогда еще принца Уэльского.

Затем — в Кобе. Нигде за пределами Токио мы уже не встречали роскоши, подобной «Империал-отелю». Я так стремился сэкономить деньги на уроки танцев и на дешевую прелестную одежду, что, наряду с несколькими наиболее авантюрными поляками, решил испробовать японский отель. Спать на полу по-японски неожиданно оказалось очень удобно.

Некоторые из мужчин купили элегантные кимоно и стали их носить, а однажды вечером мы устроили прекрасную вечеринку. Служащие отеля и так считали всех европейцев ненормальными, интересно, что они подумали, увидев нас на этот раз? Те члены труппы, которые не стали тратить деньги на японские одеяния, главным образом девушки, надели маскарадные наряды, варьировавшиеся от купальных костюмов до непромокаемых мешочков для купальных принадлежностей, надетых на голову вместо шляпок, и тренировочной одежды с пришитыми к ней крылышками.

Я посетил водопад Нунубики, который заслуженно пользуется славой одной из достопримечательностей Японии. Для того чтобы добраться до него, мне пришлось взобраться на бессчетное количество холмов, но высокий узкий водопад был воистину прекрасен и не так коммерциализован, как Ниагара. Он наваял на меня мысль о нескончаемом отрезе блестящего белого шелка.

Помимо отеля наша жизнь в основном протекала в русском стиле. Русская дама, мадам Александрова, на время присоединилась к труппе и исполняла некоторые мимические роли. Остановилась она в Русском доме, где все мы питались. Это спасло нас от разорительных опытов с маленькими японскими рестораничками. Я усердно работал над «Русским танцем», а американец Оливеров посоветовал внести в него новые па. Он показал, как это сделать, и все получилось хорошо. Не знаю, много ли трупп в наше время поощряет своих танцовщиков импровизировать подобным образом, особенно когда являешься партнером звезды. Всем нашим зрителям понравился танец, но это не помешало мне ужасно нервничать целый день накануне представления. Мадам почти ничего не сказала мне по поводу танца, но время от времени до меня доносились кое-какие слухи. Больше всего я приободрился, когда узнал, что она считает меня настоящим артистом, так как я всегда стремлюсь улучшить свою работу и пытаюсь исполнить новые па. Несколько дней я был доволен собой.

Когда мы танцевали в Осаке, жить продолжали в Кобе, совершая каждый день двухчасовые поездки туда и обратно, потому что отели в Осаке были слишком плохими и дорогими. В общем, это путешествие означало три поезда, множество неудобств и большую головную боль для меня как для переводчика.

Когда мы прибыли в Киото, древнюю столицу Японии, нас встретила огромная толпа. Мы ехали по городу на такси, увешанных флагами. Это в точности напоминало цирковой парад. Павлова долго беседовала со мной, советуя продолжать заниматься японскими танцами, а это было совсем непросто, потому что мы останавливались в каждом городе на два-три дня. Она нашла учительницу, которая стала с нами путешествовать. Я очень радовался до тех пор, пока не обнаружил,

что это удивительное маленькое создание не имеет ни малейшего представления о времени. У нее была необыкновенная система: она приходила по крайней мере на час позже, показывала одно движение и куда-то убегала на полчаса. Таким образом, мы занимались за всю вторую половину дня всего около получаса. Даже месье Дандре не смог с ней справиться. Мы называли ее Кошачье Личико-сан.

Однажды в Киото, когда эта темпераментная дама вообще не явилась, я отправился вместе с остальными посмотреть самую удивительную процессию — Жидай Матсури. Раз в год душу императора Кама выводят из гробницы и провозят по городу, чтобы он посмотрел, как живут его потомки. Чтобы продемонстрировать течение времени, группы людей, участвующих в процессии, одеты в костюмы, начиная с пятидесятилетней давности, постепенно они становятся древнее и, наконец, представляют одеяния, которые носили тысяча двести лет назад. В каждой группе было слишком много людей, одетых в простые темно-синие кимоно. А жаль! По стечению обстоятельств Кошачье Личико-сан тоже пришла посмотреть эту процессию! Она стояла в переднем ряду.

Киото, древняя столица Японии, была необычайно красива. К счастью, мы отрепетировали весь репертуар, так что у нас было больше свободного времени, чтобы осмотреть замечательные храмы и дворцы. Мы танцевали в театре Минамиза, а поблизости нам показали место у реки, где, как считается, О-Куни, невольная изобретательница театра Кабуки, впервые исполнила священную Кагуру за пределами храма. Гейши Киото дали особые представления в нашу честь, и их точность можно было сравнить только с хором девушек Тиллера. Их позы и мимика были прекрасны, все мы наслаждались этим зрелищем.

Затем прошло несколько разовых представлений, которые не часто устраивали западные артисты в Японии.

Одно из них произошло в злополучном городе Хиросима, он произвел на нас впечатление полным отсутствием отелей. Их там вообще не было, и большинство из нас спали в театре в актерских уборных на полу. В своей книге «С Павловой вокруг света» наш дирижер Теодор Штайер наградил меня золотой медалью за мою деятельность по охоте на пауков в ту ночь. Я никогда даже не мог вообразить, чтобы такое огромное количество отвратительных насекомых с таким упорством лезло из всех мест. Но они лезли, и на мою долю выпала сомнительная честь убить большинство из них своей домашней туфлей. На следующий день мы были свободны и отправились на священный остров Мийаджима, находящийся во Внутреннем море. Мы увидели замечательные врата храма, выходившего в море. Деревья и цветы выглядели очень красиво, но в поистине японском стиле лил дождь, и у нас абсолютно не было никакой возможности выйти. Следующей остановкой была Хаката, куда мы добирались после тяжелого ночного переезда. Мне пришлось отказаться от своей койки в пользу одного из наших японских помощников, внезапно заболевшего лихорадкой. Наградой мне стал великолепный восход солнца над горами. В Хакате отель очень удобно присоединялся к театру, но в Моии он находился на расстоянии нескольких миль, на другом острове.

Куда бы мы ни поехали в Японии, мы вызывали большое любопытство как на сцене, так и за ее пределами. Однажды на репетиции, когда у нас был минутный перерыв, я стоял на солнечном свету у двери, ведущей на склад декораций.

— Очень красиво, бледно-золотой цвет, — заметил директор театра, показывая на волоски моей руки, блестящие на солнце.

Самый странный комплимент, который мне когда-либо делали! Но в конце концов, светлые волосы, навер-

ное, действительно выглядят экзотично в стране, где все темноволосы и почти ни у кого нет волос на руках.

По всей стране мы с Сильвией Николз привлекали всеобщее внимание, а на железнодорожных станциях вокруг нас собиралась целая толпа просто поглазеть на нашу английскую белокурость.

Театры обычно были переполнены, даже кулисы, — всегда находилось множество желающих наняться в качестве рабочих сцены и бесплатно смотреть наши выступления. В Осаке кулисы так кишели рабочими сцены, что нам приходилось проталкиваться через их ряды, чтобы вернуться в свои артистические уборные. В Мойи даже сцена не принадлежала нам — в середине *ра де деу* крошечный японский ребенок мог пробежать через сцену, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на танцующих. Большинство матерей были так поглощены танцем, что совершенно забывали о своих детях, и в перерывах ряд маленьких блестящих головок появлялся с нашей стороны занавеса. Им так не терпелось посмотреть, что происходит, что они подползали под занавес и даже не думали возвращаться до тех пор, пока на них не набрасывались толпой рабочие сцены.

Когда подошло к концу последнее выступление в Мойи, я по-настоящему сожалел о том, что нам предстоит покинуть Японию. Каждое мгновение пребывания в этой стране было наполнено для меня красотой и вызывало интерес. Волнению, доставленному мне тем, что я стал партнером Павловой в «Русском танце», вполне соответствовало открытие японского танца и таившегося в нем целого мира артистичности. Всю оставшуюся жизнь я намеревался оглядываться назад, на Японию, как на некий зеленый оазис.

Когда я уставал от джазовых представлений во время гастролей по США или Англии, я возвращался мыслями к школе Фуджимы, чье имя до сих пор

пользуется почетом в Японии, и чувствовал себя счастливее. В 1922 году Артур Уэйли еще не перевел классическую «Повесть о Гэндзи»¹, но когда я прочел ее позже в Англии, меня поразила глава, озаглавленная «Праздник цветов». Япония осталась в моей памяти как место цветов: легкая дымка глициний и вишня в цвету, и все это на фоне кленовых листьев. И какую симпатию вызывает Правый министр², когда приглашает Гэндзи на праздник цветов, посылая своего сына со стихами: «Если бы мои цветы были такими же, как в других садах, никогда бы я не отважился пригласить вас».

Я думаю об этих словах, когда смотрю на прощальные подарки, которые вручил мне Мацумото Коширо — прекрасный оби (пояс) с узором из стилизованных розовато-лиловых цветов глицинии, со словом «Фуджи» на блестящем бледно-голубом фоне. Это эмблема школы Фуджимы. На подаренном им веере театра Но на одной стороне — кленовые листья, на другой — цветы вишни, и то и другое — на золотом фоне.

Павлова тоже была глубоко растрогана всем увиденным. Помню, какое впечатление на нее произвело, когда я объяснил ей, как снимают и упаковывают сямисэн, когда его убирают. А однажды я показал ей чашку, за которую заплатил сумму, равную двум пенсам. В ней не было ничего особенного — узор из голубого тростника на кремовой основе, — но, тем не менее, это было совершенство. Она взяла чашку и рассмотрела со всех сторон.

— Знаешь, Элджи, — сказала она, — в этой стране нет ничего, что хотелось бы выбросить.

¹ «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари») — выдающееся произведение средневековой японской литературы, написанное придворной дамой Мурасаки Сикибу (X—XI вв.).

² Государственный совет Японии, учрежденный в 645 году, первоначально состоял из трех министров — Левого, Правого и Среднего.

Глава 6

ВОСТОЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Сказочный мир Японии с его сокровищницей драматического танца стал для меня опытом неизмеримой ценности. Хотя я и не осознавал этого, покидая страну, но этому путешествию суждено было остаться со мной на всю жизнь. Путешествие с Павловой стало наилучшей иллюстрацией старой поговорки: что посеешь, то и пожнешь. В первую очередь она заботилась о том, чтобы мы посетили достопримечательности, и всегда организовывала все таким образом, чтобы труппа отправлялась на прогулки в соответствии с путеводителем Бедекера там, где это было возможно. Она никогда не говорила: «Вы должны изучать японские танцы», но под ее влиянием нам самим непроизвольно хотелось сделать это. Когда мы покинули страну, я находился под таким влиянием целого мира восточного танца, что не хотел расставаться с ним всю оставшуюся жизнь. Даже когда я впервые увидел Павлову в Лондоне, черты ориентализма в ее раннем репертуаре и танцы Губерта Стовица поразили мое воображение, но я тогда не знал действительности, стоявшей за ними. Теперь я узнал ее и предполагал, что реальность продлится по крайней мере до конца нашего турне. Не могу сказать, что мне понравился маленький японский пароходик, который отвез нас в Шанхай. Он был очень примитивной европейской конструкции и чрезвычайно неудобный. На второй день пути был день рождения микадо, весь экипаж судна собрался на палубе и, обратившись лицом к Японии, исполнил национальный гимн. В тот вечер на обед подали огромного морского леща — это «счастливая» рыба, тай, ее всегда подают в день рождения императора. Однако нам она удачи не принесла: на следующий день мы попали в хвост тайфуна и всю ночь напролет нас швыряло и подбрасывало разгневанное море. Когда настало

утро, мы оказались на Желтой реке, которая вполне соответствовала цвету желчи, а она-то как раз и давала нам всем о себе знать в этот день.

Пожалуй, первое, что поразило меня в Шанхае, была яркость китайских красок по сравнению с нейтральными мягкими тонами Японии. Красные и зеленые цвета я считал слишком вызывающими. Шанхай конечно же ни в коей мере нельзя назвать типичным китайским городом. Зрители состояли исключительно из европейцев, и это казалось очень странным после Японии, где мы танцевали исключительно перед японской публикой. Было очень холодно, и я размышлял, был ли то китайский или японский обычай прятать руки в рукава, чтобы сохранить тепло. Воздух, казалось, разрезал меня, когда мальчик-рикша бежал в театр. В британском секторе порядок поддерживали сикхи, и я помню, как потрясена и расстроена была Павлова, когда увидела, как сикх-полицейский бил дубинкой китайского мальчика-рикшу.

Я интересовался только китайской частью города и «прочесывал» боковые улицы, отходящие от главной, причем шел по одной стороне и возвращался по другой, чтобы не заблудиться. Я обнаружил чайный домик с ивовым узором, с изгородью с зигзагообразным орнаментом, предназначенным для того, чтобы отпугивать чертей, увидел птичий рынок и доброжелательного старого китайца с птичьей клеткой на шесте, выносившего таким образом свою птицу на прогулку. Однажды, когда я сопровождал миссис Лейк и Молли на базар, мы нашли гида, который повел нас осматривать Сад мандаринов с драконовой стеной. В камнях были вырезаны фантастические орнаменты, в саду находился пруд с темно-зеленой водой, сквозь которую поблескивало множество золотых рыбок. Драконы были вырезаны по вершине всей стены, практически носом к хвосту. Некоторых членов труппы пригласили на скачки. У Риты

Глинде был наметан глаз на лошадей, и она ставила на победителя. Как-то раз она заметила, что одна из лошадей долго лидировала в забеге, а затем замедлила бег. На следующий день ту же лошадь поставили на более короткую дистанцию, Рита поставила на нее и выиграла.

Даже находясь в Шанхае, я едва мог поверить, что мы уже в Китае, поскольку подлинный Китай оставался скрытым от глаз. С тех пор я много узнал о китайском театре, но не в самом Китае. Знаю, что Павлова была разочарована, но она отнеслась к этому с большим философским спокойствием, чем остальные из нас. Во всяком случае, мне кажется, она знала многое заранее.

Мы выехали в Манилу на довольно комфортабельном «Тайо Мару». Когда судно было готово отойти, мы обнаружили, что с нами нет Волинина. Только подняли сходни, как мы увидели фигуру человека, бегущего по набережной. Волинин прыгнул, выполнив неправдоподобное *grand jete*¹, словно совершил выход в своем соло в «Луке и стреле». Фью!

Приехав в Манилу, мы вели довольно веселую светскую жизнь и имели весьма умеренный кассовый успех в артистической пустыне. Кое-кому из девушек сделали предложения, но ни одна из них не уехала с Филиппин помолвленной. Некоторых поляков ужасно шокировало, что девушки время от времени выходили без дуэний. Меня удивляло, возможно ли такое, чтобы в 1922 году люди придерживались столь старомодных взглядов. С ужасом вспоминаю утренники, когда мы танцевали в изнуряющую жару в плотных крестьянских костюмах и доводили себя до изнеможения при практически пустых залах, поскольку мадам не танцевала на этих ранних представлениях. В Маниле мы проводили время, купаясь в теплом море и наблюдая за игрой в поло, и испытывали при этом чувство благодарности за

¹ Большое жете — танцующий как бы летит по диагонали сцены, выбрасывая ногу вперед.

то, что отели и еда были не столь дорогими, как в Японии. Мы также посетили и ночной бал Святого Андрея, на котором играли волынки и исполнялись шотландские кадрили. Мы конечно же смогли принять участие только в трезвых уанстепах и время от времени исполнявшихся вальсах, поскольку в других танцах было бы так легко получить пинок по лодыжке, отдавить пальцы на ногах или получить нечто худшее. Мне сказали, что мое мастерство в исполнении бальных танцев возросло, и это меня порадовало. Еще больше я развеселился, когда услышал, как Волинин говорил одной из девушек, осторожно кладя руку ей на талию:

— Как ты танцуешь уанстеп, Джойс? Я танцую его на полупальцах.

Павлову пригласили посетить лучшие местные театральные школы. Она вернулась очень веселая, и мы подумали, что она, наверное, открыла какого-то гениального ребенка. Оказалось — нет.

— Все было так мило, — рассказывала она. — Все работали чрезвычайно усердно, их просили сделать арабеск, а они дружно делали аттитюд! Но очень мило.

Она, по-видимому, пребывала в хорошем настроении, подумал я, иначе не сочла бы это таким милым.

Мы отправились из Манилы в Гонконг на маленьком американском суденышке. Я прекрасно помню это путешествие, потому что впервые в жизни увидел, как море становится «маслянистым», превращаясь в ровную одноцветную поверхность. Небо в тот день было розовым, и море тоже стало розовым. Один из наших пианистов, Шура Хмельницкий, играл Дебюсси, и корабельное пианино звучало словно концертный рояль. Первое, что я увидел в Гонконге, был кули с красным носом. Бедняга выглядел невероятно комично, намного смешнее, чем лондонский докер, подверженный подобной беде. Когда корабль вошел в док, нас атаковали мальчишки, продающие газеты на разных языках, за исключением, разуме-

ется, польского. Американские заголовки вселяли изумление: «АЙСЕДОРА ВОЗВРАЩАЕТСЯ», «ДУНКАН СТАНОВИТСЯ КРАСНОЙ». Мы не могли устоять от соблазна купить газеты с этими новостями и узнали, что Айседора только что вернулась из Советской России и отправилась танцевать не куда-нибудь, а в Бостон. Она размахивала перед зрителями красным шарфом, распевая: «Он красный, и я тоже. Не давайте им приручить вас». Павлова произнесла какой-то непечатный комментарий по-русски. Советы относились к ней как к ренегатке, но таким, как Айседора, позволялось приезжать в Советскую Россию, и ее встречали там с распростертыми объятиями, и это было тяжело.

В Гонконге мы пользовались успехом, хотя не знаю, по каким критериям нас могли там оценить. Газеты хвалили меня за комический эффект, который я внес в «Волшебную флейту», а мадам поздравила меня за высокие прыжки в «Русском танце». В общем, я почувствовал себя таким же счастливым, как в Японии.

У нас было довольно много развлечений в Гонконге, как вдруг Лона Бартлетт получила телеграмму от одного из своих поклонников из Манилы, менеджера «Америкэн экспресс». Телеграмма была записана шифром, и все постояльцы отеля объединились в попытках расшифровать ее. Оказалось, она содержала следующее: «Ты выйдешь за меня замуж?» Все испытали огромное волнение, поскольку у Лоны был целый список поклонников, и сама Павлова считала ее восхитительной. На этот раз Лона приняла предложение. Жених хотел, чтобы она немедленно вернулась в Манилу и вышла за него замуж, но девушка намеревалась остаться с труппой до конца турне, а затем повидаться с родителями. В целом все это было довольно забавно, поскольку некоторые другие девушки тоже имели предложения, и мы даже начали размышлять, не приедем ли в Лондон как труппа Анны Павловой и ее танцовщиков-мужчин.

В Гонконге некоторые из нас попробовали путешествовать в портшезах для разнообразия после поездок на рикшах. Надо признаться, странное ощущение. Матери Молли Лейк уже довелось испытать необычный эксперимент с носильщиками портшезов в Кантоне. Она отправилась в длительное путешествие по городу, и все сначала шло хорошо, но вдруг оба мужчины опустили портшез на край дороги и скрылись. Ее это очень озадачило, а поскольку она оказалась единственной европейкой в квартале, где обитали местные жители, вокруг нее стала собираться большая толпа. Не очень-то приятное чувство, если ты сидишь в портшезе в полном одиночестве!

— Нет, — смеясь, рассказывала миссис Лейк, — я не слишком тяжелая. Просто они добрались до конца своей зоны и не могли продвигаться дальше. Им нужно было найти других носильщиков, которые смогли бы пронести меня через следующую зону, но хотелось бы, чтобы они нашли их побыстрее!

Было нетрудно пересечь Гонконг, гораздо сложнее преодолеть много миль морем до Сингапура. Мистер Строк, наш импресарио, ответственный за восточные гастроли, ошибся в расчетах с судами, поэтому у нас возникли затруднения с транспортом. Мы заплатили голландскому судну тысячу долларов, чтобы оно подождало нас один день, но места все равно не хватало. Было несколько кают для Павловой и для девушек, а для нас расчистили трюм и поставили кровати на козлах в салоне. Питание было хорошим, но не могу сказать, что мне доставляла удовольствие возня крыс, продолжавшаяся всю ночь напролет. Один из китайских пассажиров пустил золотых рыбок в ванну с пресной водой. Выглядели они красиво, но было довольно утомительно вылавливать их, прежде чем принимать ванну.

В середине декабря в Сингапуре стояла удушающая жара. Когда судно входило в гавань, мы с Павловой стояли на палубе и смотрели на пеструю толпу, собравшуюся

юся на причале. Казалось, здесь присутствовало больше рас и типов, чем мы видели в Гонконге. Павлова любила смотреть на людей, и на Востоке ей нравилось фотографироваться с местными детьми. Она показала мне на особенно красивого тамила и с восхищением сказала:

— Какой превосходный тип.

Я согласился с ней. Он походил на прекрасную коричневую статую. Вдруг «статуя» принялась отчаянно чесаться. Еще одна иллюзия рассеялась! Все мы рассмеялись, Павлова — тоже.

Мы остановились в отеле «Адельфи» (каждая ванная оснащена современными санитарно-гигиеническими приспособлениями), где мы имели сомнительное удовольствие слушать, как ансамбль из трех инструментов снова и снова играл «Венгерские танцы» Брамса. Фон чрезвычайно подходил для рассказа Сомерсета Моэма, но, к сожалению, мне не удалось попасть в столь же волнующую ситуацию. Павлова конечно же остановилась в «Раффлс».

Кули почему-то совершенно не понимали нас; хотя с японцами мне удавалось объясняться на их родном языке, здесь я ощущал себя абсолютно беспомощным. Однажды утром служащие отеля велели рикшам на их родном языке отвезти нас в «Гудвуд-Холл» на репетицию. Представьте себе наше изумление, когда вместо этого мы оказались в Ботаническом саду. В конце концов мы кое-как объяснили этим людям, чтобы они отвезли нас обратно в отель, откуда мы попытались бы отправиться в путь снова. По дороге назад мы встретили Пиановского, которого рикша тоже вез в Ботанический сад.

— Что? Там невозможно репетировать? — спросил он, и его, как всегда озабоченное, лицо приняло еще более встревоженный вид.

Мы объяснили, в чем дело, и он последовал за нами. Репетиция в тот день оказалась более утомительной, чем обычно.

Возможно, все эти мелкие неприятности в совокупности с жарой привели к тому, что Павлова стала часто впадать в истерику, что не упрощало положения вещей. Мне на долю выпал мучительный опыт — танцевать с ней «Русский танец» на маленькой скользкой наклонной сцене. Губернатор Сингапура сэр Лоуренс Гиллемард с супругой находился в числе зрителей, а мы задержали начало на добрых полчаса, но затем нам все же удалось как-то выступить, а поскольку «Русский», как обычно, был последним номером программы, на мою долю выпала честь разделить с Павловой шесть вызовов.

В Сингапуре наши представления проходили в старом немецком клубе, находившемся неподалеку от города, нам требовалось минут двадцать, чтобы добраться туда с помощью рикши. Никогда не забуду наслаждения, которое испытывал, возвращаясь в отель после выступления, обычно не оканчивавшегося раньше часа ночи. Казалось, мы продвигались сквозь темный бархат цвета индиго, а лягушки-быки сопровождали бег кули нескончаемым пением. Меня радовало, когда дорога была ровной, ведь я был настолько старомоден, что сходил с рикши, когда дорога поднималась на холм, и все смеялись надо мной. Но меня так воспитали в Англии, когда я катался на тележке, запряженной пони.

Стояла страшная жара. Наш грим растекался, а когда Домиславский попытался наложить свои толстые искусственные щеки для роли судьи в «Волшебной флейте», они не приклеились. Отказался он и от своего накладного брюшка. Когда он появился на сцене, то выглядел совершенно не так, как обычно, и мы все настолько растерялись (ибо человек привыкает к заведенному порядку), что с полминуты стояли остоленев.

Я обнаружил, что жара лишает людей памяти. Однажды вечером программу немного изменили, и все забыли сообщить об этом Павловой. Она узнала новость

только во время представления и была ужасно оскорблена. Так много времени ушло на то, чтобы ее успокоить, что перерыв растянулся на полчаса, если не больше. Зрители забеспокоились и стали спрашивать, в чем дело. В конце концов им сказали, что возникли проблемы с освещением. Наконец Павлова снизошла до того, что согласилась исполнить «Музыкальный момент», хотя с ней и не посоветовались.

Рождество затерялось в этом году где-то на «Эдаване», доставившей нас в довольно плохих условиях из Сингапура в Рангун. У нас даже не оказалось времени организовать хороший обед, и это был единственный раз за все годы, проведенные с труппой, когда не отпраздновали Рождество. Воспитанный в консервативных традициях, я скучал по жареной индейке и рождественскому пудингу. Хотя теперь я не могу себе представить ничего более ужасного в условиях тропиков. Больше всего огорчений принес сочельник — Лона Бартлетт перенесла солнечный удар, и ее нельзя было оставить одну. Ее поместили на нижней палубе под навесом. Каждый раз, как только Лона открывала глаза, она начинала жаловаться на то, что повсюду находятся станки; перила палубы и балки верхней палубы — все казалось ей станками. «Уберите их», — истерически умоляла она нас. Бедное дитя, казалось, она никогда не поправится, эта неугомонная Лона, которую Павлова считала «прелестной».

По дороге в Рангун мы заехали в Пинанг. Из-за жары я спал на палубе, меня разбудили очень рано, когда моряки принялись за приборку. Но стоило встать так рано, чтобы увидеть воды и пальмы при свете зари. Корабль перевозил копру, она обладает не самым приятным запахом, но теперь, когда бы я его ни вдыхал, ко мне возвращается окружающая меня в тот день красота. Мы сошли на берег и посетили знаменитый храм Змей. Священники, рассказавшие нам о том, что большинство

змеи покидают храм по утрам и возвращаются на закате, дали нам подержать змей. Я благодарен этим священникам за то, что они исцелили меня от отвращения к рептилиям, хотя змеи были очень холодными, но не скользкими, как я всегда воображал.

Мы приехали в Бирму, заказали места в отеле «Меркадо» и провели 31 декабря, провожая старый год танцами в «Эксцельсиоре», «первом месте для развлечений в Рангуне», причем Анна Павлова и Русский балет — двадцать пять артистов — объявлялись как «сенсация всего цивилизованного мира». Мы с моей партнершей, наверное, внесли этим вечером свою долю беспорядка в «Обертас», так как все время смеялись при мысли, что провожаем 1922 год. Я радовался тому, что мне удалось до конца года добиться того, в чем я себе поклялся. Я работал над новыми па для «Русского танца»: круг поворотов вприсядку на пятках, но из-за жары не смог попрактиковаться как следует. Прямо перед выходом Мюриель Стюарт сказала мне:

— Сделай сегодня новое па, Элджи!

— Не могу, — ответил я. — У меня слишком ослабли колени.

— Но эту отговорку ты выдвинул вчера вечером, — парировала она.

Добрая «старушка» Мюриель! Слово «отговорка» подстегнуло меня. Театр был полон, и в целом атмосфера внушала волнение. Я решил, что сделаю шаги, ведущие к новому па, а затем, если почувствую, что не смогу справиться, продолжу танцевать как обычно. Я просто положился на судьбу: начиная танец, я не знал, приземлюсь ли после прыжка в нужном месте или не найду места, чтобы совершить па, и просто буду выглядеть глупо. Так или иначе, мне удалось приземлиться в нужном месте и проделать свои пируэты в plie¹ на

¹ Приседание (фр.).

сцене. Все это требовало огромного напряжения, потому что в таких городах, как Рангун, невозможно репетировать должным образом каждый день, и я ни разу не прорепетировал это новое па под музыку. Как замечательно было, покинув сцену, услышать от всех за кулисами, что я действительно все сделал на «отлично». Павлова не поздравила меня, но девушки передали, что она была по-настоящему довольна. Так закончился 1922 год.

Впрочем, не совсем закончился, ибо мадам устроила для нас новогодний вечер. Она не смогла найти елку — а она любила деревья большие, зеленые, величественные, — так что вместо нее у нас была маленькая искусственная елочка. Стояла изнуряющая жара. Впоследствии мне неоднократно довелось встречать Рождество в Австралии с солнечными ваннами перед индейкой и рождественским пудингом, но наша вечеринка в Рангуне была столь же веселой и доставила нам, как никогда, большое наслаждение. Все мы облачились в вечерние наряды, а Павлова надела эффектное зеленое платье с ниткой красных янтарных бус, которые купила в Сингапуре. Маленькая елочка совершила храбрую попытку выглядеть прохладной и заснеженной, электрические вентиляторы на несколько минут отключили, так что мадам смогла зажечь свечи, и мы полюбовались их мягким светом. Но вскоре нам пришлось вытирать пот с лица, и мы почти обрадовались, когда вновь включили вентиляторы, а свечи принесли в жертву Новому году. Помнится, у нас был чудесный торт в форме большой книги, раскрытой на странице 1923. Был и рождественский пудинг, и, как я записал в своем дневнике, «неплохое шампанское».

После вечеринки нас всех отвезли посмотреть бирманские драмы, которые носят название пве². Ничто не

¹ П в е — театральное представление, для которого характерны сочетание речитатива, музыки, танца. Почти во всех видах пве ведущее положение занимает танец.

могло больше отличаться от утонченного исполнения театра Но или Кабуки. Грубые сцены были установлены на открытом воздухе, а зрители сидели на траве; над головой — сияющий лунный свет, странно контрастировавший с фестонами редких электрических ламп, освещавших сцену. Переднего занавеса не было, а задник расписан как кирпичная стена. Ничто не могло выглядеть менее театрально. Когда мы пришли, из ниоткуда возникли стулья и бирманцы пытались превзойти друг друга в вежливости и в стремлении нам услужить.

Никто не платил за представления пве. Все их оплачивали состоятельные бирманские семьи, считавшие это подношением богам, а если у кого-то возникало желание заплатить, полученные деньги использовались на содержание пагод. Причудливые танцы, которые мы видели, невозможно описать, они обладали странной гипнотической силой, но были лишены того изумительного равновесия, которым я так восхищался в Японии. Здесь все казалось каким-то беспорядочным и незаконченным и слишком сильно ощущалось случайное влияние Запада. Я испытывал жалость к оркестру, заключенному в своего рода клетку под сценой, где должны были непрерывно играть на своих варварских инструментах с девяти вечера до четырех или даже шести часов утра.

Бирманские девушки восхищали своим экзотическим изяществом. Они носили цветы и маленькие кисточки в волосах, башенками уложенных вокруг головы. Уголки их облегающих жакетов были скреплены таким образом, чтобы сформировать изгибы такие же, как в бирманской архитектуре, а саронги ложились изысканными складками, когда девушки грациозно передвигались по сцене. Мы узнали, что самым вульгарным и шокирующим считалось обнажить хотя бы полдюйма ноги над лодыжкой. В то же время актриса имела по крайней мере одну особую привилегию — она могла произнести со сцены любую фразу, какой бы она ни была вульгарной, и в то же

время считалась совершенно скромной в личной жизни. Я постоянно думаю, до чего же это цивилизованная точка зрения. Какой контраст с еще существующим мнением европейцев, будто женщина, выступающая на сцене, недостойна уважения.

Во время одного из представлений пве ведущая актриса так хотела доставить удовольствие английским посетителям и великой танцовщице мадам Павловой, что специально в нашу честь спела английскую песню «Моя любовь словно маленькая птичка...».

Мне кажется, я и сейчас вижу ее крошечное серьезное личико, каким оно было, когда она пропела до конца эту банальную маленькую балладу.

Сезон в Рангуне стал большим испытанием для всех двадцати пяти артистов, так громко объявленных в театре; некоторые из нас не смогли танцевать. Николова пришлось оставить в больнице в Сингапуре, Лона еще не оправилась от солнечного удара, еще у одной девушки случился аппендицит, у другой — лихорадка. В «Амарилле» полагалось иметь две «толпы»: одну цыган, другую маркизов. Мы выбивались из сил, переплощаясь прямо за кулисами и пытаясь предотвратить вырождение па-де-катра и превращения его в сольный танец.

Город был переполнен людьми, приехавшими с плантаций на праздники. Однажды, вернувшись в отель после репетиции, я увидел на улице огромную толпу. Подойдя поближе, я обнаружил, что она собралась у входа в отель. Подойдя еще ближе, я увидел сидящего на тротуаре заклинателя змей и двух кобр, покачивающих своими «зловещими капюшонами» под аккомпанемент его дудок. Когда мужчина заглянул в свою корзину и достал крайта¹, толпа бирманцев напряглась. Он имел потрясающий успех. Затем совсем в праздничном духе пришли

¹ Крайты — род змей семейства аспидов.

двое плантаторов, совершенно пьяные. Ковыляя мимо заклинателей змей, один из них подхватил двух кобр и отнес их в отель! Я немного нервничал, следуя за ними. Не знаю, как потом змей убрали из отеля.

У нас было мало времени на осмотр достопримечательностей, но однажды вечером после представления я поехал осмотреть озера и отражение пагоды Шве Дагон в освещенной лунной воде. Это поразительное здание было покрыто золотом, и каждые несколько лет золото полностью заменяли по общественной подписке. Серебристые воды отражали золотое здание. Оно казалось сказочным, и я ожидал, что оно вот-вот исчезнет.

Однажды вечером кордебалет из «кукол», выстроившихся вдоль обеих сторон сцены в балете «Фея кукол», пришел в изумление, увидев, как Павлова делает больше, чем обычно, пируэтов на пальцах, которыми заканчивалось *grande adage*. Их было больше не на два-три, но на девятнадцать или двадцать. Возможно, она шепотом и предупредила Волинина, но наш дирижер Теодор Штайер был так же удивлен, как и мы. Как всегда, проявляя преданность балету, он продлил финальные аккорды, аккомпанируя чудесной демонстрации виртуозности. Нам же всем это показалось шуткой, поскольку Павлова ненавидела голую виртуозность, исполнение всего лишь технических трюков как движений, лишенных поэзии. Мы свято хранили в памяти ее замечание, обращенное к девушке, пожертвовавшей стилем ради большого числа пируэтов: «Дорогая! Нужно же оставить кое-что для цирка!» В наши дни люди, никогда не видевшие Павлову, считают, что она не обладала техникой современных балерин. Однако она обладала изумительной школой, но ее исполнение никогда не походило на демонстрацию школы.

Это напомнило мне об еще одной причуде Павловой. Как-то она увидела девушку, неуклюже пытавшуюся делать на сцене фуэте.

— Вы хотите разучить фуэте? — спросила она. — Я покажу вам.

Это па Павлова не любила, но она сделала шестьдесят четыре фуэте, подхватила шаль и отправилась своей дорогой в артистическую уборную.

Мы все с нетерпением ждали поездки в Индию; нам, британцам, казалось, будто мы хоть что-то знаем об этой стране, в отличие от Японии. В начале двадцатых британский монарх являлся одновременно императором Индии, и в те послевоенные годы все мы прекрасно осознавали этот факт. Мы с большим энтузиазмом прибыли в Калькутту в начале января и оставались там больше двух недель, танцуя в театре «Эмпайр». Должно быть, прошло немало времени с тех пор, как какая-нибудь балетная труппа выступала в Индии, если вообще когда-нибудь выступала, и, естественно, мадам имела большой успех. Но для нее лично Индия не стала таким уж успехом, под Индией я подразумеваю индийский танец, ибо ничто более не имеет значения.

Наверное, никогда не забуду удивительного представления, устроенного специально для Павловой, на которое ее с таким почтением пригласили. Вся труппа была приглашена приехать вместе с ней на утреннее представление танца Nautch в театр «Мадан». Nautch — одно из тех слов, которое несет в себе целую атмосферу, и, хотя каждый слышал об этом, думаю, даже очень немногие танцовщики могут сказать, что это означает. В те дни я был столь же невежественным в области индийского танца, как и в области Но и Кабуки. Я даже не знал, что nautch происходит от Natya (Натья), танцевальная драма, и что существуют еще и nrтта (нритта)¹, стилизованные чистые танцевальные движения, и nryta (нритья)²,

¹ Н р и т т а — чистый танец или комбинация движений, основанных на сложном ритмическом рисунке.

² Н р и т ь я — танец-пантомима с определенным содержанием или настроением.

доставляющая эстетическое наслаждение. Тогда я еще не слышал об удивительной сокровищнице «Натья ша-стра» — большом руководстве, охватывающем около восемнадцати веков, характеризующем каждый жест и его значение в танце. Но для меня все это находилось в необозримом будущем. А пока перед нами были танцы Nautch. Трудно сказать, чего в точности мы ожидали — чего-то экзотического? Да. И в то же время чего-то эзотерического, дополненного старинным совершенством восточного религиозного искусства. Мы ожидали увидеть, по крайней мере, восточный вариант Кабуки.

Кто-то свистнул в полицейский свисток. Под звуки фисгармонии и барабанов со скрипом поднялся занавес; на сцене сидела группа музыкантов, а перед ними стояла ведущая танцовщица, готовая начать. Уже один ее вид нас разочаровал. Она была большой и бесформенной — ни намек на индийский идеал фигуры танцовщицы. Она даже не была красивой. Шаркающей походкой она вышла вперед, причем движения ее ног были совершенно лишены утонченности и являли собой нечто невразумительное. Ее вуаль, казалось, доставляла ей немало хлопот: постоянно падала с головы, и каждый раз, когда вуаль падала, танцовщица поворачивалась спиной к публике, ковыляла к музыкантам, смачно сплевывала в большую медную плевательницу, натягивала вуаль на голову и снова ковыляла вперед. Когда я вспоминаю об этом, мне кажется, будто она ничего не делала — только повторяла все это снова и снова. Однако среди прочих выделялась одна одетая в ярко-зеленый наряд солистка, отличавшаяся грациозными движениями рук и головы; но не могу сказать, действительно ли она была так хороша, или так казалось по контрасту с безобразием другой. Также исполнялся танец для троих: мужчины, женщины и карлика, на редкость ритмичный, но чрезвычайно вульгарный.

— Вы хотите разучить фуэте? — спросила она. — Я покажу вам.

Это па Павлова не любила, но она сделала шестьдесят четыре фуэте, подхватила шаль и отправилась своей дорогой в артистическую уборную.

Мы все с нетерпением ждали поездки в Индию; нам, британцам, казалось, будто мы хоть что-то знаем об этой стране, в отличие от Японии. В начале двадцатых британский монарх являлся одновременно императором Индии, и в те послевоенные годы все мы прекрасно осознавали этот факт. Мы с большим энтузиазмом прибыли в Калькутту в начале января и оставались там больше двух недель, танцуя в театре «Эмпайр». Должно быть, прошло немало времени с тех пор, как какая-нибудь балетная труппа выступала в Индии, если вообще когда-нибудь выступала, и, естественно, мадам имела большой успех. Но для нее лично Индия не стала таким уж успехом, под Индией я подразумеваю индийский танец, ибо ничто более не имеет значения.

Наверное, никогда не забуду удивительного представления, устроенного специально для Павловой, на которое ее с таким почтением пригласили. Вся труппа была приглашена приехать вместе с ней на утреннее представление танца Nautch в театр «Мадан». Nautch — одно из тех слов, которое несет в себе целую атмосферу, и, хотя каждый слышал об этом, думаю, даже очень немногие танцовщики могут сказать, что это означает. В те дни я был столь же невежественным в области индийского танца, как и в области Но и Кабуки. Я даже не знал, что nautch происходит от Natya (Натья), танцевальная драма, и что существуют еще и nrтта (нритта)¹, стилизованные чистые танцевальные движения, и прыта (нритья)²,

¹ Н р и т т а — чистый танец или комбинация движений, основан-

доставляющая эстетическое наслаждение. Тогда я еще не слышал об удивительной сокровищнице «Натья ша-стра» — большом руководстве, охватывающем около восемнадцати веков, характеризующем каждый жест и его значение в танце. Но для меня все это находилось в необозримом будущем. А пока перед нами были танцы Nautch. Трудно сказать, чего в точности мы ожидали — чего-то экзотического? Да. И в то же время чего-то эзотерического, дополненного старинным совершенством восточного религиозного искусства. Мы ожидали увидеть, по крайней мере, восточный вариант Кабуки.

Кто-то свистнул в полицейский свисток. Под звуки фисгармонии и барабанов со скрипом поднялся занавес; на сцене сидела группа музыкантов, а перед ними стояла ведущая танцовщица, готовая начать. Уже один ее вид нас разочаровал. Она была большой и бесформенной — ни намек на индийский идеал фигуры танцовщицы. Она даже не была красивой. Шаркающей походкой она вышла вперед, причем движения ее ног были совершенно лишены утонченности и являли собой нечто невразумительное. Ее вуаль, казалось, доставляла ей немало хлопот: постоянно падала с головы, и каждый раз, когда вуаль падала, танцовщица поворачивалась спиной к публике, ковыляла к музыкантам, смачно сплевывала в большую медную плевательницу, натягивала вуаль на голову и снова ковыляла вперед. Когда я вспоминаю об этом, мне кажется, будто она ничего не делала — только повторяла все это снова и снова. Однако среди прочих выделялась одна одетая в ярко-зеленый наряд солистка, отличавшаяся грациозными движениями рук и головы; но не могу сказать, действительно ли она была так хороша, или так казалось по контрасту с безобразием другой. Также исполнялся танец для тро-

В программе моего чтения внезапно возникла «Саломея». Мне кажется, мои дневниковые записи, касающиеся чтения, могут очень позабавить, если их перечитать. «Не пойму, что вызвало весь этот шум по поводу «Саломеи». Это всего лишь историческое свидетельство, поэтически изложенное».

К началу февраля мы проехали через Индию и достигли Бомбея. Когда мы уезжали из Калькутты, Волинин опоздал на поезд более основательно, чем в прошлый раз, так что на этот раз не было прыжка с платформы в последнюю секунду. По счастливой случайности, столь редкой в Индии, был еще один поезд, доставивший его в Дели вовремя к представлению. Наш костюмер Кузьма тоже опоздал на поезд, и это было намного хуже, поскольку на его попечении находились все наши постельные принадлежности. Они нужны были нам в Индии, чтобы иметь хотя бы минимальные удобства в поездах, часто они были необходимы нам в отелях, особенно когда мы приезжали туда после часа ночи. В Дели мы дали специальное представление перед вице-королем лордом Редингом, а затем Павлова настояла, чтобы все осмотрели Тадж-Махал, Агра-Форт и бесчисленное число других очаровательных зданий.

Форт был исполнен великолепия и тайны. Высоко на зубчатых стенах разместился павильон Лотос с нишами для цветов, ламп и благовоний; его алебастровые стены инкрустированы драгоценными камнями, а цветы лотоса внутреннего фонтана, казалось, колыхались, когда на них падала вода. Нам показали шахматную доску, где супруги раджей играли в шахматы с невольниками на монетки, и огромную арену, на которой сражались слоны и тигры на потеху повелителя императоров. Наш гид отвел нас в сводчатую тюрьму, которую держали специально для неверных наложниц. Это ужасное место кишело летучими мышами, в центре находился ствол колодца, над которым несчастных изменниц подвешивали.

вали за волосы, где они висели до тех пор, пока волосы не обрезали, и тогда они погружались в свою водяную могилу.

Я вернулся из восточного турне с альбомом, полным открыток и своих фотографий. Как бы они ни выглядели и какими бы банальными ни казались сейчас, я не перестаю благодарить Павлову за то, что она организовала для нас эти посещения. Как просто было бы для нее предоставить нас самим себе и проводить свободное время, развлекаясь с местными сановниками. Но она искренне верила, что имеет обязательства перед своими молодыми танцовщиками. Я записал в своем дневнике: «Тадж-Махал. Никогда не забуду этого места».

Помню, как отправился с Павловой на прогулку в Бомбей. Она по-прежнему ощущала, будто не нашла Индию. Ей хотелось привезти с собой в Англию индийский танец и приступить к работе над новым балетом, который внесет восточное своеобразие в ее репертуар. Но в Индии что-то пошло не так. Павлова осматривала улицы с безобразными офисными зданиями.

— Если им необходимо сделать их похожими на английские, то почему не такими красивыми, как в Честере? — со вздохом вопрошала она.

Затем мы слышали о пещерах Аджанты. На Павлову произвели большое впечатление фрески и скульптура. Они обладали какой-то ритмической красотой, что ее вполне удовлетворило, и она преисполнилась уверенностью, что у нее появился материал для индийского балета. Павлова тотчас же принялась обдумывать его, и ее идеи позже оформились в балет, который она назвала просто «Фрески Аджанты».

Мы выехали из Бомбея в Каир на пароходе «Кайзер-и-Хинд». Как-то вечером устроили маскарад, и лорд Данмор, путешествовавший первым классом, пригласил одну из наших девушек потанцевать, но капитан заявил, что пассажирам первого класса не позволено

танцевать с пассажирами второго класса. Не позволялось нам и зажечь сигарету после обеда. Единственное, что мне оставалось в подобных условиях, продолжать читать по своей программе, по какой-то неясной причине включавшей такие вещи, как «История двух городов», вслед за которой последовала «Если приходит зима». К тому же я стал более серьезно изучать русское искусство, а когда прочел в одной из своих книг главу о русской Польше, стал лучше понимать поляков.

В Адене, когда я зашел в салон, многие пассажиры собрались вокруг необыкновенно толстого арабского купца, облаченного в белые одеяния и феску, один глаз у него косил, нос был крючковатым, а борода с проседью. Брюхо его казалось огромным. Подойдя ближе, я увидел, что он продает нити янтаря. Когда я подошел, он показывал особенно хорошие бусы, затем спустил их обратно в свое «брюхо», оказавшееся огромной сумкой полной янтаря, настоящего и поддельного. Если покупаешь бусы, следует держать ухо востро, чтобы не подсунули фальшивые. Это был удивительный персонаж. Несколько лет спустя я увидел его стоящим у своей лавки в Адене.

— Старый черт, — сказал я ему, — в прошлый раз ты продал мне фальшивый янтарь.

— А внутри еще больше, — ответил он, расплываясь в улыбке.

В свое следующее посещение я с сожалением узнал, что он погиб во время пожара в своей лавке. Фальшивый янтарь легко воспламеняется.

Поездка по Красному морю оказалась не такой скверной, как мы опасались, только переезд через Суэцкий канал стоил нам всем бессонной ночи, всю ночь завывала сирена. Никто не сомкнул глаз ни на мгновение. Сонные, прошли мы на следующее утро через таможню в Порт-Саиде и поездом отправились в Каир, а вечером выступали в курзале «Далбажни». Теперь он

стерт с лица Каира, жаль, что этого не произошло до нашего приезда. Условия за кулисами были ужасными, а на сцене полно дыр. Павловой совершенно не понравилось это место. Не знаю, что она сказала менеджеру, но позже я слышал, как он кипятился и жаловался, будто «она» хочет, чтобы он построил новую сцену. Но, что бы он ни говорил, этого было недостаточно, чтобы описать наши условия. Артистические уборные были настолько крошечными, что, даже если там находилось только двое, им казалось, будто они сельди в бочке. Мой сосед по уборной напился и весь вечер оскорблял меня, а весь следующий день извинялся.

Волшебство Египта таится в его сказочном прошлом. Отправляясь осматривать пирамиды и сфинкса, мы наняли верблюдов, и поездка произвела на меня столь же волнующее впечатление, как и чудеса света, она сама по себе походила на путешествие. Павлова тоже наняла верблюда, и мы все, наверное, выглядели до нелепого веселыми, передвигаясь по пустыне. Я вошел внутрь великой пирамиды и обнаружил, что воздух там чрезвычайно неприятный. Однажды ночью кое-кто из нас отправился туда после спектакля и увидел все снова при лунном свете. Сфинкс казался намного больше, а алебастр, покрывавший одну из пирамид, чудесно поблескивал. За несколько дней до этого группа американских туристов ночевала на вершине великой пирамиды. Думаю, им не хватало центрального отопления. Когда мы сидели на песке в тени сфинкса, пришел прорицатель и принялся предсказывать судьбу на песке. Все шло хорошо до тех пор, пока Тамара не засмеялась, тогда он замкнулся, словно моллюск, и отказался продолжать.

Как-то в воскресенье утром Павлову пригласили посмотреть танец дервишей. Я всегда сожалел, что меня там не оказалось, поскольку вскоре подобная практика прекратилась, и я так и не смог их увидеть. Я ходил в каирский музей, тщательно изучал портреты на сарко-

фагах и обратил внимание на то, что глаза, которые смотрят на тебя над вуалями на улице, подведены почти таким же образом, как это делали в прошлом. Конечно же мы посетили цитадель и мечеть. Это был «современный» Египет, но каким же он казался далеким от нашего современного мира со всеми своими ремесленниками, плотниками и рабочими по меди и латуни, с ослами и верблюдами и всеми этими чертенятами, которые, казалось, возникали из ниоткуда и просили бакшиш. Гид, сопровождавший нас к мечети Мухаммеда-Али, был особенно красноречив, описывая бегство мамелюков.

Идея возродить «Египетский балет» для каирского сезона привела меня в ужас. Его в последний раз танцевали во время американского турне за год до того, как я вступил в труппу, когда Павлова отдала его Оленовой. Балету было шесть лет, и человеку моего возраста он казался настоящей древностью — Хлюстин создал его в Южной Америке в годы войны. Я испытывал отвращение к музыке Луиджини, и мне было чрезвычайно трудно отнестись к хореографии с необходимой серьезностью. Я просто не мог понять, почему Павлова решила возродить балет. Однако строгая оценка юности была сведена к нулю тем огромным успехом, который «Египетский балет» имел у каирских зрителей. Они утверждали, будто балет возродил фрески к жизни. И это было правдой, когда танцевала Павлова. На ней был облегающий костюм цвета индиго с золотом и завитой парик с золотым обручем, трико и балетные туфли. Да, она танцевала на пальцах с *relevés*¹, *pas de bourrées* и *pirouettes*, со стилизованными под Египет движениями рук и заставила присутствующих поверить, будто они видят жрицу, танцующую перед Амоном-Ра во времена фараонов. Как ей удавалось сделать это посредством столь

¹ Р е л е в е — 1) подъем на полупальцы, пальцы; 2) поднимание вытянутой ноги на 90 градусов и выше в различных направлениях и положениях классического танца.

незначительных средств, оставалось такой же загадкой, как сам Египет. Это был еще один пример ее гениальной способности наполнять все, что она танцевала, подлинным чувством, воплощая в жизнь перед лицом труппы свое требование не просто играть роль, но воплотиться в нее.

Королева Египта посетила представление, и все отметили, что она была первой королевой Египта со времен Клеопатры. Помню, публика в Каире была весьма элегантно и хорошо одетой. Элегантными были и великолепные букеты, которые подносили мадам. Когда мы выходили на вызовы после «Русского танца», двое служителей сцены вынесли корзины цветов выше человеческого роста. Когда занавес опустился, Павлова, конечно, предложила всем взять цветы. Я пошел сначала переодеться, а когда вернулся, цветов оставалось уже мало.

Наконец мы уехали в Александрию и танцевали там в изысканном старом театре «Мухаммед-Али», где сплошные изгибы, красный плюш и позолота. Он был намного лучше, чем курзал «Далбашни», но все тоже очень пыльное. Однажды я зашел в гардеробную, где арабский помощник гладил белье, причем смачивал его, набрав полный рот воды и разбрызгивая ее на одежду, которую гладил! Отель был столь же старомодно роскошным, как и театр. У меня была самая большая спальня, какую я когда-либо занимал, с огромной кроватью под пологом.

После последнего представления в театре «Мухаммед-Али» я попрощался с Павловой, она собиралась в Италию, но согласилась выступить на благотворительном торжестве перед отъездом из Александрии. При прощании ничего конкретного по поводу следующего сезона сказано не было, только обычное «до встречи в Лондоне».

Те из нас, кто собирался прямо в Лондон, поспешили на ночной поезд в Порт-Саид. Я впервые плыл по

Средиземному морю. Какое волнение я испытал при виде огней Реджо, мерцающих словно заплатки звезд на склоне скалы. Это был единственный известный мне раз, когда Бискайский залив подтвердил свою штормовую репутацию. Корабль так раскачивало, что я замирал от страха, мне казалось, что со следующей волной мы перевернемся.

Мама встретила меня на Фенчерч-Стрит¹, и мы поехали домой на Орсетт-Террас, куда она переехала в мое отсутствие. Я был очень взволнован, вернувшись в новый дом. Пришло время распаковывать колокольчики из разных областей Азии для коллекции моей матери; последнее приобретение, сделанное в Египте, напоминало медную подставку для яйца. Немного погодя нестройный звон зазвучал, отдаваясь в узком колодце лестницы. Джулия, всегда ударявшая в китайский гонг не с той стороны, нарушая его тон, объявляла о том, что обед готов.

Глава 7

НОВЫЕ ТУРНЕ, НОВЫЕ БАЛЕТЫ

Я недолго размышлял о том, понадобятся ли снова мои услуги. В какой-то мере я мог польстить себе мыслью о том, что становлюсь хотя бы в мелочах полезным Павловой и месье Дандре, так как им понадобился человек, предпочтительно англичанин, способный выполнить кое-какую исследовательскую работу. Они жаждали запечатлеть краски Востока, пока воспоминания о них не изгладились из памяти, но воплотить их в балет было бы трудно без какой-либо документации, у нас же не нашлось времени сделать это в Индии.

Перед отъездом из Бомбея Павлова по счастливой случайности стала свидетельницей индусской свадеб-

¹ Вокзал в Лондоне.

ной церемонии, увидела в ней подлинное отражение индийской традиции и решила, что должна включить театральную версию свадьбы в коллекцию восточных танцев, которые надеялась представить в Лондоне. Меня отправили в Музей Виктории и Альберта, чтобы найти детальное описание свадебной церемонии и изображения костюмов, которые обычно тогда надевали. Я никогда прежде не занимался изысканиями подобного рода, но находился теперь под таким большим впечатлением от восточного танца, что был готов работать день и ночь, желая узнать о нем как можно больше. Со временем тема балета была разработана, костюмы подобраны и решено, какие делать декорации. Мы с месье Дандре долго обсуждали вопрос декораций, поскольку, если мы хотели воссоздать индийский театр, нам следовало обойтись вообще без них, но мы хорошо знали, что европейские зрители ждали декораций. Они слишком привыкли к великолепным декоративным эффектам Бакста и его последователей, так что мы не могли пренебречь этой визуальной стороной в нашей работе. Мы выбрали набор гравюр в Британском музее и заказали моей «кузине» Синтии Хедерингтон сделать с них увеличенные копии, на основе которых Аллегри создал свои декорации.

Но балета не может быть без музыки, а кто из нас имел знания в такой невероятно сложной области, как индийская музыка? Размер в двадцать две ноты, связь между талой¹ и рагой², мужские и женские мотивы, как мы могли справиться с подобной задачей? В этой ситуации месье Дандре проявил себя как подлинный открыватель талантов. Он обратил внимание на то, что в Лондоне состоится концерт индийской музыки композито-

¹ Т а л а — принцип метроритмической организации в индийской классической музыке, основанный на неоднократном повторении метроритмического цикла.

² Р а г а — традиционное мелодико-ладово-ритмическое построение.

ра Комолаты Баннерджи. Меня послали послушать музыку и рассказать о ней. Не имея возможности сделать вид, будто что-нибудь понимаю в индийской музыке, я отправился на концерт, испытывая большую неуверенность. Я рассчитывал только на свой инстинкт, но вскоре понял, что мисс Баннерджи сможет нам помочь. Она не делала уступок европейскому вкусу, но играла столь вдохновенно, что я был очарован ритмами ее музыки, которая привлекла меня своей танцевальностью и заставила почувствовать, что этот композитор поймет, что нам нужно для балета. Я тотчас же сообщил об этом месье Дандре, и на следующий день мисс Баннерджи пригласили в Айви-Хаус сыграть для Павловой. Мадам была очарована точно так же, как и я, и заказала молодой индианке написать музыку к «Индусской свадьбе». Мисс Баннерджи внесла еще один большой вклад в создание балета, так как сказала нам, что знает в Лондоне молодого индийского танцовщика, который сможет нам помочь.

Неизвестным молодым танцовщиком, обучавшимся тогда в Королевском колледже искусств, оказался Удай Шанкар. Он учился у сэра Уильяма Ротенштейна и, думаю, еще никогда не выступал на публике, хотя индийский танец был частью избранной им исследовательской программы. Он тотчас же приступил к работе в качестве хореографа для Павловой и поставил сцену индусской свадьбы и балет «Кришна и Радха» для «Восточных впечатлений». Павлова предложила ему стать ее партнером в этом балете, он принял предложение, и это стало его первым шагом в долгой артистической карьере, в результате которой он объездил весь мир. К этому времени труппа отправилась в гастрольную поездку по Англии с одноразовыми представлениями в каждом городе до открытия короткого сезона в «Ковент-Гарден». Однажды во время утренника в «Эмпайр» в Лидсе я получил записку от месье Дандре, где было написано:

«Податель сего письма месье Шанкар — индийский артист, который будет учить наших девушек танцевать. Пожалуйста, помогите ему понять наши привычки и обычаи. Посоветуйте, как добраться до отеля и т. д.» Удай Шанкар вошел в мою уборную как раз в тот момент, когда я снимал грим. Я поздоровался с ним, и мы поспешили на станцию, чтобы купить ему билет в Ньюкасл. Я стал искать Павлову в поезде, но не нашел. Весь инцидент носил типично русский характер, ибо никто не сказал мне, что Павлова осталась в Лидсе специально для того, чтобы увидаться с Шанкаром и сразу же начать обсуждение и репетиции. Она приехала в Ньюкасл на следующий день, и я привел ее нового партнера к ней в отель. Она предложила мне остаться и посмотреть их первый урок-репетицию с Шанкаром. Я воспринял это как большую честь.

Во время этого турне наш восточный балет стал постепенно обретать форму. Он должен был состоять из трех частей или «миниатюр», первая из них включала три японских скетча: эпизод из «Додзёдзи», мой «Каппоре» и, наконец, «Такеши Байаши». Наши японские учителя были осведомлены о программе, а музыка специально аранжирована Генри Джиллом таким образом, чтобы создавать японские эффекты. Когда мы приступили к репетициям танцев, которые выучили в Японии, я оказался единственным, кто мог их вспомнить. Как я был доволен, что так прилежно разучивал их и упражнялся в неудобных артистических уборных, в спальнях отелей и каютах кораблей. Когда смог исполнить «Каппоре» для Павловой и принять участие вместе с девушками в неофициальных репетициях двух других сцен, я ощутил, что не напрасно обучался. Не могу припомнить, сколько раз я исполнял японские танцы во время выступлений с труппой Павловой и после этого, но никогда не уставал от них, они пользовались успехом в различных зрительских кругах.

Затем следовали две индийские сцены: свадьба и любовная идиллия Кришны и Радхи. Эта последняя сцена была особенно очаровательной, выдержанной в стиле Манипури, Рам Гопал описал ее как «нежную и изящную, напоминающую саму природу в самых лучших ее проявлениях. Танцовщики покачиваются, словно колосья на ветру или тихо колыхающиеся волны. Они составляют единое целое с природой». Павлова — сама покорность, а красивый, мужественный, грациозный Шанкар действительно превратился в Кришну, Вечного Возлюбленного. Он нес в руках флейту, демонстрируя, что явился в образе пастуха. Костюмы были сшиты из настоящей индийской ткани, и все мы не сомневались, что этот новый балет, который добавился к репертуару, будет пользоваться огромным успехом.

В сентябре 1923 года труппа была приглашена выступить в «Ковент-Гарден». Мадам выступала в Лондоне впервые с тех пор, как я был ангажирован в труппу, что произошло два года назад. Объявлялось, что мы привезли с Востока сенсационные танцы, и первым произведением на восточные мотивы, которое мы показали, стал балет «Фрески Аджанты». Павлову очень взволновали эти величественные наскальные изображения в пещере, хореограф же Хлюстин никогда их не видел. Мне кажется, комментарий газеты «Таймс» был глубоким и справедливым: «Новый балет «Фрески Аджанты» вызван к жизни идеей... о том, что создания, существующие в воображении человека, имеют свою собственную жизнь, главная сцена представляет собой танец фигур, изображенных на фресках, в то время пока верующие спят. Эта идея была развита с большой изобретательностью Иваном Хлюстиным. Занавесы и костюмы позаимствованы с подлинных набросков, сделанных с фресок. Балет достигает своей кульминации в сцене ухода Гуатаны от суеты своего двора в поисках более возвышенной жизни. Однако вполне есте-

ственно, что аранжировщики главным мотивом балета сделали физическую жизнь многочисленных движений.

Что касается критических замечаний — в танцах и особенно в танце самой мадам Павловой встречается слишком много штампов традиционного балета. Музыка Александра Черепнина отличается ритмическим характером, и ее, пожалуй, следовало более тщательно изучить, создавая па. В целом балет поставлен эффектно, исполнители главных партий делают все, от них зависящее, и постановка в целом принимается с большим восторгом».

Я цитирую эту статью отчасти для того, чтобы показать, что, вопреки бытующему в наши дни мнению, Павлову не всегда воспринимали как богиню, которая не может ошибаться. С.К. Скотт Монкрифф так отозвался о том же балете в «Субботнем обозрении»: «...откровенно говоря, скучный спектакль, с чрезмерной точностью скопированный с унылого буддистского искусства Индии». Павлова и ее балеты подвергались критике, обычно разумной, и она всегда была готова ее воспринять. Но реакция публики имела для нее большее значение — она танцевала не для критиков.

Я же был еще слишком молод, и мне было небезразлично мнение критики. Если даже члены моей семьи и друзья, приходившие в театр, утверждали, что все наши жесты были чудесными, я предпочитал получить какую-то поддержку со стороны газет и журналов. Но в течение первой недели представления «Восточных впечатлений» в «Ковент-Гарден» мы получали довольно холодные отзывы со стороны «Таймс». Мы исполняли премьеру, находясь под влиянием огромного эмоционального стресса: репетируя японские танцы для этого сезона, мы пережили ужасный удар — весь мир был потрясен известием о страшной катастрофе, японском землетрясении 1923 года. Число погибших насчитывало 91 тысячу человек. Каждый день газеты публикова-

ли списки жертв. Многие из нас еще помнили ужасы войны и то, с каким страхом читали подобные списки, а теперь мы заставляли себя читать эти новые листы в надежде, почти не имея на то оснований, что не найдем там имен своих любимых учителей и добрых друзей, которых успели приобрести. Пришел день премьеры, а у нас все еще не было новостей. Имена наших учителей значились на программе в качестве хореографов. По какой-то причине Павлова сочла, что японские танцы не для нее, и я очень сожалел об этом, ибо она по-настоящему серьезно работала над ними в Японии. Однажды я видел ее урок с Кикугоро, когда она дала восхитительное представление. Ей удалось очень быстро овладеть неуловимой японской линией, несмотря на то что всю свою жизнь она работала над тем, чтобы усовершенствовать технику, ведущую к совершенно противоположным результатам.

Наша японская премьера носила грустный характер; мадам решила передать всю вырученную сумму фонду по борьбе с последствиями землетрясения, и японский посол с семьей пришел на представление, японские дамы в кимоно продавали программы. После спектакля посол вышел на сцену и вручил Павловой букет. Критики, встретившие «Фрески Аджанты» выражением недовольства, совершенно растерялись, когда дело дошло до «Восточных впечатлений». «Не можем сказать, насколько танцы, показанные этой труппой, соответствуют подлинным японским танцам; было бы интересно знать, что думают о них японцы, которых оказалось немало среди зрителей. Но их хореографическая изысканность и сдержанность очаровали всех, невзирая на то, что сама мадам Павлова не принимала в них участия, и только когда оркестр заиграл «Танец Бабочки» Грига, она выпорхнула на сцену наряженная, словно японская бабочка, и принялась делать пируэты своим собственным неподражаемым способом».

Думаю, если бы тогда были сотрудники по связям с общественностью, как это принято сейчас, мы имели бы больший успех. Индусские балеты так же привели критиков в замешательство. «Музыку к ним написала Комолата Баннерджи, — продолжает «Таймс», — музыку, в которой долгие и бессвязные танцевальные мотивы с ударными акцентами и звуки волынки, искусно примененные к западной оркестровке, производят эффект принадлежности к Востоку».

Скотт Монкрифф счел японский балет «скучным» так же, как и буддийское искусство. Похоже, «скучный» — любимый эпитет этого придирчивого критика в том сезоне. Мне повезло, ибо он счел мой вклад единственной живой частью вечера и даже похвалил мое исполнение партии Джека в коробочке из «Феи кукол», сказав, что я, похоже, избрал «лучший путь».

Никто тогда не осознавал, что вклад Удай Шанкара в наш балет обозначил поворотный пункт в его карьере и предопределил будущее индийского танца. Помимо нескольких не связанных между собой исполнителей, таких как Рошанара, никто не привозил танец на гастроли, и, что еще хуже, никто не развивал его в Индии. Рам Гопал считает, что «наибольший его упадок начался с вторжения монголов и закончился в последние годы британского правления в Индии». Может, он и прав, ибо только природная сила народного танца поддерживает традицию живой в сельских районах, в то время как в городах модной забавой стал фокстрот. Удай Шанкар танцевал с нами только год, затем он учился в Париже и вернулся в Индию, чтобы создать свою собственную танцевальную труппу. Позже появились Рам Гопал, Мриналини Сарабхаи, Шанта Рао и многие другие. Мне тоже довелось принять в этом участие, но позже.

Осенью 1923 года мы отправились в новое американское турне, сопровождаемые неистовыми аплодисментами зрителей и холодными словами критиков, эхом

отдававшимися в наших ушах. На этот раз волнение было умеренным — каждый знал, что нас ожидает. Опять было много часов, проведенных в поезде, много знакомых лиц в отелях и буфетах. Репертуар не очень изменился — только добавились «Восточные впечатления».

Не могу сказать, будто американская публика отнеслась чрезвычайно благосклонно к японским танцам, главным образом по политическим причинам. Казалось, они воспринимали только желтую опасность, и лишь немногие сочли «Каппоре» забавным. Но в Детройте я уловил по крайней мере пару смешков и счел, что положение улучшается.

Там было несколько моментов, которые доставили мне удовольствие — я снимал квартиру в Нью-Йорке с кем-то из коллег и учился готовить; за неделю я научился обращаться с плитой и газовым счетчиком и готовить картофель четырьмя различными способами. Однажды газ сильно меня подвел, когда мое мясо было поджарено только наполовину, а я не знал, как опустить деньги в счетчик. Было приятно сознавать, что теперь у меня появились друзья и родственники во многих американских и канадских городах, и я мог довольно часто уходить из труппы. Звучит несколько грубовато, когда говоришь подобным образом, но мы и так слишком часто видели друг друга. Время от времени у меня происходили стычки с Пиановским, у которого, похоже, вызывали негодование мои попытки придать индивидуальность тем маленьким ролям, которые мне давали. Однажды я спросил саму мадам в присутствии Пиановского, не могут ли мне предоставить другую роль, если в прежней я выступил неудовлетворительно. Она проявила справедливость и сказала, что я танцевал хорошо.

Я всматривался в города Западного побережья Америки в поисках бледных отражений Японии. У меня вошло в обычай отправляться на поиски японского квар-

тала, каким бы маленьким он ни был, и ощущал себя как дома, торгуясь по-японски, чтобы сбавить цены на кимоно. Ясно помню странное впечатление от прогулки по японскому кварталу Такома, когда я разговаривал по-польски с одним из моих коллег и показывал ему чарующие витрины магазинов. Но его привела в ужас мысль о том, чтобы есть сырую рыбу и другие причудливые деликатесы, продававшиеся в бакалейных магазинах. Пожалуй, они действительно выглядели весьма непривлекательно.

Турне продолжалось, но после нескольких недель одноразовых представлений мы отдохнули на Рождество, и в этом году вечер, устроенный мадам, был, пожалуй, самым веселым на моей памяти. Она сняла бальный зал в том отеле, где остановилась, и попросила, чтобы столы к ужину накрыли вдоль трех стен, в то время как у четвертой стояла гигантская рождественская елка. На этот раз на мадам было поистине великолепное переливающееся серебряное платье, и она выглядела, как никогда, счастливой и сияющей. Кое-кто из русских музыкантов нашего оркестра принес свои инструменты и стал исполнять русские мелодии — гопаки, трепак, вальсы. Все русские и поляки обрадовались и принялись танцевать. Не так-то легко танцевать вприсядку в вечернем наряде, не знаю, как мы это делали и как выглядели со стороны, сам я был слишком поглощен танцем, чтобы обращать внимание на окружающих. Наверное, бальный зал представлял собой весьма причудливое зрелище!

Вечеринка состоялась в канун Рождества. В день Рождества у нас было два представления. Колорадо-Спрингс находится довольно высоко, и через неделю пребывания на высоте стало нас очень утомлять. После энергичного цыганского чардаша из «Амариллы» мы просто задыхались. Но мы наслаждались нашим праздником, и, безусловно, это Рождество было больше рас-

цвечено красками, чем прошлое, которое мы отмечали где-то на корабле, вышедшем из Рангуна.

Вскоре мы прибыли в Сан-Франциско, и я тотчас же отправился в японский квартал, где попытался сторговаться на танцевальные веера. Но самым значительным событием моего пребывания там стала находка новой японской учительницы, мадам Ясао Кинейя, принадлежавшей к еще одной известной династии Кабуки. За несколько недель до того, как мы достигли Западного побережья, Павлова часто твердила мне, что ей хотелось бы, чтобы я продолжал брать уроки японского танца, поскольку не сомневалась, что у меня есть к нему способности. Приступив к работе, я обнаружил, насколько запустил занятия, и был рад возобновить их. Павлова очень хотела, чтобы я разучил танец с масками, который видела в Токио, поскольку никогда не забывала его и по-прежнему настаивала, что это мой танец. Но, как ни странно, Кинейя-сан не одобрила его, хотя, возможно, просто не очень хорошо его знала. Я выучил начало у Кошачьего Личика-сан во время наших одно-разовых представлений в Японии, но, поскольку та странная дама не имела ни малейшего представления о времени, мне не удалось разучить его до конца.

Когда я нашел свою новую преподавательницу, Павлова приехала к ней со мной, и Кинейя-сан исполнила «Якко-сан», чтобы показать Павловой, чему она собирается меня научить. Павловой понравился танец, и после короткого разговора, во время которого мы пили зеленый чай и ели очень сладкое вишнево-фасолевое желе, Павлова уехала в свой отель, а меня оставила заниматься.

Непостижимо, как американские каркасные дома принимают столь японский вид. В передней части салона-студии находилась небольшая сцена с нарисованной на заднике сосной и полочка для ученических вееров, тщательно завернутых в маленькие квадратики

креп-шелка. Кинейя-сан плохо говорила по-английски. Иногда находился кто-нибудь, кто мог перевести, а порой мы обходились ее особым запасом английского и моим — японского. В последнее воскресенье в Сан-Франциско Кинейя-сан пригласила меня пообедать с ней у нее дома. Подали сукийяки, и меня спросили, какой я предпочитаю вид: по-токийски или по-осакски. Должен признаться, что я сам не знал, какой вид мне больше нравится, но я ел его с сырым яйцом. «Кошачий язык», — со смехом сказала моя преподавательница: это, по-видимому, было прозвище, даваемое тем, кто хотел остудить сырым яйцом мясо, только что вынутое со сковородки.

Тем вечером мы отправились в поездку на Твин Пикс, чтобы посмотреть на ночной Сан-Франциско, сияющий массой огней и широкой лентой яркого света, которую представляла собой главная улица. Мне удалось достать пластинку «Якко-сан», в интересной бумажной обложке, на которой был изображен Будда, сидящий на лотосе. Он склонил голову и приложил к уху руку, сложив ее рупором, чтобы лучше слышать нежную музыку, льющуюся из рожка граммофона.

Мы с Шанкаром стали большими друзьями, мне нравилось слушать его бесконечные рассказы об Индии. Он, его партнерша Нанита и я постоянно работали над улучшением гибкости своих рук, они — для индусских танцев, я — для японских. Конечно, единственное упражнение, которое можно было сделать в поезде, — это соединить ладони, затем развести их и снова прижать пальцы друг к другу. Я много раз смотрел «Восточные впечатления», исполнив свою роль в «Японских впечатлениях», и никогда не уставал от эпизода Кришны и Радхи.

Шанкар был таким превосходным Кришной, а Павлова — Радхой, абсолютно уловившей дух Индии. Когда Шанкар покинул труппу по окончании следующего

сезона в «Ковент-Гарден», я из-за своих восточных пристрастий был назначен на роль Кришны и исполнял ее с тех пор до последнего представления, состоявшегося в Париже в 1930 году.

Чикаго принесло нам чудо «Жизели». Как описать мне это представление? Тот, кто видел Павлову в ее дивертисментах или даже в таких произведениях, как «Фея кукол», не имел ни малейшего представления о диапазоне ее возможностей как драматической танцовщицы. «Амарилла» предоставляла какой-то намек на то, чего она могла достичь в пределах определенных ограничений старомодной роли, но «Жизель» раскрыла Павлову как танцовщицу, обладающую таинственными силами. Это в точности иллюстрировало, что она имела в виду, когда говорила нам «будьте», не просто танцуйте или играйте, но *будьте*. И она действительно просто *была* Жизелью, и первый акт производил потрясающее впечатление. Судьба крестьянской девушки, сошедшей с ума от любви, перестала быть старомодной историей, трогательной сказкой, составленной Теофилом Готье и Жюлем Перро, чтобы угодить Карлотте Гризи и романтически настроенной публике 1841 года. Жизель, девушка, которая была на сцене вместе с нами, сходила с ума, а нам приходилось оставаться на месте и наблюдать, как все это происходило. Тогда балет был поставлен несколько по-другому, чем в наши дни, когда его дают в постановке, частично возобновленной Николаем Сергеевым. В первом акте танцевали крестьяне и охотники из свиты герцога, так что сцена была полна народа. Исполнялся большой вальс и пиццикато для Жизели перед финалом. Репетиции нас наэлектризовывали. Павлова всегда стремилась к совершенству, но когда дело касалось «Жизели», проявляла особую строгость по отношению к труппе, к оркестру, но прежде всего по отношению к самой себе. Репетиции никогда не заканчивались раньше трех часов, и девушки, ко-

торым потом приходилось репетировать также и второй акт, едва могли выдержать. Мимическая роль матери была значительно менее стереотипной; Джоун Уорд, которая впоследствии исполняла эту роль, рассказывала невероятные вещи об игре Павловой. Однажды она настолько вошла в роль, что схватила одну из крестьянских девушек и сжимала ей горло до тех пор, пока у бедняжки глаза не стали вылезать из орбит. Джоун почувствовала, что если тотчас же не вмешается, то безумная девушка может совершить убийство. Ей пришлось пересечь сцену и разнять их. Мне никогда не забыть ужасной пустоты взгляда Павловой — она была столь напряженной, что, казалось, заполнила всю сцену. Когда балерина повторяла па своего первого жизнерадостного танца, они исполнялись с такой вялостью, что я почти ощущал бессвязность слабеющего разума несчастной девушки. Наконец, она падала на руки своего возлюбленного, а мы все по двое, по трое устремлялись взглянуть на нее и убегали со сцены, охваченные подлинным ужасом. Когда занавес опускался, Павлова не в состоянии была сразу встать. Она лежала несколько минут, совершенно истощенная своими собственными переживаниями, и лежала до тех пор, пока девушки не помогли ей подняться.

Второй акт «Жизели» начинался выходом королевы виллис на поляну, где она повторяет свои многочисленные утомительные вариации, которые в некоторых версиях просто задерживают действие балета. Виллисы не походили на чопорных девиц в длинных белых балетных юбках, чрезвычайно правильно исполняющих менуэты, они были окутаны дымчато-серыми драпировками с гирляндами из омелы; их длинные распущенные волосы струились из-под венков омелы, а танец носил сравнительно свободный характер. Ты ощущаешь сверхъестественную радость, когда они бросают Илариона в омут смерти, мстя за возлюбленных, предавших их при жиз-

ни. Не было и намека на хорошо воспитанных юных леди, всем своим видом выражающих: «Убирайся, мерзавец! Берегись! Держи подальше свои грязные лапы от моего милого белого платьца»; в хореографии отсутствовали и тяжелые прыжки в арабески. Атмосфера была преисполнена греховной тайной: Мирта разломила ветвь терновника, и могила Жизели раздвинулась, трава опала, и окутанная покрывалом фигура встала и шагнула из могилы, покорная приказу королевы. Как только вуаль была сдернута с головы девушки, произошел стремительный поворот в арабеске, он выполнялся с такой быстротой и беглостью, что нужно было это увидеть, чтобы поверить, что подобное возможно. На Павловой тоже были драпировки, а не балетная юбка для второго акта. Ее интерпретация первого акта растрогала нас до слез своей трагедией безумия и смерти, ее эфирные свойства второго акта были в равной мере трогательными. Хотя мы и стояли близко, за кулисами, но едва могли поверить, что перед нами человеческое существо. Когда она взмывала в руках Альберта, казалось, будто она растворялась в воздухе. Хотя я наблюдал это сотни раз из-за кулис, но не могу припомнить, чтобы видел, как ее партнер (будь то Новиков, Волинин или Владимиров, каждый из которых был превосходным Альбертом) опустил ее на пол после поддержки — помню только опущенные руки и пустой взгляд, обращенный в пространство, где она исчезла. В экстатический момент, когда она танцевала с цветами, которые Альберт принес на ее могилу, она, казалось, парила в воздухе, а когда пробегала в *pas de bougree* по диагонали сцену, держа в руках белую лилию, пальцы ее ног, казалось, не касались земли. Ее приказ Альберту приникнуть к кресту на ее могиле и бессловесная мольба Мирте пощадить его красноречивее любых слов. В течение всего акта Павлова оставалась неосязаемой; ее интерпретация этой роли представляла собой квинтэссенцию романтического балета.

Музыка «Жизели» порой преследует меня. После смерти Павловой мне невыносимо слышать ее. Я не смотрел этот балет семнадцать лет до тех пор, пока моя жена не исполнила партию королевы виллис в постановке Интернационального балета в лондонском «Колизее» в 1948 году.

Но в 1924 году на Среднем Западе никому из нас и в голову не приходило, что Павлова когда-нибудь перестанет танцевать. Каким-то образом мы дотащились до Нью-Йорка и немного приободрились. Этот сезон принес мне особенно много волнений — я впервые танцевал «Русский танец» с Павловой в «Метрополитен-опера», и мое имя было помещено в программе там, где положено. Это имело большое значение, так как программа всегда печаталась в спешке, и никто не брал на себя труд проверить, упоминаются ли в программе такие молодые танцовщики, как я, или нет. Мне жаль тех историков балета, которые изучают программы, потому что по крайней мере в 20-х годах они отличались сомнительной точностью. Не помню, были ли во время этого сезона в прессе заметки, имевшие важное значение, от которых я мог бы зазнаться, но порой я ощущал симптомы этой болезни, когда русские члены труппы и зрители поздравляли меня. В этот период я получил больше поцелуев, рукопожатий и писем от поклонниц, чем когда-либо в жизни. Я часто писал домой и в письмах излагал свои подлинные ощущения: «Это кажется настолько невероятным, что я выходил на вызовы на сцене «Метрополитен-опера», где только шесть дней назад видел Шаляпина, а у нас три раза поднимали занавес и три или четыре заключительных вызова в конце. Я чувствую себя ужасно счастливым и гордым. Кажется, совершенно невозможным произносить слово «мы», имея в виду Павлову и себя».

Этот год проходил примерно так же, как и предыдущий: мы вернулись в Англию в мае, в сентябре дали но-

вый сезон в «Ковент-Гарден», а к Рождеству отправились в Нью-Йорк. Единственной новинкой лондонского сезона стал «Дон Кихот», еще один из старых балетов на музыку Минкуса, который Павлова попросила Новикова возобновить. Я должен был готовить роль Санчо Пансы до тех пор, пока Марковский не сможет приехать из Варшавы. Я огорчился, когда он приехал, так как уже репетировал целый месяц и надеялся, что эту роль буду исполнять я. Когда он приехал, мне пришлось обучать его. Но это было не так уж несправедливо, как может показаться на первый взгляд. Ибо он действительно ждал эту роль и исполнил ее превосходно. Со временем я тоже исполнил ее в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке. Некоторые из танцовщиков смеялись над тем, как я сидел на крестце у осла, но оценили мою мудрость на последнем представлении, когда осел опустил голову и бедный Марковский кувырком свалился на сцену. Порой было трудно нанять осла для Санчо Пансы, и конечно же мы не брали осла с собой в поездку; в одном американском городке он стоил нам двадцать пять долларов за представление. Росинант тоже доставлял нам немало хлопот. Всегда выбиралась белая лошадь, затем ее оформляли подобающим образом, чтобы она соответствовала плачевной внешности знаменитого коня Дон Кихота. В Лондоне «грим» оказался настолько эффектным, что какая-то престарелая любительница животных заявила свой протест в Королевское общество защиты животных. По стечению обстоятельств коня звали Эджи, и на одной из репетиций он неожиданно вышел, когда позвали меня. Большинство сценических лошадей вели себя спокойно при ярком свете, но синие огни выводили их из равновесия, так что можно себе представить, что происходило в сцене леса, предшествующей сну Дон Кихота о саде Дульцинеи. Затем выключали свет в зрительном зале и на сцене, и англичане всегда развлекались, когда Данд-

ре со своим неопишуемым акцентом взывал к бутафору: «Мак!»

На следующее Рождество мы оказались в Нью-Йорке. В первый день Рождества у нас было два представления, и наш «вечер» заключался в том, что мы заходили в артистическую уборную Павловой, чтобы получить свои рождественские подарки. Мне вручили золотые часы, и я с трепетом отнесся к подобному подарку. Я всегда клал их рядом с кроватью, когда ложился спать, чтобы иметь возможность, просыпаясь, видеть, который час, и никогда не клал под подушку, чтобы не забыть в спешке, торопясь на утренний поезд. Мы выступали две недели в «Аудиториуме» в Чикаго и уезжали на следующее утро, сундуки были собраны, и, поскольку мы отправлялись рано утром, я с вечера оплатил счет. Жил я в одной комнате с Марианом Уинтером. Когда на следующее утро я проснулся и потянулся к часам посмотреть, который час, то увидел только бумажник и воскликнул: «Где мои часы?» Мой возглас разбудил Уинтера, он выпрямился в постели и тоже закричал: «Gazie moi spodniej?» («Где мои брюки?») Он повесил их на спинку кровати и оставил бумажник в боковом кармане. Они исчезли вместе с деньгами и со всем прочим. У нас осталось только три цента на двоих — мой бумажник тоже был пуст. Нам ничего не вернули. Единственный забавный момент во всей этой ситуации — Уинтеру пришлось носить мои брюки до тех пор, пока мы не получили назад свои сундуки. Он был высоким мужчиной, и мои брюки оказались ему коротки по крайней мере дюйма на четыре.

Мы пробыли в Штатах с середины октября 1924 года до конца марта 1925 года и за исключением «Дон Кихота» показывали тот же репертуар, что и прежде. Новиков и Волинин оставались в труппе, но мне все же удалось продвинуться — я получил роль Удая Шанкара в «Кришне и Радхе». Я постарался перенять у него как можно больше и провел много времени, изучая искус-

ство и скульптуру Индии в Лондоне. Я с наслаждением принял участие в этом балете. Как-то я наткнулся на старую вырезку из «Бостон ивнинг транскрипт», где, как обычно, расточались всем похвалы, но затем следовал загадочный отзыв об этом танце, как о «вещи, исполненной предположений и намеков, с причудливыми ритмами, из-за нарушенных репрессий приобретшей напряженный эмоциональный накал». Балетная критика полна сюрпризов.

Я стал размышлять, сколько же городов в Соединенных Штатах, ибо во время каждого турне мы попадали в новые города: Каламазу, Батл-Крик, Седалиа, Уолла-Уолла. Мы ехали все дальше и дальше, выступая в храмах, мечетях, музыкальных академиях, залах, аудиториях и время от времени в настоящих театрах. Я, как и все прочие, размышлял, что же заставляло Павлову продолжать гастрольные поездки; почему всемирно известная великая танцовщица изнуряла себя, странствуя со своей труппой взад и вперед по США и все время давая представления? Существует много предположительных ответов на эти вопросы, но два предположения, безусловно, верны: она считала своим долгом дарить свое искусство миру и обладала повышенным чувством ответственности перед своей труппой — все это играло большую роль в ее решении предпринимать эти изнурительные турне. Они означали месяцы неустанной работы, что вселяло в нас определенную долю уверенности в будущем. Но, мне кажется, прежде всего ее влекла движущая сила — мысль о том, что она должна танцевать.

Забота Павловой о своей труппе не ограничивалась только тем, что она предоставляла нам работу и платила больше, чем в других аналогичных труппах, она действительно интересовалась нашими делами и благополучием. Например, в моем случае, когда мы танцевали «Русский танец» каждый вечер во время одно-разовых представлений, она распорядилась, чтобы кто-

нибудь заменил меня в «Снежинках» и мазурке, чтобы я не слишком уставал. Я тогда не ценил предоставленную мне возможность отдохнуть и обычно практиковался в индусских танцах за сценой во время «Снежинок». По прошествии времени я вижу, каким мудрым и доброжелательным было подобное обращение. «Лучше быть плохим оригиналом, чем хорошей копией» — одно из изречений Павловой, но ни в коем случае не «Будь оригинальным любой ценой», для этого она слишком благоговейно относилась к своему искусству. Хотя она и искала новые формы искусства в каждой посещаемой стране, но была на удивление невосприимчива к модному искусству, которое так часто представляет собой всего лишь попытку шокировать пресыщенный вкус общества. Она с отвращением относилась к элементам вульгарности, вкравшимся в современные комические балеты, выступала против включения угловатых и некрасивых движений только ради того, чтобы выделиться. Танцовщики труппы часто хотели танцевать что-нибудь более современное и ненавидели такие балеты, как «Фея кукол» (которые обожала публика), и готовы были заключить в объятия тех критиков, которые отзывались о них уничижительно. Но никто из нас не понимал тогда: что бы Павлова ни танцевала, ее гений, словно философский камень, преобразовывал любой танец в произведение искусства.

Во время этого долгого путешествия я обратил внимание на то, что некоторые из программ носили название «Прощальное турне». Я заинтересовался, что бы это значило. В труппе утверждали, будто европейский ангажемент мадам не позволит ей долго приезжать в Штаты, тем более что ходили разговоры о поездке в Южную Африку. Никто из нас тогда не знал, что это было последнее посещение Павловой Америки и что весной 1925 года она в последний раз танцевала в Эль-Пасо в Техасе.

Последовали четыре полных волнения недели, так как нам предстояло дать сезон в Мехико в театре «Эсперанца». Наш поезд сопровождал вооруженный охранник, который вместо того, чтобы успокаивать нас, наоборот, только нервировал. Страна выглядела истощенной. Так много пустынь и плантаций кактусов, из которых делают пульте и текилу. Время от времени мы подъезжали к гасиенде, часто поезд привозил воду в эти отдаленные места. Почти всегда на вокзалах обитали нищие и торговцы продуктами. Мы прибыли в столицу Мексики в наиболее благоприятный момент — в два часа ночи в Страстную неделю. Когда мы оглянулись вокруг, нам показалось, будто мы ехали из США много-много недель вместо нескольких дней. Железнодорожная станция была переполнена мексиканскими крестьянами, съехавшимися из близлежащих деревень на празднование Страстной недели, и хотя все они были, так же как и мы, замерзшими и сонными, их широкополые сомбреро и цветные сарапе¹, казалось, излучали вокруг себя солнечный свет. Мне хотелось остановиться и пристально взглянуть в каждого человека, но в тот момент у меня не было времени. Мы сели в такси, которые выглядели так, словно происходили из стародавних времен до изобретения автомобиля. Они отчаянно грохотали, хлопали, тряслись, и у нас возникла мысль: что же в первую очередь развалится на части — моторы, кабины или мы сами. Но мы клеветали на них, водители в целостности и сохранности доставили нас к отелю и выскочили из машин, готовые получить свои чаевые. Мы вошли в отель и обнаружили, что нам не хватает комнат, чтобы разместиться. Ничего не оставалось, как отправиться поискать что-нибудь другое. Владельцы отелей никак не могли понять, почему мы настаиваем на отдельных комнатах для мужчин и женщин. Они упор-

¹ Сарапе — накидка.

но демонстрировали нам комнаты с несколькими кроватями «для семьи», как они прелестно объясняли. Наконец, мы все разместились в домах без каких-либо «семейных» осложнений. Единственная неприятность — я поссорился со своим соседом по комнате, и мы две недели не разговаривали друг с другом. Отель назывался «Отель-Эль-Буэн-Тоно». Сама мадам настояла на том, чтобы остановились в отеле, который содержал француз, потому что однажды он оказал большую услугу группе русских артистов. Небольшая гастрوليрующая русская оперная труппа приехала в город несколько лет назад, гастроль оказались плохо организованы, и они сели на мель, оказавшись без денег. Любивший музыку хозяин позволил труппе остаться в отеле и питаться бесплатно. Несколько лет спустя я узнал, что бедняга потерял все, что имел, во время одной из многочисленных мексиканских революций.

Наш сезон начался только на Пасху в субботу, так что несколько дней мы с удовольствием проводили время, только иногда по утрам проходили репетиции. Однажды вечером мы с большим волнением отправились в «Театр Лирик», так как нам сказали, будто там идет превосходное ревю в исполнении мексиканских артистов. Это оказалось не совсем то, чего мы ожидали, а мексиканская пародийная интерпретация французской труппы, недавно приехавшей из знаменитого мюзикхолла «Батаклан» в Париже. Их выступления пользовались большим успехом в городе, но местные певцы, танцовщики и актеры сочли, что преуспеют больше, если создадут свою версию. Шоу было мексиканским по духу и включало некоторые очень хорошие местные танцы. В середине представления директор вышел на сцену, и мы подумали, что он собирается объявить о каких-то изменениях в программе. Но нет!

— Леди и джентльмены, — провозгласил он с широкой улыбкой. — Я должен сделать объявление. Сегодня

вечером в нашем театре присутствует мадам Анна Павлова.

Зал встал, и все увидели Павлову в ложе. Раздались одобрительные возгласы, мы тоже присоединились. Это был изумительный момент. Павлова повела себя точно так, как я от нее ожидал: она встала, вышла вперед, грациозным жестом кавалера сняла свою маленькую шляпку и, опустив руки на барьер ложи, поклонилась с той скромностью, которая присуща только воистину великим людям. К концу программы произошла еще одна кутерьма — на сцене состоялся парад мексиканских красавиц: группы прелестных девушек, все они несли корзины с подарками, чтобы раздать их публике. Они соперничали друг с другом, пытались забросить соломенные куклы, цветы и ленты из своих корзинок в ложу мадам. Многие из них конечно же промахивались, и, когда какой-нибудь мужчина из публики подбирал эти упавшие предметы, все принималось свистеть, опасаясь, что он захочет взять их себе. Но затем начинали аплодировать, когда галантные мексиканцы передавали подарки в ложу мадам.

Наше первое выступление сопровождалось неистовым возбуждением. Мы показывали «Восточные впечатления», «Амариллу» и заканчивали «Русским танцем». Это означало, что мне предстоит много тяжелой работы, особенно если учесть, что Мехико находится в семи тысячах футов над уровнем моря и любой танец требует больших усилий. Пока Волинин ждал за кулисами своего выхода в дивертисменте, один из журналистов спросил, не испытывает ли он затруднений с дыханием.

— Нет, — ответил он. — Я не вижу никакой разницы.

Однако, когда танец «Пьеро» закончился, он в изнеможении обрушился за кулисы, ноги его заскользили вперед, и выглядел он довольно странно в углу сцены. Он больше не танцевал до конца вечера. Мне удалось исполнить «Русский танец», но я не смог потом выйти

на поклон, потому что был не в состоянии дышать. Мадам имела потрясающий успех в роли Радхи, это было ее первое выступление. После продолжительных аплодисментов и множества вызовов оркестр встал и заиграл *Diana*, последнюю часть *Jarabe Tapatio*¹, который за пределами Мексики обычно называют «Танец шляп». Нам сказали, что это традиционная музыка, под которую *toro*² выходит на арену для боя быков. Это высказывание кажется странным, когда дело касается индийских богов, но тем не менее считалось большой похвалой. На публику произвела большое впечатление присядка в «Русском танце», поскольку ничего подобного в Мексике никогда прежде не видели. Весьма удивительное событие произошло шестнадцать лет спустя, когда я приехал в Мехико с «Русским балетом полковника Базиля». Тамара Фриде вышла замуж и поселилась там. Было очень приятно в 1941 году найти там старых друзей. Тамара пришла ко мне с сеньорой Кампабелло, которая была официальным лектором по истории танца в «Театро де Беллас Артес», а также состояла при мексиканском правительстве.

— Возможно ли, что вы и есть тот самый Альджеранов, который приезжал сюда несколько лет назад с Павловой? — некоторое время спустя спросила она.

— Да, — ответил я и спросил, видела ли она трупку Павловой.

Ее тогда не было в Мехико.

— Люди рассказывали мне о медленной присядке, которую вы исполняли, — ответила она. — Известно ли вам, что ее никогда ни до того, ни после не исполняли в Мексике?

Единственное, что мне оставалось сделать, — это отвести ее в другую комнату и исполнить перед ней фрагменты этого танца.

¹ Народный танец мексиканской провинции Халиско.

² Бык (*исп.*).

— Ahora yo sego! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Теперь я верю!

Это был удивительно волнующий момент в жизни, и моей первой мыслью была мысль о Павловой, без которой я никогда не выучил бы этих па, да и вообще не научился бы танцевать.

Я полюбил Мехико. Он обладал таким же ароматом, как Манила, но был еще приятнее на вкус — до сих пор, когда закрываю глаза, представляю tamales¹, завернутые в маисовые листья, и frijoles², впоследствии ставшие моей основной едой на Кубе, когда я путешествовал там с Русским балетом. Мы обычно каждый день отправлялись на цветочный рынок, платили сумму, равную нескольким пенсам, и наши номера всегда были заполнены калифорнийскими маками, душистым горошком и великолепными местными цветами. По какой-то причине розы всегда были коротко обрезаны и прикручены к палкам, так что мы никогда их не покупали. Было грустно видеть так много прекрасных зданий в обветшалом состоянии — затененные дворы, дверные проемы из резного камня или дерева, великолепные фасады церквей. Я зашел в собор, и он произвел на меня довольно мрачное впечатление: все раки задрапированы пурпуром, огромное распятие на гробнице в центральном нефе, окруженное цветами и свечами, Дева Мария, облаченная в черное, толпы верующих, стоящих на коленях на пыльном деревянном полу, а святая вода казалась настолько грязной, что человеку надо было отличиться необыкновенной верой, чтобы прикоснуться к ней. Однажды в середине дня я увидел, как верующие, покинув собор, направились на арену для боя быков. Как я жалел, что не мог присоединиться к ним — из-за спектакля это было совершенно невозможно. Знаменитый тореадор Гаона в последний раз выступал на арене.

¹ Тамаль — пирог из кукурузной муки с мясом и приправами (исп.).

² Фрихолес — мексиканское блюдо с мясом и фасолью (исп.).

Позже мы услышали, что три лошади погибли, а великий человек убил семь быков.

Перед отъездом труппа дала представление на арене для боя быков в воскресенье днем. Странное это чувство — танцевать на открытом пространстве перед тысячами людей. Удивляюсь, почему мы начали с «Волшебной флейты», для которой нужны были декорации, в результате людям, сидящим по краям круга, ничего не было видно. Естественно, все они кричали, свистели и шикали, но сделать что-либо было невозможно, и мы продолжали, но недолго, ибо, когда исполнили половину «Амариллы», у нас над головами разразилась гроза. Мы храбро оставались на сцене, в то время как зрители бросились искать укрытие, затем последовали за ними так быстро, как только могли. Рабочие сцены принялись убирать декорации, пока они полностью не погибли, но оставшиеся зрители, которые наблюдали за происходящим из своих укрытых мест, принялись выражать недовольство. Они сочли себя обманутыми. Затем дождь прекратился, и Павлова исполнила Лебедя, но нам нужно было скорее пообедать, не смывая грима, и поторопиться на вечернее представление в другой театр.

Нас провели по Паласио Националь, и мы увидели почти все его великолепные комнаты, в их числе ту, где в 1913 году был убит президент Мадеро. Отверстие от пули все еще зияло в спинке стула, а на ковре было видно пятно крови. Нам также показали золотые и серебряные обеденные сервизы, принадлежавшие императору Максимилиану. Во дворце было много великолепных комнат, в том числе одна, в которой все было сделано в Мексике, включая прекрасные занавеси, сотканые индейцами. Стул президента больше походил на трон — весь красно-золотой, с орлами вместо ног и изумительно красиво расшитым балдахинном.

Мы провели целый день, рассматривая пирамиды солнца и луны с их чудесной резьбой. Какая странная

страна — такое великолепие и такая нищета. В целом люди мне понравились; конечно, они были ленивыми, но я не мог удержаться от чувства, что они по-прежнему наслаждались жизнью ради жизни и не пытались превратить ее в нечто искусственное, что можно было бы оценить деньгами. Мы наняли в труппу несколько американцев, и им совершенно не нравилось отношение мексиканцев. Оно их просто пугало. Я хорошо помню Луи, который продавал программы и знал наизусть все сюжеты балетов. Он никогда в жизни не выезжал за пределы США, и когда посмотрел на противопожарный занавес в театре, то смог прочесть на нем только одно — объявление о лечении венерических заболеваний. В перерыве мы переходили через дорогу, чтобы выпить пультке в ближайшем баре. Перед тем как выпить, мы вынимали мух из стаканов. Одна стена бара была облицована кафелем, а под ней проходила маленькая канавка. Мы испытали легкий шок, когда пожилая женщина, подняв юбки, использовала приспособление очевидным образом. Мы все много смеялись, главным образом над Луи. Два дня спустя он уехал в Соединенные Штаты — не смог вынести Мексику.

Гуляя по улицам, я научился видеть красоту поблекших красок и ломаных линий. Даже новые здания не могли выдержать сравнения со старыми. «Театро де Беллас Артес» представлял собой великолепное здание белого мрамора, но никто не верил, что оно когда-нибудь будет достроено. Он находился почти в таком же состоянии, как во время прошлого визита Павловой семь лет назад. Ночами в каждом квартале города дежурил полицейский, вооруженный карабином, с фонарем и свистком. Каждую четверть часа он дул в свой свисток, чтобы полицейский из следующего квартала знал, что он на месте. В Мексике нам платили в твердой валюте, единственный раз в жизни, когда мне платили золотом. Поскольку с нами рассчитывались раз в две не-

дели, у меня накопилась довольно значительная сумма, и мне было страшно возвращаться домой, поскольку у меня в карманах приятно позвякивало.

Мехико был полон сюрпризов. Хотя нам обычно предоставляли кое-какую информацию о новых странах перед приездом туда, но обычно все сводилось к самой простой информации о ценах и отелях. Никто не догадался предупредить девушек о том, что в Мексике существует закон, запрещающий молодым женщинам выходить на улицу без сопровождения после определенного времени. Обычно никто не выходил из театра в одиночку, и члены труппы расходились по своим отелям группами. Однажды вечером одна из девушек задержалась в театре, подбирая костюмы, а затем спокойно отправилась домой одна. Несколько мужчин окликали ее по дороге, но она не обращала на них внимания и шла дальше. Вскоре ее остановил полицейский и заговорил с ней, но она не поняла, что он сказал. Потом он перешел на ломаный английский, и тогда она поняла, что он говорит:

- Можно посмотреть вашу лицензию, сеньорита?
- Лицензию?

Сначала она подумала, что он имеет в виду паспорт, но в любом случае она оставила его в отеле. Наконец до нее дошло, что полицейский принял ее за проститутку или по крайней мере за любительницу, работающую неофициально. Он позвал своих коллег, и, подозрительно ее рассмотрев, они заявили, что она должна пройти в полицейский участок. Чем сильнее она сердилась, тем труднее ей было подобрать испанские слова, и так продолжалось до тех пор, пока не появился инспектор участка, изъяснявшийся на вполне сносном английском. Он был английского происхождения и, подобно многим жителям Латинской Америки, носил английское имя — то же самое имя (которое я утаю), как наш маленький корифей. Все закончилось благополучно, и

девушка смогла добавить еще одну историю к своему репертуару. Один из управляющих отеля пригласил кое-кого из девушек пообедать в его кабаре за половину цены. Они по наивности приняли приглашение, но Павлова узнала об этом и объяснила им, что к чему.

Думаю, я смог бы провести несколько месяцев в Мексике, просто наблюдая за людьми, любясь страной и зданиями. Пожалуй, это полностью поглотило бы меня. Но так сложилось, что я приехал туда танцевать. Павлова была особенно добра ко мне во время нашего там пребывания. Я настолько продвинулся, что мне поручили танцевать вместе с ней и Волининым *pas de trois* Годара, и она все так организовала, что я имел возможность время от времени отдыхать от ансамблевых танцев, поскольку очень уставал от «Восточных впечатлений» и «Русского танца». Еще одним ярким событием сезона стало изучение и исполнение мексиканских танцев. Мы исполняли их перед президентом Мексики, когда он посещал Нью-Йорк в предыдущем году. Автор декораций Могар Бест присутствовал на всех репетициях. Преподаватель, известный нам под именем сеньор Бенъон, приехал позаниматься с нами. Его танец был чрезвычайно легким и четким и вдохновлял нас. Его ассистенткой была очень красивая девушка-мексиканка. Когда она исполняла па, Павлова шепнула мне: «Посмотри, Элджи, чтобы я делала все правильно». На одной из этих репетиций Павлова сделала мне большой комплимент — повернувшись к Бесту, она сказала ему:

— Этот мальчик — артист.

— Пока еще нет, мадам, — ответил я.

Она продолжала, обращаясь к Бесту:

— Видите, какой артист.

Я был очень взволнован всем этим.

Пиановский заболел и остался в Соединенных Штатах. Залевский вел классы, но репетиций было немного. Произошло одно странное событие: за несколько дней

до того, как мы закончили сезон, нам предложили отрепетировать «Прелюдии» — прекрасный балет Фокина, поставленный на музыку «Симфонических прелюдий» Листа. Мы исполняли его в Нью-Йорке, и Фокин репетировал с нами там, но мы не могли понять, почему нам вдруг предложили его репетировать, если намеревались показать его только во время следующего турне. В действительности его больше никогда не исполняли. Именно во время этого мексиканского сезона Юрок разорился. Неприятная задача — сообщить Павловой о том, что он не сможет заплатить ей, была возложена на молодого менеджера Гарри Миллза. Когда он передал поручение, то испытал облегчение, услышав ответ Павловой:

— Что ж, Юрок платит мне восемь тысяч долларов, а кто-нибудь иной предлагает только пять, так что все в итоге сводится к одному результату.

Последний вечер сезона закончился мексиканскими танцами. В конце шляпы посыпались на сцену, и, казалось, будто мы стоим в них по колени. Павловой, Стюарт и Фриде пришлось собирать их и бросать обратно владельцам, которые в свою очередь аплодировали, когда ловили их, или свистели, когда промахивались. Затем зазвучала мексиканская песня прощания «La Golondrina»¹. Казалось, она звучала вечно, а мы стояли на сцене, пока, наконец, не опустился занавес.

Павлова покинула нас и уехала в Калифорнию, где собиралась делать какие-то экспериментальные фильмы с Дугласом Фербенксом, фрагменты которых сохраняют черты ее гениальности и доставляют массу удовольствия тысячам людей. Один из фильмов попытались сделать с записанным звуком, что было тогда на стадии эксперимента. Теперь он только скрипит, хотя, когда я услышал его во время подготовки фильма «Бессмертный лебедь», нам сказали, что это очень интересный материал с исто-

¹ «Ласточка» (исп.).

рической точки зрения. Я почувствовал, насколько экспериментальный характер носили эти фильмы, когда увидел вариацию из «Снежинок», которая исполнялась в костюме из «Кокетства Коломбины». Павлова исполняла ее с такой ритмической точностью, что казалось, будто ты «слышишь» музыку. После танца фильм продолжался, и был восхитительный кадр, где Павлова сказала оператору, что это все. И тогда стало понятно, что, пока она танцевала, музыки не было.

Мы покинули Мехико и направились в Веракрус, поменяв таким образом приятную весеннюю погоду на жаркую липкую жару равнин. Атмосфера в поезде скоро стала невыносимой, а маленькие станции кишели детишками, пытавшимися убедить нас купить букеты гардении, красиво аранжированные в маленьких корбочках, сделанных из бамбука. Я любил гардении, но они обладали слишком сильным запахом. Снова старые такси встретили нас на станции, и снова нам пришлось иметь дело с примитивными отелями. Нас спало по четыре человека в комнате, а на кроватях из-за жары были только проволочные матрасы. С другой стороны невысокой перегородки находился совмещенный с ванной туалет. Работает ли он? Мы сомневались. Вода была редкостью в этих краях. Один из танцовщиков вбежал в ванную, открыл все краны и вытащил пробку — вода была, но примерно через полминуты она закончилась, и больше ее не было до конца нашего там пребывания.

Очень скоро мы были уже на пути назад в Англию, путешествуя в маленьких тесных каютах второго класса. На борту был всего лишь один салон и маленькое пространство палубы. У нас возникло «профсоюзное» желание объединиться, и мы послали телеграмму месье Дандре, вернувшемуся в Англию раньше нас, где выражали свои жалобы и сообщали об имеющихся свободных каютах первого класса. Ответа мы не получили. Приехав в Лондон, я рассказал месье Дандре о нашей поездке и о

телеграмме. Он сказал, что не получил ее, но удивился, услышав наши жалобы, так как Волинин писал ему о том, как все хорошо, и описывал, как каждый день играет в карты в салоне второго класса. Невзирая на трудности, это было мое первое путешествие по Карибскому морю, и погода стояла хорошая. Я попытался загорать, что привело к ужасному результату — я только обгорел. После каменистого клочка земли в Атлантике мы достигли Ла-Коруньи и с наслаждением гуляли по узким улочкам, где стояли дома с жалюзи. Было странно увидеть Мексику до Испании, а теперь я видел подлинные истоки страны. Бросалось в глаза, что большую часть работы выполняли здесь женщины, которые даже переносили большие сундуки на головах. Помню, как пил горячий шоколад, приправленный корицей, — восхитительно! Мы прибыли в Сантандер одновременно со стаей сардин. Вся гавань превратилась в массу серебряной воды, тотчас же вышли рыбачьи лодки, но, куда бы ни забрасывали сеть, эти хитрые рыбки уплывали в противоположную сторону. Наблюдая за тем, как вся стая разом развернулась, я пожалел, что труппа танцовщиков не может проделать это столь же грациозно. Я по-настоящему испытал жалость к бедным маленьким рыбкам, когда их в конце концов окружили.

Когда мы прибыли в Дувр, на борт вошел, чтобы встретить нас, наш импресарио Эдмунд Рассон. Мы пожимали друг другу руки, когда кто-то вдруг крикнул: «Смотрите!» Мы все подбежали к перилам — маленький домик, стоявший на краю сцены в «Волшебной флейте», с жалким видом плыл по водам гавани. Веревки оборвались, и множество наших костюмов и декораций погибло. Были и другие несчастные случаи — Павлова послала из Мексики домой множество прелестных маленьких экзотических птичек, предоставив их заботам своей горничной Мей. После Кубы стало холоднее, и птицы казались несчастными. Никто на судне не знал, что делать, и

я поместил одну из птиц в карман своего пиджака. Похоже, ей стало лучше, и она стала понемногу порхать, но все же это не помогло. Погода была недостаточно теплой, и ни одна из птиц не выдержала поездки. Бедняжка Мей! Ей пришлось сообщить новость Павловой, обожавшей свой птичник. Однажды, когда я был в Айви-Хаус, Павлова в свободное время показала его мне и рассказала, откуда привезена каждая птица. У нее были совершенно необычные идеи по поводу них.

— Я хотела поместить их всех вместе, — заметила она, — но этот злобный, он дерется со всеми, так что пришлось его отделить.

«Злобный» смотрел на нас из своего одиночного заключения и, казалось, совершенно не испытывал раскаяния.

Глава 8

МОЕ ПЕРВОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ

К концу августа 1925 года мы оказались в Остенде и изумились тому чудесному обновлению, которое претерпела Бельгия с 1918 года. Помню, как однажды вечером меня сфотографировали с мадам после исполнения «Русского танца», имевшего огромный успех. Я так долго улыбался, что стал ощущать себя кусочком сливочного сыра. Затем — Германия, хотя не вся, но достаточно городов, чтобы совершить концертное турне.

Хотя к тому времени я уже превратился в закаленного туриста, континента еще не посещал. Германия, безусловно, не была страной моего выбора, ибо я до сих пор испытывал горечь по поводу потери брата, погибшего на фронте, и утраты нашего лондонского дома, разрушенного во время воздушного налета. Однако Германия мне понравилась. Атмосфера казалась чрезвычайно дружелюбной. Когда мы приехали в Берлин,

нас встретил импресарио с женой. Члены труппы, уже давно выступавшие в ее составе, утверждали, будто на ней была та же самая шляпка, которую она носила в 1914 году, когда Павлова в прошлый раз посещала эту страну. Всем нам вручили небольшие прекрасно напечатанные буклеты на английском, французском и немецком языках, где был подробно расписан каждый день нашего турне, прилагался список отелей и сообщалось множество других полезных деталей. Немецкая педантичность! Это было замечательно. В воздухе Тиргартена уже было разлито предчувствие осени, по утрам появлялся легкий туман, поздние лучи солнечного света, пробивавшиеся сквозь деревья, освещали яркую зелень мха, покрывавшего их стволы, и он отливал каким-то жутковатым блеском. Наши выступления проходили в модернизированном здании «Крольль-опера», репетировали мы в комнате с большой верандой, и дождь падал тяжелыми каплями с огромных влажных ветвей на стеклянную крышу.

Я знал, что Павлова нервничает по поводу этого турне. Она выступала в Германии, когда началась война, и, хотя ей позволили покинуть страну, все костюмы и декорации пришлось оставить. Тем временем в танцевальном мире произошла революция — выросла современная немецкая школа, и такие танцовщицы, как Мэри Вигман, получили широкую известность на континенте. Мы все беспокоились, не сочтет ли публика русскую школу вышедшей из моды и просто скучной. Во время первого представления атмосфера была довольно напряженной. Сцену подняли примерно на фут, словно платформу, и мы танцевали на фоне черных занавесей. Она освещалась великолепно, а за кулисами свет был очень тусклым — только маленькие зеленые лампы показывали нам путь за сцену. Перед нами зиял зрительный зал, огромный и черный, словно пещера; стекла биноклей поблескивали, словно глаза тысячи

волков. Когда Павлова, Новиков и Волинин вышли на поклон после «Кокетства Коломбины», театр разразился взрывом аплодисментов, и мы сразу же поняли, что классической школе еще есть что сказать даже на родине современного танца. Помнится, было только одно небольшое критическое высказывание по поводу слишком плотных одежд «видений» в танце сильфид, и перед вторым представлением один слой ткани убрали.

Берлин, естественно, был полон русских эмигрантов, и все они пришли в театр. Во время этого сезона я обнаружил, что могу говорить по-русски, хотя мой немецкий находился всего лишь на ресторанном уровне. Один из эмигрантов принял меня за своего племянника, потерянного во время революции, и, должен признаться, я не так остро воспринял трагедию потерянного ребенка, как обрадовался, потому что меня приняли за настоящего русского.

Что мне понравилось в Германии, так это творческая театральная атмосфера, — это отмечали многие танцовщики и актеры. Большое стимулирующее воздействие оказало на меня знакомство с Максом Терписом, который был хореографом в Немецкой государственной опере. Швейцарец по рождению, сын пастора, он учился на архитектора и в то же время обладал таким природным чувством танца, что поднялся до своего теперешнего положения всего лишь за пять лет работы профессиональным танцовщиком, сначала поучившись у Вигман. Я часами беседовал с ним в его квартире-студии, а несколько лет спустя Максу довелось ставить танец для меня. На меня произвело большое впечатление, когда я увидел его балет, поставленный в Немецкой государственной опере. Один из танцовщиков воплощал дух барабана, и каждый удар барабана, казалось, побуждал его к созданию нового движения. Я ощутил огромную гордость, когда кто-то из труппы заметил, что тот танцовщик похож на меня, поскольку это был не

кто иной, как Харальд Крёйцберг, которому суждено было вскоре приобрести международную славу.

День-два спустя танцовщики «Кроль-опера» нанесли ответный визит и пришли посмотреть одну из наших репетиций. Наступила минутная паника, когда обнаружилось, что некоторые из танцовщиков не принесли официальных костюмов для занятий, и мы опасались, что репетиционный зал будет выглядеть слишком неприглядно. Кузьму срочно отправили купить черные трико и белые сорочки. Я надел их так же, как и все остальные. Начали мы с гопака. Я выскочил на сцену, сопровождаемый оглушительным треском, и длинные белые хвосты моей немецкой рубашки струились за мной словно шлейфы, когда я танцевал вприсядку. Еще четыре танцовщика последовали за мной на сцену, и то же самое приключилось с ними со всеми. Тем не менее мы имели огромный успех.

Мы постоянно уходили из театра с желанием как можно больше узнать об искусстве страны. Я посмотрел довольно плохую постановку «Летучей мыши», где мужские партии в вальсе «Голубой Дунай» исполняли самые толстые травести, каких я когда-либо видел. Как отвратительно они выглядели в своих атласных штанишках до колен! «Кавалер роз» оказался намного интереснее, в нем каждое мгновение доставляло наслаждение. Я чуть не пропустил его, так как опасался, что не успею переодеться, а в пиджачном костюме меня не пустят. Но мне сказали, что не стоит беспокоиться.

На следующее утро ко мне подошла Павлова и сказала:

— Прошлым вечером, Эдджи, мы пошли в «Оперу», в перерыве я сказала Лизе: «Посмотри, какой-то сумасшедший в розовом галстук! Похож на Эдджи». А Лиза ответила: «Это и есть Эдджи». В самом деле, Эдджи, тебе следует знать, что полагается носить по крайней мере черный галстук, если не вечерний костюм.

Порой она придерживалась очень строгих правил относительно официальной одежды.

Было интересно послушать современные разговоры о Павловой. Она заставила окружающих понять, что они забыли, что собой представляет по-настоящему классическая школа. Они помнили только карикатурных балерин. Но, увидев Павлову, они перестали повторять уже надоевшую фразу: «Мы снимаем свои шляпы перед Дункан, потому что она сняла свои туфли». Они поняли, что Павлова не обладает этой ужасно негибкой спиной балерины, а движения ее рук были невероятно текучими.

Естественно, Павловой было чрезвычайно любопытно увидеть как можно больше современных школ. Помню, как интересно мы провели время в Дрезденском оперном театре. Глядя на совершенно новые движения, исполняемые кордебалетом, Павлова повернулась ко мне и заметила, пожав плечами: «Фокин делал все это в 1910 году, но Императорский театр не позволил».

А когда мы уходили, она бросила: «Они продвигаются вперед. Жаль, что у них нет таких хороших балетмейстеров, как у нас в России, чтобы показать им старое, но, во всяком случае, они продвигаются вперед».

Затем мы конечно же посетили школу Мэри Вигман в Дрездене. Вигман была одета в черное платье для упражнений с облегающим корсажем и длинной юбкой и черную шаль. На ногах у нее были алые комнатные туфли, которые она, естественно, снимала, когда танцевала. Она произвела на нас не слишком приятное впечатление. Встретила нас она довольно натянуто, и в ее танце ощущалось какое-то напряжение. Но, как ни странно, ее танец мне понравился. Он казался чрезвычайно серьезным, и в нем совершенно не ощущалось этой абсурдной *Bewegungsfreude*¹, которая так часто смотрится не-

¹ Радость движения (нем.).

уклюже. Произведение в целом носило некоторый оттенок религиозности, и его возвышенный характер подчеркивался ударами барабанов и гонга. Некоторые из танцовщиц были поразительно красивыми девушками, большинство из них одеты в черное — прекрасный контраст с ярко-оранжевыми стенами студии.

После Дрездена мы отправились в Лейпциг, Ганновер, Бремен, Франкфурт, Гамбург и Кёльн и везде выступали с огромным успехом. Во время переезда из Остенде в Дувр Павлова подошла ко мне, подала маленький пакетик и продолжила свою прогулку по палубе. Я спокойно сказал: «Спасибо, мадам», думая, что это шоколадка, но, развернув пакет, обнаружил, что это наручные часы! Я побежал за ней, чтобы поблагодарить должным образом, и она сказала: «Это чтобы возместить тебе потерю».

За немецким турне последовал «ковент-гарденский» сезон. Новый балет «Роман мумии». Хлюстин серьезно заболел, не успев закончить постановку, и завершил работу Новиков. Помню, как отправился в Айви-Хаус на примерку костюма, который состоял из воротничка, браслетов, очень коротких шортиков и прозрачной юбки. Может, покажется смешным, если я скажу, что грим имеет какое-то значение, но без него мне казалось, что я выгляжу совершенно неприлично. Когда пришла Павлова, чтобы посмотреть костюм, я в смущении пробормотал: «Извините, мадам». Еще никогда в жизни я не ощущал себя столь обнаженным и пристыженным. Я испытал гордость, когда предложил сделать основы для париков, чтобы придать нашим головам удлиненный египетский вид, и мое предложение приняли.

Конец сезона принес труппе много перемен. Наш любимый дирижер Теодор Штайер вышел в отставку, мы надеялись, что только временно, но, увы, он так и не поправился и умер месяцев через восемнадцать. Хильда Бутсова, вступившая в тайный брак с Гарри Миллзом

в Мексике, покинула труппу и вернулась с мужем в Нью-Йорк, а Молли Лейк и Тамара Фриде тоже прекратили свое долгое сотрудничество с труппой. Мы знали, что нам будет очень не хватать их всех, особенно Теодора Штайера, отличавшегося удивительным пониманием танцовщика. «Будет ли его преемник столь же полезным, сможет ли нам так же помогать?» — размышляли мы.

Я с нетерпением ждал поездки в Париж. Никогда не был там прежде, и он превзошел мои ожидания. Мы танцевали в «Театре Елисейских полей» в одной программе с группой артистов варьете. Мне кажется, это была плохая идея, тем более что там был один артист, исполнявший в первом отделении присядку на бочонке, ему и доставался весь гром аплодисментов, лишая успеха гопак, как бы хорошо мы его ни танцевали. В первый раз приехав в театр на репетицию, мы увидели одно из последних представлений негритянского ревю, заканчивавшего свой сезон. Наверное, было не слишком интересно, так как я уснул прямо в кресле. Проснувшись, увидел самую тощую в мире девчонку, скакавшую по сцене в трусиках из белых перьев, в доходящих до лодыжек белых сапожках, по краю отделанных перьями, с оригинальными кожаными носками; костюм завершался воротником из перьев. Какое-то мгновение я не мог понять, проснулся я или все еще сплю.

Естественно, мы отправились в «Оперу» и осмотрели зал для занятий, имевший такой же наклон, как и сцена. Мы также посетили «Фоли-Бержер», и он нас удивил только своей посредственностью, самое большое наслаждение доставило нам выражение лица одной из наших девочек-кокни из кордебалета. Кто-то отважился устроить представление *danse du ventre*¹, но после нашей поездки на Восток он показался нам скучным. Где-то

¹ Танец живота (фр.).

мельком мы увидели Лои Фуллер в антивирусной маске, только что заканчивавшую репетицию. Несколько раз я видел Удаю Шанкара, поскольку он теперь преподавал в Париже. Я воспользовался случаем и взял у него несколько уроков. Он научил меня замечательным упражнениям для рук, которые показались мне неоценимыми для всех восточных танцев. Когда я разучивал новые па, он собственноручно аккомпанировал мне на маленьком барабане. Выступление нашей труппы не пользовалось большим успехом в этом сезоне, думаю, потому, что мы не предлагали каких-либо причудливых новинок. Однако «Кокетство Коломбины» и «Лебедь» пользовались таким же огромным успехом, как в Лондоне и Берлине.

Павлова участвовала в гала-представлении своего собственного балета «Осенние листья» в «Опере». Надеюсь, что хореографическое произведение Павловой никогда не возобновят. Его никогда не сможет отрепетировать или исполнить кто-нибудь другой, крайне трудно было бы найти и подходящий кордебалет, произведение в целом стало бы совершенно иным. Репетиции «Осенних листьев» отличались особой требовательностью; только Павлова была способна превратить танцовщиков-людей в падающие листья, рассеянные северным ветром. Однажды в Лондоне в труппе появилась новая девушка, отличавшаяся эгоизмом и энтузиазмом, умудрившаяся испортить каждую линию и каждую группу. Когда бы Павлова ни остановила танцующих, причина была все в той же девушке. Чем чаще ее поправляли, тем упрямее она становилась и тем хуже танцевала. Я не помню, чтобы Павлова когда-нибудь сдавалась, но в этот вечер программу изменили, «Осенние листья» заменили «Восточными впечатлениями». Возвращаясь домой, упрямая девушка увидела в автобусе другую танцовщицу труппы, подошла и, сев рядом, сказала: «Не думаю, чтобы мадам действительно рассердилась на меня, а ты как думаешь?»

Искусство Павловой было по сути своей живым, частью ее. Балет «Осенние листья» был не только великим произведением хореографического искусства, но он нес с собой дыхание странной поэзии, которую я ощущаю, когда слышу музыку, так же как, скажем, «Стрекоза» неотделима от движений Павловой. Только гений мог создать великое произведение на основе столь незначительной истории. Исполнение этого балета было своего рода фирменным знаком труппы. Иногда у Павловой уходили годы на то, чтобы обучить девушек танцевать в полном соответствии с ее замыслом. Лучше всего я смогу описать впечатление от просмотра «Осенних листьев», процитировав древнеяпонского поэта, написавшего при виде осеннего пейзажа поэму, которая начинается словами: «Тысяча мыслей нежного смутного сожаления толпятся в моей душе».

В Париже мне довелось испытать незабываемое впечатление: Павлова попросила меня поехать вместе с ней в Сен-Клу посетить дом, который она основала для русских девушек-эмигранток. Мы дали много благотворительных представлений на содержание этого дома, для труппы это означало дополнительную работу. Был туманный осенний день, и мы не видели Парижа за Сеной. Но атмосфера дома очаровала меня. Эти девушки не производили впечатления живущих за счет благотворительности, их явно воспитывали с разумной простотой. Я почувствовал, что только великий художник может сделать дом прекрасным без расточительности. Все девочки говорили на нескольких языках, и каждая из них обучалась какой-либо профессии. Павлова выглядела на удивление счастливой рядом с этими молодыми девушками, к которым относилась как к детям. С тех пор, когда я слышал о дополнительном представлении в пользу приюта, я больше не сетовал, теперь я знал, ради чего танцую.

Глава 9

ЮЖНАЯ АФРИКА

В октябре и ноябре мы гастролировали по Англии, и я наслаждался английской зимой — впервые за пять лет. Я обратился с просьбой о прибавке жалованья, получил ее и чувствовал радость на душе, когда мы покидали Саутгемптон, направляясь в Южную Африку на «Армадейл Касл», держащей путь на Мадейру. Первое, что мы там увидели, была целая флотилия плывущих корзин. Сотни маленьких лодочек вышли в море, полные деятельных и искусных ремесленников, надеявшихся продать нам свою тростниковую мебель. Мы совершили несколько поездок по острову на машинах, взбиравшихся на вершину холма и замиравших на краю пропасти, от таких поездок волосы становились дыбом. Когда мы возвращались на судно, продавцы цветов предлагали нам приобрести за шиллинг огромные охапки лилий, стоивших в Англии немало фунтов. Я взошел на палубу со своей охапкой цветов и встретил Павлову.

— Ах, Элджи, как красиво! Пожалуйста, дай и мне немного.

Помню, как стал отделять самые большие и белоснежные цветы и отдавать их ей. Удивляюсь, почему я не сказал: «Пожалуйста, возьмите все, мадам». Но мне показалось, что ей было так же приятно, как и мне, делить букет пополам.

Павлова конечно же доставила на борт елку, и здесь состоялась наша рождественская вечеринка. Для бала-маскарада я решил нарядиться японцем, что стало бы для меня хорошей практикой. Я надел свое лучшее кимоно, сделал японский грим, использовав корабельное мыло, чтобы замазать брови. В мыле, наверное, был какой-то красящий компонент, и до конца поездки я щеголял с парой пугающих ярко-оранжевых бровей. Вайолет Фошер нарядилась поденной уборщицей — миссис

Аррис, так она себя называла, и Павлову, помнится, позабавило, когда она увидела свою танцовщицу в совершенно новом амплуа. Когда впоследствии распределяли роли для балета «Тщетная предосторожность», Вайолет стала Мере Simone¹, и, я уверен, это произошло благодаря миссис Аррис.

О кейптаунском сезоне у меня сохранились смутные и пестрые воспоминания. Не знаю, сколько приглашений мы приняли. Приемы по утрам, днем и по вечерам, посещение загородных клубов. Поездки по сельской местности, автобусные экскурсии, организованные южноафриканскими преподавателями танцев, посещения старых голландских домов и всевозможные прочие развлечения. В то же самое время было очень жарко и тяжело танцевать.

Не знаю, кто из ведущих русских танцовщиков посещал Южную Африку, но Южная Африка была готова ко встрече с Павловой. Люди по пять часов простаивали у дверей «Опера-Хаус», чтобы попасть на премьеру (и мне кажется, что все ночные простаивания у «Коvent-Гарден» с начала войны 1939 года всего лишь детские манифестации и совсем не связаны с высокой оценкой искусства). Должен отметить, что газетные отчеты было интересно читать. Требовалось время, чтобы разогреть публику в достаточной мере, чтобы получить те аплодисменты, к которым мы привыкли, но, наверное, не привыкли они. Всем нам доставил большое удовольствие сезон в Йоханнесбурге. Снова мы окунулись в активную светскую жизнь, а большая группа преподавателей танцев была готова возить нас повсюду. Неудивительно, что теперь во всем мире так много танцовщиков и хореографов из Южной Африки. Этим преподавателям было суждено создать нечто стоящее. Именно они подарили Павловой чудесный веер из перьев, вдох-

¹ Мамаша Симон (*ср.*). Так в некоторых версиях балета звали мать главной героини.

новивший ее на создание «Рондино». На одно из таких сборищ пригласили Обри Хитчинза, и мне посчастливилось познакомиться с Кэрри Роткугел, редактором «Санди пикториал», осуществлявшей неофициальные связи с труппой. Когда мы проводили несколько дней в Йоханнесбурге, решили устроить вечер в пользу приюта для сирот, и я с гордостью написал короткую статью о своем посещении приюта в газету Кэрри. Я предложил Павловой исполнить японский танец с масками, который так понравился ей в Токио, и она поощряла мое стремление изучить его в Сан-Франциско. Ее порадовало мое предложение, и она согласилась. У меня были с собой ноты, и я помнил танец наизусть, но не было ни костюмов, ни масок. Меня охватил такой энтузиазм, что я распаковал одно из своих кимоно и использовал его как образец, чтобы выкроить все фрагменты и сделать костюм. Я уже собирался начать вырезать маски из дерева, но, к счастью, Кэрри Роткугел узнала о моем замысле и пришла мне на помощь. Она отправила меня к театральному портному, нашла профессионального мастера по изготовлению масок, и через два дня костюм был готов. Этот вечер принес мне много волнений, поскольку я танцевал «Русский танец» с Павловой. Вечер имел большой успех, билеты стоили по две гинеи каждый, а наряды, в которые были облачены дамы, во всех деталях описали в «Йоханнесбург стар».

Нам довелось чрезвычайно интересно провести воскресенье, когда «Сити дип майнс» пригласил нас посетить кафрские танцы. Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я увидел всех этих хорошо сложенных высоких мужчин, отбивающих ритм с таким совершенством, была мысль о негритянском ревю, на котором чуть не заснул в Париже. Теперь я увидел оригинал тех па, довольно жеманно тогда исполнявшихся. Как мне хотелось, чтобы обычный кордебалет мог поворачиваться и двигаться с такой точностью. Наблюдая

за тем, как белые перья и щиты двигаются одновременно, я вспомнил о сардинах в Сантандере. Пожалуй, я никогда не видел, чтобы белые танцовщики так хорошо и синхронно двигались. Солиста кафров звали Брэнди. Когда ему сказали, что величайшая танцовщица в мире придет на его представление, он ответил с детским тщеславием: «Она еще меня не видела!»

Сразу же после представления я спросил у администрации, нельзя ли познакомиться с кем-либо из танцовщиков, чтобы побольше узнать об их искусстве. Мне вежливо ответили, что они очень заняты всю неделю и у них нет свободного времени, чтобы давать мне уроки. Это был единственный раз за всю мою карьеру, когда мне не удалось изучить заинтересовавшие меня танцы. Я понял, что политика Южной Африки была достаточно твердой — никакого общения, даже в артистическом мире.

Помню, как однажды в воскресенье мы ощутили настоящий вкус африканской жизни. Нас пригласили на пикник, и мы в полной мере насладились солнцем. Внезапно неподалеку от нас под деревьями произошло какое-то движение. Хозяин встал, и несколько минут спустя мы слышали громкий винтовочный выстрел. Мы все, за исключением хозяйки, вскочили, чтобы посмотреть, что случилось; ее же, казалось, все это совершенно не тронуло. Мы увидели тело мертвой кобры длиной футов шесть, и туземцы принялись приканчивать ее лопатами. Зрелище было ужасным, но наша хозяйка равнодушно бросила: «Наверное, она охотилась за одним из наших цыплят».

Южноафриканские журналисты проявляли большое любопытство к нашей частной жизни. Для них танцовщики явно были странными созданиями из иного мира. О Павловой они даже не пытались много говорить, а в интервью, как все мы знали, она умела заставить других говорить много, при этом о себе сообщала

мало. Я позабавился, недавно найдя в одной из своих старых подборок прессы подобное лирическое высказывание из «Кейп аргус»: «И были прекрасные знатные девушки, такие же прелестные без своей жирной штукатурки и краски, как и при свете рампы, молодые люди с приятными голосами, культурные и утонченные, с безграничной энергией, безграничными амбициями и безграничным восхищением и обожанием Павловой».

Я позабавился еще больше, когда наткнулся на эту искаженную версию описания моей внешности и свой собственный голос тридцатилетней давности: «Пожалуй, Альджеранов вызывает наибольшее недоумение. В первый раз я увидел его не в театре — щеголеватый молодой англичанин в серых фланелевых брюках, в потрясающем красном галстуке, с подходящим по цвету шелковым носовым платочком в кармане; позже я встретил его за кулисами балансирующим на согнутых коленях, извиваясь и кружась, он упражнялся в своем причудливом костюме для репетиций — черных трико, белой сорочке и щегольской повязке на голове. Думаю, Альджеранов помог мне наиболее глубоко проникнуть в жизнь балетного танцовщика, независимо от того, мужчина это или женщина.

— Что ж, в нашей работе нет никакой изнеженности, как думают многие люди, — с изумительным энтузиазмом заявил он. — Необходимо собрать каждую унцию нашей мужественности и постоянно привносить ее в пьесу. Если у человека есть какие-то артистические способности, такой вид работы идеален: цвет, линия, музыка, ритм, драма, фантазия — все в едином великолепном целом. Это очень меня привлекает, потому что мой отец скульптор, и я, естественно, интересуюсь линией, а от матери я унаследовал любовь к музыке и живописи, а в этой работе я могу извлечь идеи для всех трех предметов...» И дальше — больше.

Однажды вечером в Йоханнесбурге Павлова повредила ногу в ожидании своего первого выхода. «Скажите мне, доктор, что я должна сделать?» — умоляюще вопрошала она. «Мадам, вы должны отдыхать три недели», — ответил он. «Я это знаю, доктор, но посоветуйте, что я должна делать!» Не получив больше никакого совета, она позвала мадам Новикову, которая принялась массировать и бинтовать ей ногу. Павлова закончила сезон в Йоханнесбурге и все южноафриканское турне и отдохнула три недели по дороге в Австралию.

Глава 10

АВСТРАЛИЯ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Путешествие из Южной Африки в Австралию обычно бывает довольно утомительным, но на этот раз я запасся книгами и усердно занялся историей Японии и Индии. Я уже давно обратил внимание на то, что как характерный, так и классический танцовщик обычно слишком мало знают о тех странах, которые изображают в своих танцах. К моменту прибытия мы с Обри Хитчинзом почувствовали, что знаем о Востоке намного больше.

Открытие гастролей состоялось в Мельбурне в субботу вечером в середине марта. Театр его величества (ныне Театр ее величества) был полон. Первым балетом стала «Фея кукол». Когда я уходил со сцены после своего танца Джека в коробочке, Павлова поднималась по ступеням на пьедестал для своего первого выхода. Она повернулась ко мне и сказала: «Возможно, им нравится, а может, и нет, кто может сказать?» — и заняла свое место за занавешенным альковом, где ее демонстрировали в конце сцены как Фею кукол. С улыбкой я пошел переодеваться для «солдат» во второй сцене. Потом мне рассказали друзья, присутствовавшие среди публики, что зрители пришли в некоторое замешательство,

потому что Павлова при своем первом появлении просто стояла неподвижно, я уверен, что ее розовый парик поразил многих из тех, кто не был знаком с эффектными поэтическими образами русского балета. Успех был огромным и все нарастал с того момента, как Павлова начала танцевать, и до того мгновения, как опустился занавес после «Русского танца» и мы стали выходить на бесчисленные вызовы.

Многие из дивертисментов Павловой были скопированы и исполнялись другими танцовщиками до ее приезда в Австралию, но, где бы мы ни танцевали, природный инстинкт австралийской публики быстро распознавал различия между оригиналом и имитацией. «Лебедь» был включен в первую программу — этот балет уже входил в репертуар другой балетной труппы несколько лет назад, но теперь люди поняли, что видят его в первый раз.

Тирза Роджерз, танцовщица из Новой Зеландии, получила многие роли Бутсовой и имела большой успех. Чувствовалось, что зрители ощущали особую гордость от того, что в труппе Павловой есть по крайней мере одна танцовщица если и не из Австралии, то с Антиподов. Она была восхитительной Сванильдой в «Коппелии», и ее сильная техника венчалась большим очарованием и артистизмом. Мы все очень сожалели, что она не продолжила выступать в балете, но контракт, который ей предложили, был настолько соблазнительным, что против него трудно было устоять. Возможно, каждый из нас принял бы такое же решение!

Гопак включили во вторую программу, а меня пригласили позировать для художника, у которого вскоре должна была состояться выставка. Я был чрезвычайно польщен и через день-другой прибыл в студию со своим костюмом. Это была очень маленькая грязная студия, заставленная старыми мрачными холстами, рамами, палитрами, жестяными банками, бумагой и

красками. Я переоделся в уголке, пока художник передвигал весь этот хлам, чтобы освободить место, где я смог бы позировать в присядке — вытянув одну ногу, а руку согнув над головой. Интересно, что сказал бы Кузьма, если бы увидел, что костюм, принадлежащий труппе, находится в таком неприглядном месте. Я оставался в этом положении около двух часов, когда художник сказал: «А теперь достаточно, не беспокойтесь о руке, для нее мне сможет попозировать утром кто-нибудь другой!» С усилием сохранив самообладание, я с трудом удержался от того, чтобы сплунуть.

Несколько дней спустя мы с Обри Хитчинзом получили приглашения на частный просмотр. Мы отправились туда, и увиденное произвело на нас не слишком большое впечатление. Мы чуть не взорвались, когда услышали, как пожилая женщина захлопала в ладоши и воскликнула: «Это мой дорогой маленький мальчик!» Так что, несмотря на руку, сходство было очевидным. Впоследствии нас познакомили, и мы стали друзьями на долгие годы.

Мы сочли Театр его величества не слишком удобным, артистические уборные оставляли желать лучшего. Я спрашивал у всех, кого только встречал, об аборигенах, так как мне хотелось увидеть их танцы, но, похоже, никто в Мельбурне о них не знал. Единственная информация, которую удалось получить, исходила от человека, жившего в деревне; он подарил мне бумеранг и вумеру (копьеметалку), сделанные племенем викторианских аборигенов, которое теперь вымерло. Другой человек, от которого я получил какую-то помощь, — престарелый представитель второго поколения мельбурнцев, чья покойная тетушка вспоминала, как «толпы черных» расположились лагерем поблизости, там, где сейчас Фитцрой-Гарденз. В последний вечер выступлений в Мельбурне мы впервые познакомились с австралийским обычаем. В Мексике сцена была покры-

та шляпами, а в Австралии ленты серпантина заструились из всех уголков зала, а мы ходили взад и вперед по сцене, раскланиваясь с публикой до тех пор, пока не погрузились по колени в многоцветные ленты.

Поездка в Сидней стала для нас настоящим приключением. Мы покинули Мельбурн ранним вечером чрезвычайно усталые. Если бы мы были в Соединенных Штатах, то позвали бы проводника, чтобы он приготовил постели, но нам пришлось ждать, пока мы доберемся до границы с Олбери, прежде чем отправиться спать, — железнодорожная колея там менялась, и викторианские вагоны не подходили к рельсам Нового Южного Уэльса. То, что нам пришлось выходить из дневных вагонов и переносить свой багаж в поезда Нового Южного Уэльса, можно скорее назвать скукой, чем приключением. Нас предупредили, что то же самое придется проделать в Тувумбе, когда будем переезжать в Квинсленд из Сиднея. Павлова была изумлена.

— Как так может быть, что в одной стране все так отличается? — спрашивала она. — В Европе, где так много стран, можно разъезжать повсюду без пересадок.

Но, как и всем нам, ей пришлось смириться с этим.

Мы танцевали в Театре ее величества (он не был Театром его величества в те дни), который был удобнее, чем мельбурнский театр (это место теперь занимает «Вулворт»!). Мельбурнский успех повторился в Сиднее. Единственная странность, которую я припоминаю, — это холодный прием «Вакханалии» — занавес опустился, и не раздалось ни единого хлопка. Когда я выразил свое недоумение по этому поводу сиднейскому знакомому, он объяснил мне, что тема танца неприятна!

Меня познакомили с некоторыми людьми в Сиднее, но сближался я с ними медленно и теперь так вспоминаю свое первое воскресенье: пасмурный день с проливным дождем, единственная живая нота — присутствие в отеле восхитительной безумной Руфины и прекрасной

Нины. Залевский тоже был там и, казалось, как эхо, вторил ужасной непогоде, разыгравшейся снаружи, играя на губной гармонике, чтобы составить самому себе компанию! Интересно, понимают ли люди, какими одинокими ощущают себя актеры за границей и каким унылым кажется воскресенье без друзей в городе, где нечего делать. Лично я ненавижу играть по воскресеньям, но, должен отметить, что работа театров по воскресеньям — общественная служба, в которой артисты должны охотно принимать участие. По будням в отеле проходил другой дивертисмент — Стефани Десте, танцовщицы из «Роз-Мари», имевшей обыкновение упражняться с кастаньетами в ожидании лифта.

В начале нашего пребывания в Сиднее меня посетил бледный молодой человек с гладко зачесанными черными волосами и довольно выпуклыми глазами. Он хотел, чтобы я обучал его русским танцам. Я объяснил, что у меня нет студии, но молодой человек заверил меня, что может все уладить. Я предоставил ему решать этот вопрос и спросил, как его зовут.

— Бобби Хелпман, — ответил он.

Несколько дней спустя я отправился в студию в Пейлинге-Билдингс, чтобы дать ему урок. В студии находились какие-то люди и явно собирались остаться на урок. Я заявил, что сожалею, но это частный урок, и я не могу позволить никому присутствовать в студии. Так я выставил Френсис Скалли из ее собственной студии! Но она была славной женщиной и не затаила на меня злобы. Бобби продолжал брать уроки в течение всего сиднейского сезона, и однажды я сказал ему:

— В этой стране не слишком хорошо относятся к танцующим мужчинам. Мне кажется, будет лучше, если вы станете называть себя Робертом, а не Бобби, и добавите к фамилии второе «Н», это придаст имени немного иностранный оттенок, и оно станет более приемлемым для публики.

Бобби последовал моему совету, и я слышал, как говорили, будто его дала ему цыганка. В следующий раз, когда мы исполняли «Дон Кихота», нам довелось стать свидетелями пророческого видения будущего великого комического танцовщика: в центре сцены стоял Бобби, облаченный в желтый костюм тореадора, созданный Коровиным, в огромной белой шляпе, и смотрел на окружающий мир, словно маленький лорд Фаунтлерой, лишенный своих кудрей.

Южная Африка (Йоханнесбург) была тем местом, где я впервые написал статью для прессы, а Австралия стала той страной, где я впервые произнес речь перед публикой. После утренника в Театре ее величества в Сиднее у служебного входа в ожидании выхода Павловой собралась огромная толпа. Мне в уборную передали сообщение, чтобы я зашел к мадам, прежде чем уйти из театра. Я поспешно закончил переодеваться и поспешил к мадам.

— Эджи, будь добр, скажи людям, ожидающим у входа, что я не выйду. Будь вежлив с ними.

Выходя, я помедлил на пороге и произнес:

— Дамы и господа, мадам Павлова попросила меня поблагодарить вас за ожидание и передать, что она не выйдет из театра между спектаклями.

Как неубедительно прозвучали мои слова! Кое-кто из собравшихся ушел, остальные остались, словно приклеенные к месту. Судя по выражению их лиц, они мне явно не поверили. Я удалился.

Мы с Обри Хитчинзом решили снять вместе квартиру в старом доме, выходящем на Гайд-парк. Он ни в коей мере не был роскошным, но это позволило нам наполовину сократить наши расходы, к тому же означало, что мы не будем привязаны к определенным часам питания (тирания отелей в Австралии даже более жесткая, чем в Англии). Это здание принадлежало определенной эпохе; на стенах висело довольно много отвра-

тительных гравюр средневикторианской эры, а в холле ощущался сильный запах листьев камедного дерева. Над камином висела огромная картина, изображающая кораблекрушение (я встречал такую же в Англии), в кленовой раме. Я тотчас же решил заменить ее портретом солиста негритянского ревю, которое видел в Париже, мне кажется, он был в состоянии потопить любой корабль. Владелица дома, выглядевшая весьма чопорной, не выражала недовольства, хотя ее замечание, брошенное при нашем отъезде: «Вы всегда были таким джентльменом, не могу сказать ничего большего», подтвердило мое мнение, что она опасалась худшего, когда увидела перемену. Наша стряпня была просто ужасной, так что мы ели в основном не дома и готовили себе по уик-эндам. Мы спасались от своих кулинарных опытов только благодаря гостеприимству наших австралийских друзей, которые приглашали нас на пикники каждое воскресенье, когда стояла хорошая погода. Мое высшее достижение в кулинарии — поджаривание цыпленка, слишком большого для нашей маленькой плиты. Мне приходилось поддерживать огонь на столь низком уровне, что через три часа пришлось оставить все мысли о том, чтобы съесть его на ленч, и сосущую пустоту в желудке, столь характерную для танцовщиков, пришлось заполнять хлебом, сыром и фруктами. К четырем тридцати в этот день мы вышли в «Буш», и наш хозяин рассказал нам, как могут бегать и наносить удары ногами страусы эму и насколько вкусны дикие индюшки.

«Дикие индюшки! Выключил ли я газ? — такие мысли мелькали у меня в голове, пока я делал вид, будто прислушиваюсь к разговору. — Что ж, если цыпленок сгорел, хозяйка, наверное, почувствует запах и выключит газ».

Вернувшись домой в одиннадцать вечера, я обнаружил, что газ все еще горит, а цыпленок, хоть слегка

подсох, но был еще съедобен! Он готовился тринадцать часов!

Во время гастролей Павлову пригласили в резиденцию губернатора. Это, безусловно, было необычное событие, по такому случаю пригласили также некоторых других членов труппы, мне посчастливилось попасть в их число. Помимо истинного удовольствия, полученного от знакомства с губернатором адмиралом Дадли де Шером и леди де Шер, искренне интересовавшимися искусством, я навсегда запомнил этот день, потому что здесь я впервые встретил Макса Кута, который был адъютантом губернатора и стал моим другом на всю оставшуюся жизнь. Превосходный пианист Люсьен Уэрмзер играл нам после чая, Павловой удалось уйти вовремя, чтобы успеть немного отдохнуть перед представлением. Уходя, она обратила внимание на картины с видами аэропланов и, обратившись к капитану Куту, поинтересовалась:

- Вы летаете?
- Да, мадам.
- Вы летали во время войны?
- Да, мадам.
- Боже мой!

Сиднейский сезон закончился точно так же, как мельбурнский, — потоком серпантина. А когда вручали букеты, на сцену взошла чрезвычайно самоуверенная маленькая девочка, держа в руках бумеранг с цветами на нем; даря его Павловой, она пропищала сладким голоском: «Бумеранг возвращается, и мы надеемся, что вы тоже возвратитесь».

Переезд в Окленд был настолько тяжелым, каким только может быть переезд из Сиднея в Окленд; корабль, казалось, все время зарывался носом, кружился в водоворотах, раскачивался, кренился, и его швыряло во все стороны. Тирзу Роджерз нельзя было назвать хорошей морячкой, но она изо всех сил старалась выглядеть

как можно лучше по прибытии на родину. Незадолго до нашего прибытия море успокоилось, и мы сошли на берег в нормальном состоянии. Я нашел оклендскую гавань намного более красивой, чем сиднейская, а мне довелось видеть ее в разных состояниях, пока мы танцевали в Окленде, так как я остановился у приятельницы, которую знал всю жизнь, а они с мужем жили на девон-портской стороне гавани.

Местный театр сделал все возможное, чтобы принять Павлову как можно лучше и среди всего прочего «подготовил» сцену, покрасив ее чем-то напоминающим льняное масло. Танцевать на ней было все равно что танцевать на платоке. Его пришлось отскребать и отчищать перед представлением; мы репетировали на нем, и на подошвы налипали слои толщиной полдюйма.

Было приятно попасть в страну, где отсутствовал расовый барьер и где европейские поселенцы с уважением и восхищением отнеслись к той расе, которую нашли здесь. Я принялся расспрашивать окружающих, где мог бы разучить хаку¹. Меня направили в колледж Святого Стефана, директор которого позволил мне приходить и учиться у мальчиков некоторым танцам хака. Обри Хитчинз приходил со мной, и большинство дней мы проводили, изучая слова и движения военных танцев народа маори. Мои бедра побагровели от синяков из-за отстукивания ритма, основание языка болело, так как все время приходилось его высовывать, бросая вызов врагам. Хотя мне никогда не предоставилось возможности исполнить эти танцы, обучение им доставило огромное наслаждение, и я испытал большое волнение, когда несколько лет спустя, посетив Роторуа с «Русскими балетами», я обнаружил, что не забыл танец «Rin-ga Pakhia Wai Wai Taka Hia Kia kino, E kino ne hoki», который исполнили для нас мужчины. В Окленде про-

¹ Хака — церемониальный мужской танец, сопровождаемый речитативом, первоначально маорийский военный танец.

изошло и весьма тягостное событие. Несколько представителей народа маори устроили в театре специальный показ танцев пой¹ и хака для Павловой и ее труппы. В конце представления пожилая дама, облаченная в национальный костюм маори со старинной татуировкой на подбородке, произнесла речь, выразив надежду, что мы получили удовольствие от этих танцев, танцев умирающей расы. Мне сказали, что это была принцесса маори.

Как замечательно было остановиться в доме после шести месяцев, проведенных на пароходах, в отелях и меблированных комнатах, хотя из-за репетиций и занятий танцами маори я проводил там не слишком много времени. Хозяйка дома Филлис Неттлтон не была балетоманкой, но она часто видела Павлову и балет Дягилева в Лондоне и понимала, какое значение для Новой Зеландии имеет визит Павловой. Одним воскресным вечером нас пригласили на вечер, устраиваемый местным учителем танцев; он состоялся в студии, представлявшей собой большое мрачное помещение, освещенное свечами. Мне потом напоминали, что по приходе я спросил: «Кто-нибудь умер?» Этот вечер, однако, дал возможность побеседовать с Беттиной Эдуардз и Берил Неттлтон, двумя вдохновенными преподавательницами, принявшими активное участие в воспитании не одного из известного новозеландского танцовщика.

В отличие от Австралии в Новой Зеландии мы давали одноразовые представления, выступая во всех крупных городах. Поезда были на удивление маленькими, хотя расстояния, напротив, были большими, а население малочисленным, поэтому казалось невероятным, что у них вообще была железная дорога. Павлова повсюду ездила на машине — расстояния между городами, где мы давали одноразовые выступления, давали ей та-

¹ Пой данс — традиционный маорийский женский танец с мячиками.

кую возможность. Чем дальше мы продвигались на юг, тем становилось холоднее. Гостиные хорошо отапливались, но в спальнях отоплений, на сцене и в артистических уборных мы замерзали до мозга костей. Порой предпринимались жалкие попытки обогреть сцену с помощью электрических обогревателей, но они давали слишком мало тепла и не могли нагреть столь обширное пространство. В конце концов мы прибыли в Веллингтон, где чуть не задохнулись в туннеле от паровозного дыма. После окончания сезона мы переехали в Крайстчерч на самом плохом судне, на каком мне когда-либо приходилось путешествовать. Оно воняло, словно старая банка из-под сардин, и, должно быть, обладало всеми сертификатами национального танца, но, судя по тому, как оно подпрыгивало и подскакивало на волнах, предпочитало танцевать не пой и хаку, а скорее бурные шотландские танцы и танцы с саблями. Наше путешествие из Сиднея поблекло по сравнению с ним. Друзья из Крайстчерча объяснили нам, что на перевозке работали один плохой и два хороших корабля, но по непонятной причине плохой был всегда в действии. Клубы путешествий наперебой приглашали нас на утренний чай. Обычно это было тяжелое испытание, так как председательствовал какой-нибудь остряк, который являлся жизнью и смертью вечеринки. У учениц Астафьевой из нашей труппы была подруга в Крайстчерче, в Маделейн-Вайнер. Она имела школу и находилась в гуще сражения между классическими и модными танцами. Обучаясь у Астафьевой, она выступила в труппе Дягилева в «Спящей красавице», танцуя «Вальс цветов», и с гордостью объявила об этом в своем родном городе, но это не произвело большого впечатления, поскольку никто не знал, кто такой Дягилев. В Данидине было ужасно холодно, так что в голову приходила мысль, не следовало ли маори назвать его «землей большого серого облака». Тем не менее поездка была инте-

ресной, а страна — очень красивой, только нестерпимый холод в домах омрачал нашу жизнь и затруднял работу. Из-за этого холода Павлова больше никогда не приезжала в Новую Зеландию — она отказывалась понять, почему жители не могут более эффективно решить эту проблему.

Мы отплыли обратно в Сидней и в ту же ночь намеревались сесть в поезд, идущий на Брисбен. Это была довольно мрачная поездка; помимо того что мы должны были пересест в Тувумбе, нам пришлось сделать вторую пересадку из-за того, что поезд сошел с рельсов и нас перевели на другую линию. Конечно же пришли машины, чтобы перевезти нас к ожидающему поезду, но обломки крушения на крутой насыпи при сером свете зари выглядели особенно ужасно. Мы прибыли в Брисбен только на следующее утро, и вторая ночь, проведенная в поезде, где не хватало спальных мест, была ужасно утомительной. Проезжая через некоторые города, мы обратили внимание, что вокзалы переполнены, по-видимому, люди слышали, что в проходящем поезде едет Павлова, и надеялись хотя бы мельком увидеть ее. В Брисбене было гораздо теплее, более того — настолько тепло, что мы смогли даже поплавать во время уик-энда. Как мы были этому рады!

После того как мы пробыли там несколько дней, за кулисами устроилась художница, рисующая пастелью. Это была Инид Диксон, чьи портреты танцовщиков сейчас широко известны в Австралии. Она принадлежала к отряду художников-пионеров, чьи работы не должны остаться незамеченными. В те дни их не слишком поощряли — разве что они сами поддерживали друг друга. Тоби так же, как и Дик, был художником, а Билл помимо того, что являлся первоклассным рисовальщиком, умело работал с кожей (в то время как все желали приобрести только изображения коал, к чему, будучи реалистом, а не экспрессионистом, он испытывал от-

вращение). Дик добросовестно обучала учеников до тех пор, пока директриса школы не сказала ей: «Не трудитесь учить их рисовать, дайте им рождественские открытки, пусть копируют!» Тогда Дик ушла и каким-то образом умудрялась существовать, выполняя случайные заказы и давая частные уроки одному-двум ученикам. Некоторое время спустя та же директриса пригласила ее возобновить преподавание, увеличив ей заработную плату и предоставив свободу действий в выборе методов преподавания. Павлова оценила ее искренность и всегда проявляла интерес к ее работе, пока мы там были. Из Брисбена мы осуществили долгую поездку в Аделаиду. Двадцать восемь часов до Сиднея (новая линия еще не была достроена), где мы дали утреннее представление, и тем же вечером продолжили путь в Мельбурн. Тяжелая пересадка в Олбури последовала в шесть часов утра. Мы оставили багаж на станции и отправились в театр на утренник. Однако костюмы и декорации не доставили вовремя, и утренник пришлось задержать! В Австралию только что приехал Шаляпин, он пришел повидать Павлову после представления. Я так никогда и не мог понять, хрупкая ли фигура Павловой заставляла Шаляпина казаться таким огромным или же наоборот, но тем не менее контраст был разительным. Они обожали друг друга и вместе позировали фотографам.

После представления мы последовали в Аделаиду. На этот раз поезд был удобным, и не нужно было делать пересадки, так как в Южной Австралии и Виктории одинаковая ширина колеи. Во время этой поездки меня, к моему удивлению, разыскал Бобби Хелпман, пожелавший, чтобы я продолжил давать ему уроки в Аделаиде. Но я не смог этого сделать. Во время первого же выступления в Аделаиде я споткнулся о неровность сцены в конце «Русского танца», повредил колено и на несколько месяцев лишился возможности исполнять русские танцы, хотя мог танцевать все остальное.

— Я не могу танцевать, значит, не могу и учить, — единственное, что я мог сказать.

Меня очень огорчило, что я не смог продолжать, а приступив к упражнениям у станка после выходных, обнаружил, что мое колено не сгибается и я не могу удержаться в plie. Я сказал об этом Пиановскому, и он пришел в ярость из-за того, что я не сообщил ему об этом прежде. Пришлось изменить программу — вместо «Русского» показали «Танец часов», и все девушки рассердились. Я много отдыхал в надежде поскорее поправиться, а служащие отеля проявляли ко мне большое внимание и присылали завтрак в номер — обычно это было какое-нибудь жаренное на рашпере блюдо. Однажды в воскресенье мне посчастливилось пообщаться с мисс Стёрт, дочерью великого исследователя. Я мысленно переношусь на столетие назад, когда думаю об этой встрече; она рассказала нам о ранних днях Аделаиды, когда на Северной Террасе водились кенгуру и в дневное время двери снимали с петель и использовали в качестве столов. Она сочла, будто я обладаю экстраординарным воображением, когда я сравнил окольцованные камедные деревья с огромными вытянутыми скелетами. Конец сезона в Аделаиде принес нам разлуку, о которой все мы сожалели. Хотя мы и радовались за Мюриель Стюарт, но не могли не огорчаться из-за того, что она покидала нас — ведь она стала частью труппы. Она была одной из учениц Павловой, одной из немногих, кто обучался у нее в Лондоне, и прощание с ней было печальным для всех нас. Она отправилась на восток, в Америку, а мы — на запад, в Европу. Тирза Роджерз и Роберт Ласселлз получили заманчивое предложение от Дж.С. Уильямсона, которое решили принять, и остались в Австралии. Во время каждого турне труппа немного менялась. Тирза попросила меня придумать для нее несколько костюмов, и я взошел на борт, вооруженный бумагой, чернилами и красками. Погода

на Большом Австралийском заливе была именно такой, какой ей и следовало быть, и славный корабль «Наркунда» понес нас по огромным, словно горы, волнам. Мы так устали от турне, что в первые дни вставали только к обеду. Море было еще довольно бурным, когда я принялся за эскизы. Вернувшись в каюту после ленча, я обнаружил, что стюард пытается оттереть с пола китайскую тушь — во время качки бутылка перевернулась. Он усердно тер пол лимоном, но безрезультатно, и испытал облегчение, когда я посоветовал: «Мыло и вода», и это помогло. Мы сошли на берег во Фримантле, послали «благодарственные» письма и отправились в Перт, чтобы поужинать и, как надеялись, после попасть в театр. Позднеиюльский воздух был довольно прохладным, и, когда мы проходили мимо кинотеатра, швейцар приветливо нам закричал: «Возьмите своих дам на галерею, здесь приятно и тепло». Так мы и сделали, и очень позабавились, высмеивая ужасный фильм, который показывали. В эту же ночь мы отплывали. Вскоре дни стали теплее, а море — спокойнее. Кто-то рассказал Павловой, что я рисую, и она тотчас же захотела посмотреть мои работы. Ей нравились мои ранние картины, и я совершенно уверен, что, если бы потрудился их сохранить, ее предпочтения оказались бы справедливыми.

Никто из нас еще не проводил в море по пять недель, и все мы гадали, сильно ли наскучит нам столь длительное путешествие. Просто изумительно, как человек мог отдохнуть на борту в те дни. Да, существовали спортивные комитеты, но они не были столь надоедливymi, во всяком случае, не казались тогда таковыми. Кино не было, а корабельные концерты всегда представляли собой авантюру талантливого скаута, наделенного чувством юмора. Помнится, во время этой поездки состоялся матч по крикету между пассажирками первого класса и девушками из труппы Павловой, кажется, он

закончился вничью. Но в целом это была реальная возможность отдохнуть. Каждый мог, если он этого хотел, на чем-то сосредоточиться. Кое-кто из стюардов стал немного раздражаться, когда члены труппы звонили по утрам с просьбой подать завтрак, не имея при этом никаких видимых признаков недомогания. Пришло время, когда на звонки перестали откликаться, но Джульет нашла способ, как с этим справиться: она лежала положив палец ноги на звонок, так что он звонил не переставая, и все стюарды спешили узнать, что случилось со звонком. Первый порт, куда мы должны были зайти, — Коломбо. Никто из нас никогда там не был прежде, и мы с нетерпением ждали дня и часа прибытия. Прошел слух, что наше прибытие в порт совпадает по времени с Перахерой¹ в Канди, с изумительными процессиями с раскрашенными слонами, великолепными одеяниями и танцами. Большинство девушек труппы сразу пригласили на праздник, и, прежде чем удалось собрать компанию, всех самых приятных спутниц расхватали. Я отказался войти в компанию, которая брала девушку из Тутинга. Она была очень милой, пожалуй, даже слишком милой для подобного мероприятия. Я предложил Обри Хитчинзу добраться до Канди поездом. Мы отправились на вокзал и выяснили, что поездов до вечера не будет, так что поездку осуществить невозможно. Когда во время следующей поездки в Коломбо я посетил храм Зуба в Канди, гид стал объяснять нам серию фресок с ужасными картинами ада и, указав на одну из них, произнес: «А это ад для тех людей, которые презирают других». Я не осмелился на нее взглянуть, вспомнив, почему я пропустил Перахеру. Коломбо я полюбил с первого же мгновения, как только моя нога ступила на берег, и, невзирая на то, что я пропустил большой фестиваль, что ужасно огорчило меня, там было бес-

¹ Перахера — ежегодные буддийские храмовые церемонии.

счетное количество интересных мест, которые стоило посмотреть. Мне доставляло большое удовольствие побродить по рынкам в любой посещаемой стране, и эта была исполнена той подспудной красоты, которую можно найти во всех восточных странах. Даже традиционный чай на Маунт-Лавиния доставляет удовольствие тем, кто не слишком пресыщен, чтобы считать берег, окаймленный пальмами, чем-то необыкновенно прекрасным.

Вернувшись на корабль, мы нашли Новикова совершенно больным, он лежал с пузырем со льдом на голове. Ему казалось, будто он получил солнечный удар через отражение на воде.

— Мне нельзя предпринимать восточные турне, это для меня слишком опасно, — заявил он.

Я очень огорчился, и не только потому, что Новиков заболел, но и потому, что он так относится к азиатскому климату, ведь он так любил искусство и краски Востока.

Аден походил на печь даже ночью. Мы наняли машину и поехали к водоемам. Пожилой сикх в длинном синем халате и бледно-желтом тюрбане приветствовал нас у ворот, лунный свет высвечивал силуэты зубчатых гор, было очень тихо. Старик сходил за фонарем, а затем повел нас; большинство водоемов высохли, и он проводил нас к колодцам и дал камни, чтобы бросить в них. Прошло невероятно много времени, прежде чем мы услышали всплеск воды. Когда мы выходили, нас окружили нищие голые дети. «Бакшиш! Салам, сагиб, — завывали они высоким сопрано, и затем *allegro*¹: — Салам, сагиб! Ни-отца-ни-матери-ни-сестры-ни-брата», потом следовали громкие хлопки по толстым животикам, чтобы продемонстрировать голод. Подобное представление было способно извлечь вошедшую в поговорку кровь из камня, но не от жалости, а от склонности к

¹ Быстрый темп и связанный с ним оживленный (первоначально — веселый) характер исполнения.

насмешке. Там был один немного поумнее остальных: после того как он выкрикивал свои приветствия в восходящем крещендо, «ни-отца-ни-матери-ни-сестры-ни-брата-ни-дяди-ни-тети», его «ти» в слове «тети» достигало верхнего до.

Когда мы ехали в машине, жара, казалось, волнами поднималась от земли. Мы проехали мимо кладбища, и шофер сплюнул. «Еврейское кладбище!» — воскликнул он. Мы подумали, интересно, говорил ли он «христианское кладбище», когда возил наших еврейских друзей. Мы купили на рынке несколько корзиночек, но, когда вернулись с ними на судно, нам сказали, что брать их на борт запрещается, так как в них есть насекомые. Нам удалось уговорить стюарда погрузить их в горячую морскую воду, и тогда нам позволили оставить их. Косоглазый торговец янтарем с носом-крючком и бородой с сильной проседью снова появился на судне и, похоже, устроил оживленную торговлю в салоне.

Когда мы проезжали мимо островов, меня очень позабавил услышанный случайно разговор двух игроков знаменитой футбольной команды маори «Олл блэкс», обсуждавших, насколько необитаемыми выглядели эти острова. Один спросил другого: «Как ты думаешь, там есть людоеды?» Первый из двух маскарадов состоялся еще до нашего прибытия в Коломбо. Айлин Доламор завоевала первый приз за костюм царицы Шебы¹; она, безусловно, сделала самый сложный и тщательно разработанный костюм, отличавшийся профессиональной отделкой. Следующий маскарад состоялся на Средиземном море, и мы уговорили Айлин снова принять в нем участие. Она решила, что поскольку уже завоевала первый приз, то не будет состязаться за второй, а явится туда ведьмой в лохмотьях, в остроконечной шляпе и с метлой. Она попросила меня помочь ей наложить

¹ Ш е б а или Батшеба, библ. Вирсавия — любимая жена царя Давида.

грим; я раскрасил ей красным кончик носа и щеки, подкрасил глаза, чтобы они казались косыми, замазал черной краской один или два зуба. В итоге она выглядела еще эффектнее, чем когда изображала царицу Шебу, и снова победила! Весь вечер ее преследовал поклонник, умоляя «снять этот отвратительный грим» с лица. Несмотря на дружеский матч по крикету, дамы из первого класса относились к девушкам Павловой с завистью, поскольку те привлекали к себе больше внимания, чем они. Дамы сделали все от них зависящее, чтобы девушек не пригласили на первый маскарад, и устроили скандал из-за того, что девушки не носили в жаркую погоду чулки. Мы очень забавлялись за обеденным столом, слыша глупые разговоры, которые велись за коктейлями, куда подходящие кавалеры приглашали наших коллег. В те годы косметика не была чем-то само собой разумеющимся; однажды вечером девушка, обладавшая красивыми глазами и никогда не упускавшая случая подчеркнуть их, вернулась смеясь, потому что некий величественный полковник сурово посмотрел на нее и спросил: «Вы накладываете грим на глаза?» Она ответила: «Нет», придав голосу выражение: «Как вы только могли подумать такое?», но мысленно выругалась: «Законченный старый дурак».

Путешествие по Суэцкому каналу было довольно приятным, оно проходило днем, и мы могли видеть корабли, которые, казалось, скользили по песку. Мы прибыли в Порт-Саид рано утром. При дневном свете он выглядел не слишком ярким; я отправился на поиски арабских граммофонных пластинок и нашел несколько таких, которые могли доставить удовольствие. Я был рад добавить их к индийским, купленным в Цейлоне, и конечно же дома в Лондоне у меня были японские пластинки. Перед тем как сойти на берег, я увидел возвращающуюся рыбацкую флотилию; белые паруса слегка окрасились в розовато-лиловый цвет в раннем утреннем

свете, а утренняя звезда напоминала огромную белую лампу на жемчужно-сером небе. Нам удалось уговорить игроков «Олл блэкс» исполнить хаку. Их тренер не хотел, чтобы они это делали, но, наконец, уступил, и они станцевали настолько величественно, даже немного пугающе. Ночью мы миновали Мессинский пролив, огни городов по обеим сторонам мерцали во тьме. Павлова сошла на берег в Марселе и отправилась на отдых в Италию. Она как-то сказала мне, что хотела бы иметь виллу на озере Комо и пригласить туда всех своих друзей. Некоторые другие члены труппы высадились здесь же, в том числе Пиановский, направлявшийся на родину в Польшу, и несколько человек, возвращавшихся в Париж.

Глава 11

СНОВА ЕВРОПА

Отпуск был коротким. Через несколько недель я стал брать уроки у Новикова, а в октябре возобновились репетиции. Марковский вернулся из Варшавы и привез водку и охотничьи сосиски, и традиционная вечеринка состоялась в мужской артистической уборной (перегородка на помосте в конце комнаты). Новиков поставил Grand Pas Hongrois из «Раймонды», большой дивертисмент, который в современной программе сочли бы отдельным номером. Он также поставил Pas de Bouquet для возобновления «Тщетной предосторожности» и мужское pas de trois для «Снежинок». Так что нам предстояло многое отрепетировать вдобавок к текущему репертуару.

Мы собирались совершить турне по Германии с продолжительным сезоном в театре «Дес Вестенс» в Берлине. Меня радовала подобная перспектива, поскольку я надеялся побольше узнать о современной школе. Я принялся изучать немецкий по словарю Гюго. Домислав-

ский был единственным человеком в труппе, который немного говорил по-немецки. Прежде чем поехать в Берлин, мы отправились в Ганновер и Бремен, а также в Магдебург, я это хорошо помню, потому что Павлова поставила новый дивертисмент на музыку мазурки Шопена — думаю, идею ей подал Уэрмзер. В основе лежала печальная тема, по ходу танца она снимала цветочный венок с головы и бросала его на сцену. Большинству из нас танец понравился, но, к нашему удивлению, Павлова его больше не исполняла. Позже до нас дошел слух, что кто-то предположил, будто этот танец означал, что она «сложила с себя корону королевы танца». Просто удивительно, как некоторые дурные люди умудряются увидеть в танце то, что не значится в программе. В этом ли таилась причина того, что Павлова больше никогда не исполняла этот танец, или нет, мы никогда не узнаем.

В Бремене (где нам довелось испытать сомнительное удовольствие девятичасовых утренников по воскресеньям) в труппу вступил Ханс Хелькен. Фрау Леонард просто заворковала от удовольствия, когда в труппе появился немец. Он был ужасно тщеславным и мог сказать: «Мистер Новиков прыгает так высоко, а я та-а-ак высоко».

Он намеревался выступать только в классическом репертуаре; когда мы репетировали «Русский фольклор», его назначили на роль шута, но он был таким упрямым, что мешал репетициям своим нежеланием разучивать роль.

— Я могу, но не буду. — обычно говорил он, прямо переводя с немецкого на английский.

Наконец Новиков не выдержал и закричал, по-русски заменяя «Х» на «Г»: «Ганс! Что ты делаешь?» Это привело мальчишку в ярость, а те из нас, кто знал, что Gans означает «гусь», про себя засмеялись, настолько это соответствовало сложившейся ситуации.

Партнером нашей второй балерины Алисии Вронской был Альперов. Наши фамилии иногда путали, и

порой меня называли Альперанов. В их репертуар входило много дивертисментов, включавших самые изумительные поддержки. Альперов был очень сильным, он поднимал Вронскую на вытянутых руках без малейшей видимой подготовки, всегда удерживая танец в границах классики, не опускаясь до уровня простой акробатики. Их костюмы и музыка тоже всегда отличались высочайшим вкусом. Когда мы приехали в Берлин, Павлова, понимавшая, что мне хочется и просто необходимо танцевать что-то современное, спросила:

— Почему бы тебе не попросить того молодого человека из Немецкой государственной оперы поставить для тебя танец?

И я обратился к Максу Терпису.

— Что вы хотите, чтобы я поставил для вас? — спросил он.

Я не смог сказать ничего более определенного, чем «что-нибудь современное».

— Есть ли у вас в Англии какое-нибудь существо, которое пугает людей?

— Есть Бугимен, страшилище, которое пугает непослушных детей, не желающих идти спать.

— Тогда давайте сделаем танец о нем.

Несколько дней спустя он сообщил мне, что нашел подходящую музыку, и попросил прийти в определенное время в репетиционный зал оперного театра на Унтер-ден-Линден, чтобы приступить к работе. Я пришел, переоделся, и мне дали несколько упражнений для головы и плеч, которые я стал делать в ожидании пианиста. Он пришел через несколько минут и исполнил скерцо из «Любви к трем апельсинам», которое, естественно, привело меня в восторг.

— А теперь импровизируйте, — сказал Терпис.

Я был совершенно потрясен. Всю жизнь меня в точности учили тому, что я должен был сделать; сейчас мне предлагали совершенно иной подход, я чувствовал себя

словно человек, находившийся на краю пропасти и не смевавший пошевелиться. Затем я собрался с духом, чтобы попытаться, и принялся осуществлять какие-то движения, которые диктовались темой и музыкой. В тот момент я казался себе лежащим глубоко внутри яйцом из набора русских пасхальных яиц, вкладывавшихся одно в другое. Внешние скорлупки отпали, все академическое обучение исчезло, когда я окунулся в *Freibewegung*¹. Терпис запоминал подходящие движения и тщательно разрабатывал их, направлял, формировал общий рисунок танца и создавал единое целое. За час танец был готов. Во время двух последующих репетиций мы разбирали и отшлифовывали детали, а затем в течение шести месяцев я репетировал, пока не состоялся закрытый просмотр «Богумена» в Копенгагене.

Мы меняли программу каждую неделю, и репетиции продолжались подолгу. На улице всегда было холодно. С Вронской произошел несчастный случай: она сломала ключицу, а это означало, что Павловой пришлось танцевать во всех балетах. Пришлось пригласить Грубе, приму-балерину из Немецкой государственной оперы, чтобы она станцевала в «Волшебной флейте», что было вполне в ее стиле, но она танцевала слишком много современных танцев, чтобы справиться с технической стороной роли. Нас всех шокировало, что она не сбривала волосы под мышками, — вдобавок она носила рыжий парик, хотя от природы была брюнеткой. В программу очень часто включали «Лебедя», поскольку толпы народу ежевечерне спрашивали в кассе театра: «А Павлова будет танцевать «Умирающего лебедя» во время этого представления?» И если слышали в ответ: «Его нет в этой программе», то уходили со словами, что больше всего хотели бы увидеть этот балет. Бедная Павлова! Если нам нужно было бы подтверждение

¹ Свободное движение (нем.).

ее гениальности, мы нашли бы его в том, как она танцевала «Лебедя» — всегда как будто в первый раз.

Наш рождественский вечер состоялся в большом фойе театра. В середине дня в сочельник в Берлине все закрылось, как в воскресенье в Белфасте. Один приятель, служивший дипломатическим курьером, проезжая через город, попросил нас с Обри Хитчинзом встретиться с ним в посольстве и пообедать. Приехав в посольство, мы не увидели там никого, кроме нашего друга, до нас только доносились голоса слуг, распевających «Heilige Nacht»¹, пока мы бродили в поисках чего-нибудь перекусить. Мы смогли добыть только кофе и сэндвичи в кафе на Унтер-ден-Линден, которое вот-вот должно было закрыться.

Сезон оказался довольно тяжелым, хотя и не был сопряжен с переездами. По воскресеньям мы давали по два представления, по понедельникам балетов не было, но мы обычно репетировали. В труппе возрастало недовольство, требовали выходной день, чуть не разразилась забастовка. Некоторые из новых членов труппы высказывались наиболее решительно, и это не улучшало атмосферу. Было очевидно, что Дандре расстроен и рассержен из-за этого недовольства, но когда кто-то спокойно сказал, что вопрос стоит не о семи рабочих днях в неделю, а о тридцати — в месяц, он тотчас же отреагировал и все уладил. Мы старались посетить как можно больше театров. «Любовь к трем апельсинам» в «Кроль-опере» стала причиной приятного волнения одну неделю, «Электра» — другую. Конечно, мы не ограничивались только посещением оперы, но так же отправились в «Гроссес Шауспильхауз», чтобы увидеть Клэр Уолдорф в «Халлер-ревю», а в другой раз пошли посмотреть труппу «Chauve Souris»² и послушать Балаева, произносящего свои замечательные речи на ло-

¹ «Святая ночь» (нем.).

² «Летучая мышь» (фр.).

маном немецком вместо ломаного английского. Сента Уилл оказалась с ними, и я был рад снова увидеть ее. Однажды в воскресенье мне дали билеты на представление с участием легендарной Эльзы Крюгер; с момента прибытия в Германию мы видели ее фотографии, рекламирующие сигареты, на каждом железнодорожном вагоне. Она выступала в Лондоне в «Колизее» с русским романтическим балетом, я слышал такие блистательные отзывы об этих выступлениях, что мне захотелось увидеть ее. Это был маленький театрик, декорированный в преувеличенном стиле рококо, где-то неподалеку от Курфюрстендам. Всю программу поставил Романов. После первого антракта заиграл оркестр, артисты вышли на сцену, хореография вела к появлению Крюгер — но ее не было! Оркестр заиграл во второй раз, и танцовщики принялись импровизировать. Когда, наконец, она появилась, то танцевала необыкновенно хорошо, хотя впечатление от постановки в целом осталось неважным из-за неудачного управления сценой. Из балетов Немецкой государственной оперы мне удалось посмотреть «Легенду об Иосифе», «День рождения инфанты», «Пульчинеллу» и «Арлезианку». Их «Пульчинелла» понравился мне во многом больше, чем постановка дягилевского балета, а «Легенда об Иосифе» неизмеримо выше реалистической версии, которую я увидел год спустя в Милане, где Иосиф носил балетные туфли, а танец боксеров совсем не походил на танец — настоящие боксеры в маскарадных костюмах били друг друга, не обращая внимания на музыку. А при каждом всплеске божественной музыки появлялись какие-то люди, облаченные в нечто похожее на розовые фланелевые ночные сорочки, с пальмовыми ветвями в руках. «День рождения инфанты» слишком старый спектакль и вышедший из моды, а «Арлезианка» доставила огромное наслаждение, особенно фарандола, которую с такой живостью исполнила Кройцберг.

Меня все время очень огорчало, что колено по-прежнему болело, поэтому не было и речи о том, чтобы танцевать «Русский танец». Я начал подумывать о том, как бы изменить хореографию «Шутов» или, по крайней мере, мою сольную партию в них. Поработав над танцем, я показал его Павловой, она одобрила, и его включили в следующую программу. Его встретили почти такой же овацией, как во время премьеры в «Ковент-Гарден», и я был очень рад, что мог снова танцевать с большой энергией. Перед нашим отъездом из Берлина Терпис посоветовал мне по приезду в Дрезден пойти в Вигман-шULE. Так он ответил на мою просьбу поучить меня ходить по сцене в соответствии с требованиями современной школы. Он сказал мне обратиться к Ханье Хольм, но она уехала; с тех пор многочисленные друзья по обе стороны Атлантики неоднократно пытались организовать нашу встречу, но я по-прежнему с нетерпением жду этого удовольствия. Я в должное время отправился туда и научился позволять своему телу управлять собой, опускать сначала мизинец ноги, а затем остальные пальцы, опускать пятку и переносить вес; ходить в соответствии с различными ритмами — под гонг и барабан, бежать *crescendo* и *diminuendo*¹, выписывать буквы алфавита с помощью шагов, ног и тела; сохранять бесстрастное выражение лица, а все чувства выражать только с помощью тела. Множество идей, часть из которых довольно интересная.

Затем мы отправились в Прагу, и я впервые оказался в славянской стране. Было так странно слышать язык, напоминающий смесь русского с польским; порой мне казалось, что я мог бы понять, если бы только знал, когда подобрать польское или русское слово, и тогда мог бы ответить. Мы выступали в большом концертном зале, по всему периметру которого проходила галерея. Не знаю,

¹ Постепенное нарастание и ослабление движения.

нравился ли наш танец зрителям, сидевшим у нас за спиной, могу только сказать, какое раздражение испытывали мы, не имея возможности куда-нибудь отвернуться и отдышаться после требующего усилий танца. В первом ряду сидела женщина с самым круглым лицом, какое только мне доводилось видеть; оно запало мне в память, и всплывает перед моим мысленным взором, словно тарелка в кухонном шкафу. В Праге я достаточно окреп, чтобы снова танцевать гопака. Это много для меня значило, но я не был готов к ответной реакции. Его пришлось повторять на «бис». Конечно, все мои друзья и доброжелатели говорили: «Не будь дурнем, твое колено только что перестало болеть, ты его снова повредишь!» Но я не мог отказаться, даже если бы сломал шею.

Всю ночь мы ехали в Вену. Я всегда представлял ее себе позолоченным городом и, когда вышел из вокзала, увидел лучи восходящего солнца, падающие на крыши зданий, — они действительно казались золотистыми. Мы танцевали в «Фолькс-опер» и обнаружили, что балет в Вене не может идти без осложнений. «Фею кукол» там не мог исполнять никто, кроме государственного балета, Берлину принадлежало подобное авторское право на «Пульчинеллу», так что Павлова не могла исполнять их там. Исполнение дивертисментов тоже не допускалось, и это очень затрудняло положение, поскольку «Лебедь» входил в дивертисмент, а венские зрители, как и все остальные, хотели видеть, как Павлова его танцует. Поэтому пришлось создать «балет» под названием «Карнавал»: выбегали шуты и представляли различных персонажей, исполнявших дивертисмент под галоп Мейербергера, а затем следовал обычный дивертисмент, хотя порой артистам, не принимавшим участия в танце, приходилось стоять на сцене. Возможно, это старое постановление принималось для того, чтобы защитить балет, но на этот раз его удалось обойти. Печально, что дивертисменты из-за того, что представля-

ют собой не связанные между собой танцы, не считаются произведениями искусства. Если так судить, то можно заявить, будто только фрески являются произведениями искусства, а миниатюры слишком малы, чтобы принимать их в расчет.

Все твердили нам: «Конечно же вам следовало видеть Вену перед войной». И мы сожалели, что нам этого сделать не удалось, но и сейчас сочли ее очень красивым городом. Мы посетили оперетту, но всем нам она показалась довольно скучной, поскольку мы ожидали чего-то особенного от подобного типа развлечения в Вене.

Мы переехали в Будапешт не в спальнях вагонов, и мистер Левитов извинился, что их невозможно приобрести для такой поездки. Мы танцевали в Королевском оперном театре, где все еще царил атмосфера великолепия. Мы очень устали после ночного путешествия, на границу прибыли в чересчур ранний час, и нас, замерзших и одеревеневших, разбудили для паспортного контроля. Давид Латов, который не так смертельно устал, как остальные, отважился выйти на станцию и вернулся с сообщением, что бренди здесь очень дешевое, а большинство посетителей в буфете обуты в сапоги. Мы не сдвинулись с места, чтобы проверить полученные от него сведения, но когда на следующее утро прибыли в Будапешт, действительно увидели крестьянок в сапогах, сидящих на повозках, возвращающихся с рынка. Наш отель находился на берегу Дуная, и хотя у нас не было времени на осмотр достопримечательностей, музыка цыганских скрипок все еще отдается эхом в глубинах моей памяти. Город обладал чарующей атмосферой. Нас очень позабавило объявление в кондитерской: «Hier haben wir Fünf-Uhr Tee um Vier Uhr»¹. Нам было интересно, как здесь примут рапсодию Листа, — она была первой в дивертисменте. Приняли ее хорошо, по-

¹ Здесь можно получить пятичасовой чай в четыре часа (нем.).

сколько венгерская публика восприняла как любезность включение ее в программу иностранной труппы.

В Белград труппа поехала не в полном составе; многие завидовали тем, кто оставался в столице Венгрии на маленькие каникулы. Что касается меня, я ни за что не отказался бы от посещения Белграда. Там королевский театр не отличался роскошью, присущей будапештскому, артистические уборные выглядели довольно примитивно, а атмосфера города в целом была слишком оживленной и приподнятой, мне даже показалось, что если бы я провел там целый месяц вместо нескольких дней, то, наверное, сошел бы с ума. Крестьяне носили национальные костюмы; плотники со своими вышитыми 튈бетейками, крагами и лучковыми пилами выглядели почти как персонажи «Князя Игора». Двое крестьянских ребятишек несли цинковую ванну, полную одежды, и выглядели так живописно, что я попытался их сфотографировать. Заметив это, они убежали, словно я был одержим дьяволом. Увидев группу солдат, ставящих на бойцовых петухов на углу улицы, я вспомнил о Мехико. Публика была восторженной до неистовства — мне пришлось повторять гопак, танцевать перед такой оживленной аудиторией было легко. В конце представления вышла делегация, чтобы вручить Павловой золотой венок и прочесть длинный адрес. Каким-то образом все это напоминало старые времена царской России. Югославский балет тогда только зарождался, и Павловой и ее труппе продемонстрировали нечто вроде *repetition generale*¹. Они исполнили кое-какие вариации из «Спящей красавицы»; «Голубая птица» выглядела почти комически, с танцовщиком, размахивающим руками, словно непрофессиональная королева лебедей. Однако там была восхитительная Красная Шапочка. В программу была включена и «Коппелия» с юной ба-

¹ Генеральная репетиция (*фр.*).

лериной Наташей Бойкович в роли Сванильды. Она дрожала от волнения, а в середине первого вальса разразилась слезами, выбежала к рампе и закричала: «Анна Павлова, я не могу, не могу!»

Визит Павловой в Белград произвел столь сенсационное впечатление, что, когда мы уезжали, нам пришлось пробиваться к поезду. Вокзал бурлил людьми, пришедшими проводить Павлову. Нам часто оказывали восторженный прием, но это прощание в Белграде навсегда останется в моей памяти как исключительное проявление расположения к Павловой.

Мы вернулись в Будапешт на пару дней и на этот раз выступали в Национальной опере. У нас состоялся поздний утренник в воскресенье днем, и я помню, как выскочил в ближайшее кафе, чтобы выпить кофе с сэндвичем. Оно было переполнено народом, и мы сначала подумали, что не сможем остаться, но встретились взглядом с официантом, он подошел к нам, принял заказ и очень быстро и вежливо обслужил, а затем сказал:

— Вы англичане? Может, вы знаете моих племянниц Ружи и Янку? Они танцуют в Лондоне. Они пользуются большим успехом, даже принц Уэльский приходил посмотреть их.

Мы задумались на мгновение. Ружи и Янка? Розы и Дженни, сестры Долли! Их дядюшка напоминал откормленного голубя. Когда мы сказали, что видели, как его племянницы танцуют «Аллюр пони», он, казалось, раздулся от гордости.

Когда мы подъехали к границе, возникла проблема. У нас у всех были визы сроком еще на месяц, но на них отсутствовала отметка о том, что мы снова можем въехать в страну, и нас не хотели пускать! После некоторой задержки все наши паспорта собрали, и мы продолжили свое путешествие без документов. Их вернули через несколько дней, но, конечно, никому из нас не понравилось жить без них, особенно тем, у кого были

нансеновские паспорта, и не было консула, к которому они могли бы обратиться.

Мы прибыли в Гаагу в воскресенье на Пасху. Некоторые из нас почти сразу же отправились в Схевенинген, чтобы немного подышать морским воздухом, и были очарованы видом людей в национальных костюмах. Все в Голландии были к нам очень добры, в одном из государственных театров они принесли кофе с пирожными прямо на сцену после занятий, так что пришлось попросить их больше не делать этого, чтобы не мешать работе. Мы останавливались главным образом в Гааге или Амстердаме и ездили в короткие поездки в ближайшие города. И Эрнст Краусс, и его жена относились к нам с большой добротой и любезностью. Замечательно, что время нашего там пребывания совпало со временем цветения, когда почти вся земля покрыта ковром тюльпанов и нарциссов, — повсюду царили изумительные цвета и ароматы. Когда мы выступали в Харлеме, Павловой подарили букет огромных белых тюльпанов, названных в ее честь. Все мы были очень взволнованы, присутствуя при этом особом мероприятии. В наш выходной для всей труппы была организована поездка в Воллендам. Зейдер-Зе не был тогда слишком цивилизованным местом, так что перед нами предстал старый рыбацкий городок, где все носили национальные костюмы; казалось, он принадлежал совсем иному миру. После турне по Голландии мы снова вернулись в Германию и выступали в Гамбурге, который так прелестно выглядит ранней весной. Когда та же группа танцовщиков, которую брали в Белград, отправилась в Скандинавию, остальные вернулись в Англию.

Мы сочли Стокгольм чрезвычайно красивым городом. И старинные, и современные здания с архитектурной точки зрения выглядели чрезвычайно привлекательно, и у нас вызвала большое волнение возможность танцевать в сверхсовременном «Концерт-Хаус», совсем

недавно построенном. Посещение закуской стало для нас своего рода приключением: медвежий окорок и копченая оленина! А как мы смеялись над «лакомыми кусочками» монаха! Ханс со своими прямыми переводами с немецкого на английский произвел на свет неоценимый перл: увидев рыболовов у одного из мостов, он повернулся к нам и спросил: «Здесь люди становятся рыбой?»

В городе был государственный балет, неоднократно вывозивший самые интересные современные шведские балеты за границу. Первым танцовщиком и хореографом был Ян Бёрлин. Здесь мы ощущали, что публика понимает нашу работу. Я уже снова танцевал гопак, и Павлова захотела восстановить в репертуаре «Русский танец». Начались репетиции. Я еще не поправился полностью, и некоторые движения присядки требовали от меня слишком большого напряжения. Я долго обдумывал, как бы заменить эти па другими, которые подойдут не только с точки зрения хореографии, но и позволят учесть ограничения, которых мне приходилось придерживаться из-за травмы. Наверное, у меня было совершенно отсутствующее выражение лица, так как Павлова посмотрела прямо мне в глаза и спросила: «Ты здесь?» Тому, кто при сем не присутствовал, трудно представить, как осуждающе могли прозвучать эти слова, однако ее упрек помог мне взять себя в руки и закончить работу. Кажется, именно тогда оркестр разместился на галерее сбоку от сцены. Это было нелегко для дирижера и еще труднее для танцовщиков. Гопак исполнили отвратительно, и я выразил свое недовольство по этому поводу. Фенслайн объяснил это неудобным местом расположения; он сказал, что не видел нас. Но он обычно не видел нас и со своего привычного места в центре оркестровой ямы. Я пришел в ярость и заявил: «Maestro, Sie sind unmöglich!»¹ Ханс, воспи-

¹ Маэстро, вы невозможны! (нем.)

танний в «Опера-хаус», на мгновение потерял дар речи. Затем сказал: «Ах, Эдджер, как ты можешь говорить unmöglich капельмейстеру?»

Я заказал ванную в отеле и очень удивился, когда обнаружил, что меня будет мыть банщица. Я почувствовал себя четырехлетним ребенком, когда она терла меня, а потом подстригала ногти на ногах. Пожилая женщина очень развеселилась, когда узнала меня, — она видела карикатуру на меня на театральной странице газеты. К этому времени я уже начал делать себе костюм для «Богимена». Мой опыт кройки равнялся нулю. Я сделал брюки, выкроив две ноги, затем сшил и впрыгнул в них, чтобы разделить их пополам и получить правильную мерку для клина, что предоставило бы мне полную свободу передвижения. Моя система великолепно работала в тот раз, но я, пожалуй, не стал бы ее рекомендовать для дальнейшего пользования. Я смог скроить жилет с помощью одного из своих старых, приколот трикотажные рукава, а затем пришил их. Когда очередь дошла до парика, я не мог достать сетки для основания, так что отрезал штанину от шортов из сетчатого трикотажа, придав ей форму тубетейки и принялся быстро и яростно пришивать бахрому — понадобилось время, чтобы я научился делать стежок так, чтобы бахрома не запутывалась в нитке. Я, наконец, закончил его в Осло, где всегда работал при дневном свете. Когда мы выходили из театра около одиннадцати тридцати, закат все еще окрашивал небо в красный цвет, а к окончанию ужина приближался рассвет. Наши представления почтила своим присутствием королевская семья. А как изумительно выглядела Павлова в белом парике и красивом белом шелковом платье, когда направлялась в королевскую ложу, чтобы быть представленной.

Мы закончили турне в Дании. Полагаю, что в умах большинства англичан Копенгаген и Ханс Кристиан Андерсен связаны неразрывными узами (да, я знаю,

что он родился в Одессе!), и действительно, Копенгаген обладает той чарующей атмосферой, что заставляет человека задуматься, вдохновлял ли город великого сказочника, или же город возник под воздействием чар его произведений.

Наш поезд прибыл рано утром, но нас встретило довольно много представителей прессы. Некоторые из репортеров знали, что с нашей труппой в Англии и Америке выступала датская танцовщица, и спросили о ней Павлову, но она не поняла, о ком идет речь. Ее ответ попал в прессу. Бедняжка Бодил была, наверное, очень обижена и имела возможность продемонстрировать это, поскольку присутствовала на приеме, который Датский королевский балет устроил в честь Павловой. Увидев ее, Павлова просияла, радуясь встрече с бывшей танцовщицей труппы.

— Бодил, почему вы не пришли навестить меня? — спросила она.

— Я думала, вы не помните меня, мадам, — ответила Бодил.

— Ах, все та же застенчивая девушка, — сказала Павлова.

На приеме я встретил некоторых танцовщиков, которых видел несколько лет назад, когда они танцевали в «Колизее», включая балерину Элну Йёрген Енсен, там же я познакомился с Бёрге Раловом, впоследствии ставшим ведущим танцовщиком и хореографом Датского королевского балета. Вечеринки и приемы устраивались каждый вечер, и на одном из них знаменитая австралийка Аннетт Келлерман произнесла длинную речь, с похвалой Павловой. Самый приятный вечер состоялся в доме родителей Бодил, куда были приглашены только ее старые друзья. Там стоял огромный круглый стол, уставленный тарелками с закусками. С обычно приходящим после спектакля волчьим аппетитом, характерным для тех, кто привык изображать лебедей, мы, слов-

но стервятники, набросились на добычу. Нам пришлось об этом пожалеть немного погодя, когда нас пригласили в столовую, — хоть закуски и были восхитительными, ужин же можно назвать королевским пиром. Этот старый датский обычай гостеприимства послужил нам уроком, наказав за нашу невоздержанность. Все мы вспыхнули от стыда, когда Пер Фабер, отец Бодил, произнес речь, в которой благодарил нас за доброту по отношению к Бодил. Нам же казалось, что мы очень плохо к ней относились, когда она поступила в труппу, хотя, наверное, это не так, мы не могли быть слишком злыми. Кажется, мы всегда возвращались домой на рассвете, но это происходило отчасти оттого, что ночь очень коротка в такое время года. Для меня самым волнующим событием этого сезона стало первое публичное исполнение «Боугимена» перед зрителями. Я имел успех, но у меня возникло ощущение, что Дандре не одобряет его. Мы возвращались домой кружными путями. Те, которые оставались на континенте, ехали железной дорогой, а те, которые направлялись в Англию, сели на поезд, направляющийся в Берген, а затем пароходом добрались домой. Скандинавское турне было для нас не только успешным, но и очень счастливым.

Во время поездки по Скандинавии мы слышали о смерти Теодора Штайера. Он болел уже восемнадцать месяцев, но, когда я видел его в Лондоне прошлым летом, Штайер, казалось, поправлялся. Узнав о том, что я повредил колено, он настойчиво твердил, чтобы я был осторожен и не слишком переутомлялся, полагая, что именно из-за переутомления он потерял свое здоровье. Мы очень сожалели, что потеряли такого друга, а то, что нас не было рядом с ним, удваивало горечь утраты.

Мы не пробыли дома и шести недель, когда нас вызвали на репетиции для короткого турне по курортам континента. Мы провели несколько дней в Остенде, затем отправились в Висбаден и Баден-Баден. Это было

чрезвычайно приятное летнее турне. У нас был новый дирижер Эфрем Курц, который с симпатией относился к танцовщикам, его не снедало тщеславие, и он не считал себя единственным человеком, понимающим, как следует исполнять музыку, так что мы были довольны. С нами выступало несколько актеров-гостей: Анатолий Обухов, Борис Романов, Макс и Маргарита Фроман. Они привнесли несколько своих дивертисментов. Романов и Обухов с великолепным артистизмом исполнили с Павловой «Кокетство Коломбины». Теперь кажется почти невероятным, что британская оккупационная армия в 1927 году все еще находилась в Германии, но я прекрасно помню, что, когда мы танцевали в «Курхауз» в Висбадене, ложа кайзера была заполнена британскими офицерами, облаченными в парадную форму. Много лет спустя я узнал, какое впечатление человек может производить на окружающих. Во время поездки в Дувр официант посадил меня напротив единственной посетительницы вагона-ресторана. Мы попытались завести вежливый разговор и коснулись музыки. Было упомянуто имя Римского-Корсакова; дама сказала, что никогда не слышала о нем, и я выразил удивление по этому поводу, поскольку считал, что каждый знал «Шехеразаду», по крайней мере из-за балета.

— Я только однажды видела русский балет, — сказала она. — Когда Павлова выступала в Висбадене. Кое-кто из труппы жил в том же отеле, где поселился мой муж: девушка-американка (Беатрис Берк), высокий мужчина (Обри Хитчинз) и блондин (я!!). — Я превратился в слух. — Необычайные люди, они в полночь ели бифштекс!

Я мог подумать только о том, какое чудо найти такой отель, где в полночь подают бифштекс.

Фроманы включили в свой дивертисмент испанский танец; это был старомодный русско-испанский танец. Я сидел в партере рядом с Павловой, когда они начали оркестровую репетицию. Зазвучала музыка, и они ста-

ли танцевать. После нескольких па Павлова повернулась ко мне и сказала: «Знаешь, Элджи, я видела так много настоящих испанских танцев, что, когда вижу нечто подобное, мне хочется смеяться!»

Мы вернулись в Лондон и приступили к репетициям для сезона в «Ковент-Гарден». В этом сезоне не было премьер, но возобновление в репертуаре «Тщетной предосторожности» с Павловой в партии Лизы стало приятным сюрпризом для тех, кто видел других танцовщиц в этой роли. Помимо танца ее мимическая игра вызывала восхищение. Я был очень взволнован тем, что моего «Боугимена» включили в программу в самом начале сезона. Но в тот день, когда он должен был исполняться, его в программе не оказалось! И уже никто ничего не мог поделать — программа была напечатана! Я отправился к Павловой, которая проявила большое сочувствие и сказала: «Идите к месье Дандре и скажите ему, что я велела вам помочь». В результате оказанной Павловой поддержки я исполнил его. Ни Дандре, ни Эдмунду Рассону не нравился «Боугимен», для них он был слишком модернистским, и они явно старались не включать его в программу. Мне все время приходилось сражаться за него, но, когда он исполнялся, всегда имел успех. В Германии к нему отнеслись чрезвычайно серьезно, словно дети, которым нравится, когда их пугают, а в Дании и Австралии смеялись до безумия; когда я исполнил «Боугимена» в Копенгагене, мне сделали большой комплимент, назвав Стормом Петерсеном в балете.

Романов танцевал с труппой в Лондоне и поставил номер для дивертисмента во время ковент-гарденского сезона и в течение короткого отпуска, прежде чем мы отправились в турне. Он назывался «На балу» и предназначался для Павловой и шестерых танцовщиков в роли гусаров с букетами — трех красных и трех синих. По дороге домой из Висбадена мы заехали в Париж к Максу Уэлди, чтобы он снял с нас мерки для костюмов.

Этот танец был очень хорошо поставлен и доставлял удовольствие в равной мере как публике, так и исполнителям. Он также поставил лезгинку из «Демона» Рубинштейна, которую было так весело исполнять. У нас были изумительные костюмы, которые за исключением подошв сапог, немного более прочных, чем у настоящих грузинских сапог, отличались абсолютной достоверностью и представляли собой полный контраст по сравнению с в высшей мере стилизованными костюмами для «Цыган» из роскошной постановки на музыку Даргомыжского к опере «Русалка».

Затем началось долгое турне по Англии — шестьдесят городов за десять недель. Через несколько дней после начала турне приехал Николай Сергеев, чтобы поставить для труппы «Баядерку». Павлова начала репетировать па-де-де, и я видел, как она держалась *à la seconde*¹ на пальцах, пока Новиков отходил от нее, а затем возвращался и подавал ей руку. Кордебалет работал очень вяло, а Сергеев, который в ту пору совершенно не говорил по-английски, пытался заставить характерных танцовщиков танцевать классику. Девушка-англичанка попыталась объяснить ему: «Я характерная», но безрезультатно. Он приступил к репетиции танца факира с Джоном Сергиевым и Обри Хитчинзом. Это выглядело настолько устаревшим, что вся труппа хохотала до истерики, только Сергеев сохранял серьезность. Павлова все это видела и поняла, что бесполезно пытаться возродить это старое уродство, которое когда-то хорошо смотрелось в России; танец факира все поставил на свои места. Сергееву заплатили, и он вернулся в Париж. Никакая дипломатия не смогла смягчить его боль. «Сон Раджи», как он часто называл его в последующие годы, стал его любимым детищем (двадцать лет спустя он подарил хореографию Моне Инглзби в качестве свадебно-

¹ Во второй позиции (*фр.*).

го подарка!). После этого он никогда не отзывался доброжелательно о Павловой.

Это турне было, пожалуй, самым тяжелым из всех английских турне. Мы порой танцевали утренник в одном городе, а вечером того же дня давали представление в другом. Помню, как мы выехали из Фолкстона утром, чтобы танцевать в «Уайт-Рок-павильоне» в Гастингсе днем и в Девоншир-парке в Истборне вечером, сели на поезд в шесть утра, чтобы днем танцевать в Шанклине, покинув Шанклин после утренника и переночевав в Портсмуте, мы снова сели на ранний поезд и дали два представления в воскресенье в Борнмуте. От постоянного недосыпания наши глаза стали похожи на сваренные вкрутую яйца, да и все мы казались вареными, и все же одна деталь из тех дней крепко запала мне в память: в одном из театров не было иного пути со сцены, кроме как через мужскую артистическую уборную, и маленькая сильфида в лице Павловой скользила через нее, приговаривая: «Я не смотрю, я не смотрю!»

Мы ехали на север и добрались до Шотландии. С нами был Винченцо Челли, он постоянно заставлял нас смеяться, обладая огромным чувством юмора и неисчислимым запасом анекдотов. Мы очень сожалели, когда он покинул нас в Йорке и вернулся в Милан, чтобы исполнить партию Иосифа в «Легенде об Иосифе», в постановке, где дирижировал сам Штраус. Он часто рассказывал нам забавные истории о матери одной из учениц Чекетти, приехавшей из Ланкашира. Однако Челли был не единственным источником развлечения. Всегда под рукой была девушка из Тутинга, относившаяся ко всему чрезвычайно серьезно. Во время турне она обручилась, и ее молодой человек приехал повидать ее в Ноттингеме. Она подошла к Павловой во время репетиции и попросила:

— Мадам, можно мне сейчас уйти, поезд моего жениха скоро отходит, а мне хотелось бы его проводить.

Анна Павлова

Чарли Чаплин
и Анна Павлова

Две знаменитости: Мэри Пикфорд и Анна Павлова

В Йокогаме. В первом ряду (слева направо): Джойс Коулз, Павлова, Тирза Роджерз, Рита Глинде, Беатрис Гриффит; во втором ряду: Альджеранов, Мюриель Стюарт, Тамара Фриде, Куини Шеффилд

Павлова в «Вакханалии»

Мацумото Каширо VII

Альджеранов в японском танце
«Якко-сан»

Ясо́я Кинэ́я

Анна Павлова и Альджеранов в «Русском танце»

Анна Павлова у входа в Айви-Хаус

Павлова с Шаляпиным и его дочерью в Мельбурне

Удай Шанкар и Павлова в «Кришне и Радхе»

Павлова и Альджеранов с кордебалетом в «Восточных впечатлениях»

Альджеранов в «Русском танце»

Альджеранов в «Богимене»

Альджеранов в
«Волшебной флейте»

Альджеранов, Павлова
и Демиславский
в «Мексиканском танце»

Менака

Рождество

Виктор Дандре

— А, вы ставите свое сердце выше искусства! — заметила Павлова.

Павлова считала английские отели неудобными.

— Эджди, почему, если в комнате есть звонок, нужно встать из постели, чтобы в него позвонить? — однажды спросила она меня.

Я не мог ничего ответить в защиту своих соотечественников; возможно, имел место недостаток предусмотрительности. Но я не осмелился сказать ей, что подозреваю: все дело в уверенности в своей правоте, считающей удобство грехом.

Нам довелось встретить все виды сцен: современный «Лис-Клиф-павильон» в Фолкстоне, где пол походил на стекло, намазанное канифолью, и даже если мы мочили подошвы туфель, это нам не помогало — мы падали, словно кегли, в характерных танцах. Павлова приходила в отчаяние и даже пыталась покрывать свои туфли медом, поскольку на этой поверхности никто не мог удержаться. В ратуше Лидса была старомодная круглая сцена, имевшая только один выход в центре, сзади, на которую вел лестничный марш, и последняя ступенька приводила вас прямо на сцену. Такое расположение препятствовало грациозному выходу на сцену и уходу со сцены. Судебный пристав в Эдинбурге оштрафовал Эдмунда Рассона за использование для сцены канифоли. Он пришел в ярость и сослался на то, что многие танцовщики, помимо Павловой, выступают там по несколько раз в год, а скользкая сцена чрезвычайно опасна для танцовщиков, не говоря уже о том, что служит препятствием для других исполнителей. Просто удивительно, как мания полировки сцен сохраняется в концертных залах по всему миру!

Всегда приятно пересекать границу с Шотландией. Отели здесь намного удобнее, чем в Англии. На тебя не посмотрят холодным взглядом, словно на безумца, сбежавшего из сумасшедшего дома, если ты попросишь

развести огонь в спальне, а в постели окажется пара не заказанных заранее бутылей с горячей водой. Да и еда там лучше.

Все члены труппы очень устали, а в Дарлингтоне кто-то слышал, что есть поезд, который отъезжает сразу же после утренника и прибывает в Йорк, где состоится следующее представление около шести часов. Наш поезд по требованию отходил в семь часов и прибывал в Йорк около девяти. Менеджер раздал билеты, и ничего не было сказано, но большинство членов труппы проигнорировали поезд по требованию и сели на более ранний поезд. У Эльзы был день рождения, и несколько девушек устраивали по этому случаю вечеринку, думаю, в этом и крылась причина бунта! Барбара, Обри и я почему-то не знали об этом. Мы приехали на станцию к поезду по требованию и нашли два вагона, забронированные для труппы, в которых должны были ехать только Павлова, Новиков, Пиановский, Обри, Барбара и я! Рассон пришел в ярость.

— Большевизм! — постоянно повторял он. Любимое слово, употреблявшееся в случаях нарушения дисциплины в те времена. — Это все, чем вы могли отплатить за внимание к вам. — А он действительно был самым внимательным импресарио.

На следующий день ничего не было сказано, но, когда мы прибыли в Бедфорд, всю труппу созвали в отель, где остановилась Павлова. Дандре был на континенте, и ей самой пришлось урегулировать ситуацию. Когда все собрались, Павлова начала со слов: «Обри и Элджи могут уйти!» Она видела нас в поезде. Я чувствовал себя отвратительно, поскольку, если бы я знал, то уехал бы экспрессом вместе с остальными, и я не ушел, так же как и Обри. Он, я уверен, тоже считал, что мы должны поддержать своих коллег в этом вопросе. Выяснились некоторые детали, касающиеся условий проживания в гостиницах, о которых Павлова не имела ни малейше-

го представления. Она была просто шокирована, когда узнала о том, как трудно девушке получить одностельный номер в отеле, и почти невозможно найти место после девяти вечера. Так что к необходимому выговору в значительной мере примешались слова сочувствия. Впоследствии об этом случае в труппе всегда говорили как о «поездке Дика Тёрпина в Йорк». Мы продолжили поездку на юг и закончили турне в Торки. В Лондон мы вернулись ночным поездом, чтобы провести лишний день дома перед поездкой на континент.

В этом году во время отпуска Обри Хитчинз услышал о студии на Фицрой-сквер, и мы решили снять ее, чтобы давать уроки и экспериментировать в области хореографии. К нам пришла Тирза Роджерз с целью поставить несколько танцев; она вернулась в Англию и вместе с Робинот Ласселлзом создала небольшую труппу. Затем я получил письмо от Павловой с просьбой давать уроки индусских танцев индианке, мадам Сокхей. Я ответил, что мне кажется довольно странным давать уроки индусских танцев индианке, она, безусловно, должна знать о них намного больше, чем я. Однако Лейла Сокхей все-таки пришла ко мне в студию и объяснила, что кастовая система препятствует ее занятиям в Индии, и попросила позаниматься с ней. Ее красота внушала мне благоговение, и я думал, как же мне заниматься с ученицей, к которой я не осмелюсь прикоснуться, чтобы поправить то или иное положение рук. Я обучил ее работе ног, движениям бедер, основным положениям и движениям рук. Постепенно она освоила основы техники, и что бы она ни делала, выглядело прелестно. Она прославилась под именем Менака, и этот псевдоним ей очень подходил, ибо, безусловно, сама апсарас¹ не могла выглядеть прелестнее. Все авто-

¹ Апсарас (возможно, «вышедшие из воды») — в индуистской мифологии полубожественные женские существа, облетающие преимущественно в небе, но также и на земле. К наиболее почитаемым апсарас относится Менака.

ритетные специалисты в области индусского танца признают ее вклад в возрождение танца в XX веке, и я всегда гордился и горжусь нашей совместной работой.

Глава 12

ВСЕ ЕЩЕ ЕВРОПА

Мы начали наше новое европейское турне в Голландии и встретили Рождество в Амстердаме. У нас появился новый дирижер Баранович из Югославии; он был хорошим дирижером, но имел много других контрактов и проработал у нас не настолько долго, чтобы мы успели привыкнуть друг к другу. На рождественской вечеринке он был по-настоящему потрясен видом Беатрис Берк, но не говорил по-английски, и какой-то шутник посоветовал ему подойти к ней и сказать: «Вы царица бала», над чем она, естественно, посмеялась. Бедняга!

В канун Рождества мы с изумлением обнаружили большую рождественскую елку посередине в глубине сцены. Мы танцевали перед ней все дивертисменты, что казалось несколько странным. Зрителям это понравилось, а после представления мы обнаружили, что вся она увешана подарками для всех нас: голландскими изделиями из серебра, что было приятно как само по себе, так и как напоминание о нашем посещении Голландии. Каждый пакетик был подписан, и ни одного из членов труппы не забыли. Это был рождественский подарок от одной голландской аристократки знатного происхождения, решившей продемонстрировать свою признательность Павловой и ее труппе, но пожелавшей остаться неизвестной.

Было очень холодно, помню, как проснулся в Зволле и обнаружил, что окно покрылось льдом. Я теперь понял, почему в старых голландских фермерских домах

шинки лавки находились в хлеву, где фермеры спали зимой. В Утрехте было ужасно холодно, и каналы замерзли. Зрительный зал был полупустым, и Дандре отправился к директору театра, чтобы выяснить, в чем дело.

— Но дорогой мой господин! — воскликнул директор. — Не можете же вы ожидать, что кто-нибудь придет сюда. Ведь первый лед! Даже сама королева Голландии будет кататься на коньках!

На Новый год мы оказались в Брюсселе, и одно из наших представлений посетил князь Юсупов. Хотя минуло уже десять лет, возникало ощущение, будто ты приблизился к революции оттого, что в зале присутствовал человек, убивший Распутина. Во время этого турне к труппе присоединился виолончелист Эдмунд Куртц, и мы стали большими друзьями. Он часто рассказывал мне о том, как бежал от революции и как его мать спрятала бриллиантовое ожерелье, на вырученные деньги от продажи которого они жили первые месяцы по прибытии в Германию. Нашим дирижером стал Эрнст Шикертанц. Он обладал большим чувством юмора, и мы любили его. Когда мы приехали в Штутгарт, где Эдмунд Куртц был уже хорошо известен (хотя ему было всего лишь девятнадцать лет), Павлова заставила его выйти вместе с ней на вызовы после «Лебеда». На этот раз мы танцевали не в театре «Ландес», а в концертном зале. Помню, как однажды вечером я упражнялся для характерного танца, выворачивая ногу то носком внутрь, то наружу, то вставая на пятку, делал это быстро, последовательно и без перерыва. Павлова, упражнявшаяся у станка, посмотрела на меня и сказала:

— Боже мой! Эджи, мне никогда так не сделать!

Терпис приехал в Магдебург, чтобы посмотреть «Богимиена». Кто-то заболел, и порядок номеров в дивертисменте изменили. «Богимиен» шел как «Танец Анитры». Поскольку часть оркестра не приехала из Берлина, во время этого представления мне аккомпанировал Уол-

форд Хайден, и оно стало одним из самых приятных для меня.

Потом мы переехали в Швейцарию, где нам дирижировал Эрнест Ансерме, что очень нас взволновало. На улице было довольно холодно, и репетиционные залы театра хорошо отапливались. Между русскими и английскими членами труппы разгорались настоящие баталии по поводу окон, англичане жаждали открывать окна, чтобы поступал свежий воздух, русские же боялись сквозняков. Англичане не любят парового отопления — в Америке нетрудно определить, где живут англичане, — у них всегда открыты окна зимой, но путешествия при холодном климате обычно меняют человека. Мы также танцевали в Цюрихе, Берне и Лозанне, а по окончании швейцарского турне отправились в Италию.

Наш итальянский сезон начался с Милана. Великий Чекетти жил тогда там и конечно же пришел навестить Павлову. Мы не танцевали в «Ла Скала», но некоторых из нас однажды утром пригласили прийти туда посмотреть, как маэстро проводит занятия. Я, очевидно, произвел некоторое впечатление на девушек — мое приближение возвещалось выкриками: «Biondino!»¹ Я так и не узнал, кто кричал, но надеялся, что это была девушка со сверкающими черными глазами. Пол в репетиционном зале был наклонным и имел такой же угол наклона, как и сцена. Маэстро держал в руках две длинные палки, с помощью которых отбивал ритм, насвистывая знакомые мелодии для наших упражнений. Он был похож на старого колдуна с двумя волшебными палочками, нашептывающего заклинания; на какое-то мгновение я засомневался, нахожусь ли я в XIX или XX столетии. Пребывая за границей, в России и в Англии, принимая участие в гастролях Павловой и Дягилева, Чекетти всегда мечтал когда-нибудь возвратиться в родной город, в

¹ Блондинчик! (ит.)

«Ла Скала», и вернуть балету его былую славу. Было приятно сознавать, что его желание исполнилось, хотя он и поставил перед собой трудную задачу. Молодые танцовщики подавали надежды, те же, которые думали, что добились успеха, если даже и добились, то теперь приближались к закату. В этом капризном, переменчивом мире пресыщенных балерин сияла Маргарет Краске. Она использовала отпуск, чтобы продолжить занятия с маэстро, чьи замечательные методы обучения классическому танцу она постаралась увековечить.

Павлова как-то поделилась со мной, что хотела бы иметь виллу на озере Комо, куда могла бы пригласить всех своих друзей, а однажды вечером в Милане после представления она сказала мне:

— Нам придется завтра встать очень рано, но это стоит того!

Она имела в виду путешествие, которое организовала для всей труппы на Комо и по озеру до Белладжо. У нас был изумительный день, настолько прекрасный, что невозможно найти слов, чтобы описать, но на обратном пути произошло неприятное событие. Секретарь труппы Ван Римсдейк встал, чтобы передать кому-то какое-то сообщение, а когда вернулся на свое место, оно оказалось занято каким-то незнакомцем, отказавшимся освободить его, хотя оно было зарезервировано. Ван Римсдейк что-то сказал по поводу вежливости, незнакомец вспыхнул и на следующей станции пожаловался кондуктору. Когда мы прибыли в Рим, его уже ждали фашисты и увезли в не очень приятную поездку!

Мы танцевали в Болонье, Турине и Флоренции. Павлова по возможности старалась освободить нас от репетиций и платила нам дополнительные деньги, чтобы мы могли оплатить входные билеты в музеи и галереи. Мы приехали в Венецию в день моего рождения после восьмичасового пути, полного лишений и неудобств; спокойная красота древнего города вскоре

стерла из памяти неудобства пути. Казалось почти невероятным, что мы очутились на земле добродушных дам, «Пульчинеллы», смогли посетить Дворец дожей, собор Святого Марка и поехать в театр на гондоле. Валютный курс был нам выгоден, туристский сезон еще не был в разгаре, так что мы сочли Италию очень привлекательной страной. Я не очень хорошо себя чувствовал, когда мы были в Риме, так что не слишком лез из кожи, чтобы осмотреть достопримечательности, но, по крайней мере, увидел впервые Колизей при свете луны — самый лучший способ знакомства с историческими монументами. В Пасху мы находились в Генуе, и в первый день Пасхи часть труппы отправилась в Нерви. С нами были Джон Сергиев и Нина; Джон немного говорил по-итальянски, что являлось весьма ценным качеством. Все пребывали в праздничном настроении, кондитерские были переполнены пасхальными ягнятами и другими религиозными символами, сделанными из марципана. Повсюду огромные толпы народу; когда мы попытались сесть на обратный поезд, это оказалось невозможно, и мы вернулись в Геную в фиакре.

Однажды утром в Генуе мы с Обри Хитчинзом пришли в театр поупражняться и обнаружили, что на сцене нет никого, кроме Павловой.

— А, мальчики! Хотите поработать? Хорошо, я дам вам урок.

И мы приступили к занятиям. Мы напряженно работали около часа, а затем Павлова сказала:

— Очень хорошо, мальчики. Куда вы собираетесь идти поесть? — Мы озадаченно смотрели на нее. — Я знаю очень хорошее место, — продолжала она. — Любите ли вы морепродукты? Пойдите попросите у Мей, чтобы она дала вам деньги, я возьму вас с собой.

Павлова никогда не имела отношения к деньгам; думаю, если у нее появился бы фунт, то она сочла бы это вполне приличной суммой. Мей, ее замечательная анг-

лийская горничная, которую все мы обожали, только что получила деньги и одолжила нам пятерку. Мы наняли такси, мадам дала адрес, и мы поехали. На окраине города был построен ресторан на утесе. Он казался абсолютно простым, без претензий, но блюда были изумительными, счет огромным, и все мы получили большое удовольствие. Павлова казалась счастливой и расслабившейся, мы болтали обо всем и ни о чем. Конечно, мы не могли полностью избежать темы театра. Я рассказал Павловой, что моя мать с раннего детства брала меня на все представления, и я видел ее в театре «Палас» в 1910 году, она заметила, что это принесло мне пользу.

Когда мы были во Флоренции, нас созвали и сообщили, что есть возможность сезона в Париже, но, поскольку курс франка упал довольно низко, не согласимся ли мы на меньшее жалование во Франции. Турне уже близилось к окончанию, и никто не хотел его продлять, так что мы все единодушно заявили, что поедем только при том условии, если получим наше обычное жалование по текущему курсу. Редкий случай, когда балетная труппа проявляет такое единодушие, но в этом случае мы его проявили. Парижский сезон имел огромный успех, поэтому мы не сожалели о том, что сюда приехали. Однажды вечером я пришел, чтобы посмотреть «Осенние листья». Когда я поднялся на сцену, Павлова что-то обсуждала с Дандре, по-видимому декорации. Она повернулась и, увидев меня и разогревавшегося там же Обри Хитчинза, подозвала нас.

— Скажите, мальчики, не кажется ли вам, что будет намного лучше убрать это отсюда? — спросила она, указывая на большое пространство между деревьями, покрытое сетью. При этом она тихо прошептала: «Скажите «да», что мы, конечно, и сделали.

Сеть убрали, и она смогла выйти именно там, где хотела. Самый ужасный момент этого сезона произошел

для меня, когда мы танцевали «Фею кукол». Я услышал звонок, который дается за пять минут до начала спектакля, из туалета, где не было ручки и где я оказался заперт, и никто не слышал моих призывов о помощи. Наконец кто-то все же услышал меня; Стэнли Джадсон освободил меня с помощью пилки для ногтей, и я в последнюю минуту успел втиснуться в свой костюм и появиться на сцене в роли Джека в коробочке.

Новиков покинул труппу и отправился в Чикаго в качестве балетмейстера. Члены труппы собрали деньги на прощальный подарок — изделие из кожи итальянской работы, а поскольку я был его учеником, меня избрали вручить ему подарок. Бутсова, присоединившаяся к труппе на это турне, тоже покинула Париж и некоторое время оставалась в Европе. Мы вернулись в свои дома и, как обычно, отсыпались по крайней мере неделю. Мы с Обри только успели снова нанять студию и собрать своих учеников, как получили письма, сообщающие, что вскоре состоится турне по Южной Америке, оно продлится всего три месяца, но начнется уже через четыре недели. Мы обрадовались не так сильно, как следовало бы, поскольку нас волновало развитие нашей студии. Лейла Сокхей снова жила в Лондоне и приходила брать у меня уроки. Меня чрезвычайно удивило и порадовало, когда я узнал, что она успешно дала концерт в Бомбее во время своего там пребывания. Она еще так мало занималась, что это казалось почти невероятным.

Нас пригласили на чай в Айви-Хаус; там присутствовали махарани¹ Куч Бихара, Лейла Сокхей и очень странная женщина, которая, как мне помнится, проводила труппу в Южную Африку. Я никогда не встречал никого, кто сильнее соответствовал бы континентальной идее об английской гувернантке, но она обитала в Айви-Хаус, носила русское имя, говорила с русским ак-

¹ Махарани — супруга махараджи.

центом, даже по-русски произносила слово «молоко». Ей каким-то образом удалось втереться в домашнее хозяйство Павловой в качестве своего рода домоправительницы. Она присматривала за Айви-Хаус, когда Павлова отправлялась в гастрольные поездки. По слухам, она уехала на несколько дней и набросала так много семян для птиц в птичник, что фонтан засорился и несколько птиц утонуло. Неожиданно вернулась Павлова, увидела, как обстоят дела, и короткий отпуск продолился навсегда. Помнится, во время чаепития к французским окнам столовой часто подходил павлин и стучал клювом по стеклу, чтобы его впустили, что бесконечно забавляло индийских гостей.

Глава 13

ЮЖНОАМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Наступил август, и мы снова оказались в Саутгемптоне, на борту «Алькантары», готовой отплыть в Рио. К труппе в качестве второй балерины присоединилась Рут Френч, а еще у нас появилась новая очаровательная характерная танцовщица Елена Бекефи. Что за красавица она была! И как изумительно танцевала чардаш, истинная дочь будапештского танцовщика, приглашенного в Императорский театр двадцать лет назад за великолепное исполнение чардаша. Она обладала кошачьей грацией и быстрым ритмом, характерным для испанцев.

Мне пришлось сделать прививку, и она не обошлась без последствий. Кто-то налетел на меня на палубе и сорвал коросту. Я отправился прямо к корабельному врачу, который пришел в ярость оттого, что его побеспокоили в неприятные часы. Капитан корабля из лучших побуждений предостерег нас, что в Южной Америке широко распространен сифилис. Он испортил мне все турне своими ужасными рассказами, поведенными

нам с хорошими намерениями. Из-за него все казалось мне зараженным. По пути мы заехали в Лиссабон; мне никогда не забыть завывания женщин на пристани, когда мы отплывали. Это был самый жалобный плач, какой мне только доводилось слышать.

В труппу вступил Владимиров, заменив Новикова; а также вновь присоединился Веселов и стал исполнять роли Залевского, который заболел, находясь в отпуске в Италии, где жила его сестра. У нас появился и блистательный характерный танцовщик Славинский. Павлова попросила Баланчина поставить два танца для Славинского и Кирсановой — «Гротескную польку» и «Алеко», последний из них замечательный цыганский танец, который я тоже исполнял.

Вход в гавань Рио — одно из самых сильных впечатлений в жизни; море и холмы невероятно красивы, город тоже великолепен, а «Театро Мунисипаль» один из лучших в мире. Здесь царил удивительная атмосфера беззаботности. Не помню, кто порекомендовал нам отель, но он был довольно чистым и удобным, с личными душами. Репетиции начались тотчас же, как только мы ступили на берег, и продолжались до восьми часов вечера. Я так устал, что не мог есть и попросил Обри Хитчинза разбудить меня часов в девять, чтобы мы пошли поужинать. Ему моя идея понравилась. Когда меня разбудили, был час ночи, думаю, я проспал бы всю ночь, если бы меня не разбудили. Одним из удобств был работающий всю ночь ресторан, так что странное время не имело значения. Меню было на португальском языке, но никто из нас не знал португальского. Мы водили по нему пальцами до тех пор, пока не наткнулись на блюдо, которое, судя по его местоположению в меню, приняли за цыпленка. Вместо этого нам принесли огромное блюдо, полное восхитительных креветок. На следующий день какие-то англичане пришли в театр приветствовать труппу. Они стали давать советы, кото-

рые обычно дают приехавшим в тропические страны, и в самом конце их списка «не» говорилось: «Вы можете есть все, что пожелаете, за исключением креветок, от которых у вас непременно нарушится пищеварение». У нас не нарушилось. В ресторане было довольно много народу в час ночи. Девушки из городских ревю являлись его постоянными посетительницами, и все белокурые «лорелеи» из немецкой труппы всегда бросали недоброжелательные взгляды на рыжеватых, будто подкрашенных хной, англичанок нашей труппы, словно говоря: «Вы крашенные потаскушки». Это было очень забавно.

Когда мы находились в Рио, объявился какой-то русский хореограф, утверждавший, будто он изучал танцы бразильских индейцев. Находясь в Сан-Паулу, мы репетировали его балет каждый день, но он не имел большого успеха. Из Сан-Паулу мы переехали в Сантус. Наш режиссер Камышов вспоминал этот город как место, где во время Первой мировой войны сгорело большинство декораций труппы Дягилева. Поездка в Буэнос-Айрес на «Марсилии» была очень тяжелой. Каюты второго класса выглядели чрезвычайно убого, и те, кто мог, переместились в роскошные каюты первого класса. Штормило, и многие пассажиры заболели. На борту парохода находилась аргентинская футбольная команда. Помню, как замечательно футболисты танцевали танго друг с другом. Возможная вариация для «Фасада». Когда мы прибыли в Буэнос-Айрес, на пристани нас встречала огромная толпа, но люди пришли не для того, чтобы приветствовать Павлову, как можно было ожидать, а для того, чтобы приветствовать возвращающуюся домой футбольную команду.

В Буэнос-Айресе было холодно, и я радовался тому, что нашел немецкий отель с центральным отоплением, где, по крайней мере, мог потребовать то, что хотел. Некоторые из членов труппы благоразумно остановились

в аргентинских пансионах, но там было холодно в комнатах, выходящих во внутренние дворики. Театр «Колон» — один из самых замечательных театров, и хорош он по обе стороны рампы. Его огромный зрительный зал вмещает пять тысяч человек, на месте для оркестра может разместиться сто двадцать музыкантов, а на сцене — несколько сотен артистов, и она не будет казаться переполненной. Но он не только огромный, но и действительно хороший. Балеты для предстоящего сезона ставил Романов, и мы были очень рады новой встрече с ним. Он поставил чрезвычайно забавный танец для мужчины и двух девушек. Мы со Славинским по очереди исполняли мужскую партию. Жена Романова Смирнова возобновляла для Павловой *grand pas* из «Пахиты». Хотя по прошествии времени оно может показаться довольно изысканным, но в то время казалось ужасно устаревшим, и девушки вызывающе демонстрировали свое неприкрытое отвращение к нему. После отъезда из Буэнос-Айреса его больше не репетировали, и все решили, что он так же, как и бразильский балет, канет в Лету, но, оказалось, то была временная отсрочка. Во время этого сезона Павлова решила обратиться к Ван Рилу за фотографиями — во время ее предыдущего посещения он прекрасно сфотографировал ее. На этот раз ей хотелось сделать фотографии «Осенних листьев», и она попросила меня пойти с ней в студию и проследить за тем, чтобы фотографии были сделаны в правильный с точки зрения танца момент и чтобы все остальное тоже было в порядке. У меня возникло ощущение, будто Ван Рилу не слишком нравилось мое присутствие, но, когда я вижу эти прекрасные фотографии Павловой и Обри Хитчинза в «Осенних листьях», я испытываю некоторое чувство гордости оттого, что я хоть в малой степени причастен к их исполнению.

Мы дали несколько представлений в «Ла-Плата», но больше по Аргентине не ездили. После сезона в театре

«Колон» мы отправились в Монтевидео и танцевали в театре «Уркиза». В городе тогда находился русский фотограф Яравов, он пришел в театр, чтобы пофотографировать. Он сделал много фотографий одной Павловой, но сфотографировал и меня в «Кришне и Радхе» и в «Русском танце». По дороге назад в Англию мы остановились в Сантусе, где я сошел на берег и отправился на поиски пластинок. Я их отыскал и расплатился бразильским банкнотом, оставшимся у меня после посещения Бразилии, состоявшегося шесть недель назад. Он оказался уже несколько лет как вышедшим из употребления. Добрый хозяин магазина был шокирован тем, что подобную шутку сыграли с гостем его страны, и отправился опротестовывать его в банк, где его обменяли на хороший.

Еще до того, как мы добрались до Англии, мы уже знали, что в ноябре снова поплывем на Восток.

Глава 14

СНОВА ВОСТОК И ОСТРОВА АНТИПОДОВ

Недели между нашим возвращением из Южной Америки и отъездом в Египет быстро пролетели. Менака возобновила уроки и предложила мне принять участие в ее концерте в Бомбее, когда труппа приедет туда в конце года. Я был очень взволнован, но испытывал некоторые сомнения и сказал, что должен спросить на это позволения. И Дандре, и Павлова были тогда в Париже, так что прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось спросить. Павлова охотно дала позволение, и я послал радиogramму Менаке, находившейся на пути домой в Индию.

Часть труппы находилась в Лондоне, а другая — в Париже, и Дандре попросил меня сопровождать английскую половину в Париж, откуда вся труппа отпра-

вится в Марсель, где сядет на французский корабль, направляющийся в Александрию. Я ощущал огромный груз ответственности, но все прошло гладко, моя мать несколько не беспокоилась и не сомневалась в том, что я справлюсь с этим делом. Вот когда Дандре говорил: «Мальчик мой, будь так добр, возьми этот чек, пойди в «Мартинз-банк» около Темпл-Бар и получи по нему деньги, я должен заплатить труппе после репетиции», тогда моя мать приходила в ужас, опасаясь, что меня ограбят.

— Возьми такси, — озабоченно говорила она, но я насмешливо отвергал ее совет.

— В автобусе полно народу, там гораздо безопаснее, даже если кто-то знает, что я везу эти деньги.

Ночная поездка в Марсель была ужасно неудобной: у нас не было спальных мест, стояла зима, и отопительная система действовала через большое металлическое приспособление в полу. Мы ехали с десяти часов утра и к двум часам следующего дня почувствовали, что дошли до предела: было так холодно снаружи и так жарко внутри, и некуда поставить ноги. В конце концов мы уснули от полнейшего переутомления. Поездка по морю была недолгой, я умудрился сесть за стол с французской семьей. Я надеялся, что это улучшит мой французский, и это была беспроблемная игра, поскольку ничто не могло ухудшить положение. Мы снова танцевали в старинном театре с красным плюшем и позолотой, но больше не было моего отеля с огромной комнатой и кроватью под пологом. Во время прошлой поездки в Египет нам казалось довольно прохладно после Индии, на этот же раз после Англии мы наслаждались приятным теплом. Как-то у меня разболелся живот, однако мне удалось справиться с силами и хоть и с опозданием, но прийти на репетицию. Поднявшись на сцену, я обнаружил, что репетиция прервана: Павлова сидела на стуле, а все остальные члены труппы собрались во-

круг. Я догадался, что происходит просмотр, в центре сцены какая-то женщина танцевала с огромным питоном. Не понимаю, почему ей в голову пришла мысль поступать в балетную труппу, но она была русской эмигранткой, так что Павлова, конечно, согласилась ее посмотреть. Беда в том, что змея не привыкла выступать в этот час, слишком рано после еды, и ее вырвало прямо на сцене! Запах, который, казалось, сохранялся до конца сезона, чуть не вызвал у меня рецидива.

Каир показался мне более занимательным, чем во время моего первого посещения. Нас познакомили с Фредди Элзэртом, который был менеджером «Шепердс», добрейшим и остроумнейшим человеком, какого я когда-либо встречал, он развлекал нас всех по-королевски. В Каирском музее были выставлены реликвии Тутанхамона. Наше свободное время почти не совпадало со временем работы музея, но если поспешить во время ленча, мы могли провести там час. Это означало, что следовало приходить туда много раз, но мне редко доводилось проводить так много часов в восхищении. Все было настолько изысканным, а древность этих предметов заставляла изумляться тому, как хорошо они сохранились. Нам предоставили свободный день для осмотра достопримечательностей, и труппа разделилась на группы, чтобы посмотреть то, что наиболее интересовало в пределах отведенного нам времени. Группа, к которой я присоединился, отправлялась на восходе на машине в Сахару. У нас был замечательный гид по имени Сулейман Сулейман, чья семья с давних пор работала с археологами, и его претензии, безусловно, имели под собой основания благодаря большому количеству достоверной информации, которую он сообщал, и его умению привлечь наше внимание к деталям фресок. По дороге мы остановились в пальмовой роще, где сохранялись остатки колоссальной статуи Рамсеса II, а поблизости находился сфинкс с головой барана, единственный сохра-

нившийся от аллеи сфинксов, которая в древние времена вела к храму. Мы не пробыли там и двух минут, как возникло восьмое бедствие египетское. Из-за ствола каждой пальмы появилась пара неотразимых озорных глаз, сопровождаемых белозубой улыбкой, которая могла бы рекламировать любую зубную пасту (хотя употребление таковой было ей не знакомо).

«Бакшиш» — звучало сначала очень тихо, но по мере того, как мы приближались, становилось все громче. «Дай бакшиш, миссис Лангтри!» — закричал какой-то ребенок, обращаясь к одной из наших девушек. Вскоре всех нас одарили именами знаменитых личностей или королевских особ. Меня прозвали «Гарри Лодером», а одну из девушек «госпожой королевой Марией»! Сулейман Сулейман прокричал что-то резкое, я разобрал только одно слово «Imshi», что, как мне сказали, означало «убирайтесь». Дети исчезли, но только для того, чтобы несколько минут спустя снова появиться и прокричать пронзительными голосами: «До свидания-я, до свидания-я, до свидания-я, до свидания-я, до свидания-я-я-я» — все громче и громче, небрежно помахивая руками. Но стоило нам посмотреть в их сторону, как они снова протягивали к нам ладони, выманивая «бакшиш». Мы бросали монеты, и тотчас же начиналась настоящая свалка. Мы миновали руины одного из древних городов, к полудню добрались до Сахары и еще до ленча осмотрели могилу Ти. Нам не удалось посетить знаменитую пирамиду Джосера, поскольку там еще продолжались раскопки и посетителей туда не допускали. Впоследствии мы узнали, что Павлова получила особое приглашение, поскольку русский художник и дизайнер Билибин делал здесь много набросков. После ленча мы пересекли пустыню на верблюдах, направляясь в Гизу. По дороге заехали в Серапеум посмотреть гробницы быков Аписа, и наш гид отвел нас к руинам находившегося поблизости храма, где сохранился в хо-

рошем состоянии алебастровый алтарь для жертвоприношений. На полпути мы остановились отдохнуть в тени огромной дюны, и Сулейман Сулейман рассказал нам легенду из истории Древнего Египта, она произвела огромное впечатление на всех членов труппы, а я ощутил в некотором роде самодовольство оттого, что уже знал ее.

Дорис сочла поездку на верблюде слишком неудобной и предложила нашему гиду поменять своего осла на ее верблюда! Это была хорошая сделка. И он был доволен, и Дорис чувствовала себя так же удобно, как на песчаных пляжах Англии. Солнце уже садилось, когда мы подъехали к Гизе, и пирамиды смотрелись как синий бархат на фоне опалового неба; не знаю, видел ли я когда-нибудь, чтобы вечерняя звезда казалась такой огромной. Мы заехали в Мена-Хаус что-нибудь выпить, а затем вернулись в Каир. Это был великолепный, но очень утомительный день, когда пришло время ужина, меня потеряли и нигде не могли найти, пока кому-то не пришла мысль постучать в дверь ванной. Они были правы — я уснул прямо в ванне! Сулеймана Сулеймана ужасно интересовала работа с нами, потому что мы были актерами; казалось, ему доставляло большое наслаждение сопровождать нас. Когда мы изъявили желание отправиться в мечеть и в цитадель, он сказал, что будет счастлив, если мы примем его услуги бесплатно. Где бы мы ни остановились, чтобы купить что-нибудь, он говорил владельцу магазина: «Назначь самую умеренную цену и ради меня не включай комиссионных, это мои друзья». Все это было очень трогательно. Мы пригласили его на включенный в репертуар «Роман мумии», и он пришел в восторг от того, с какой достоверностью были воспроизведены все костюмы, обстановка и имущество.

Приехав в цитадель, мы увидели впереди какую-то группу, и все гиды и служители, казалось, вспыхнули

желанием не допустить нас и отправить в другом направлении.

— Интересно, что это за человек в шляпе «веселая вдова»? — спросил кто-то.

Дорис подняла взгляд.

— Я уверена, что это принц Уэльский! — воскликнула она.

Ее услышал один из незаметных охранников, заявивший, будто это не так. Затем мы слышали голос, который нельзя было перепутать ни с чьим иным: «А вот и Нил». Он посмотрел поверх парапета и двинулся в противоположную от нас сторону, прежде чем наши охваченные волнением девушки успели сделать вежливый реверанс на его пути. Он улетал назад в Англию из-за болезни короля Георга V.

Думаю, именно потому, что мы так много работали без отдыха, эти свободные дни так живо запечатлелись в нашей памяти. У нас было много тяжелых и довольно скучных репетиций — в «Волшебной флейте» появился новый маркиз, так как Ян Залевский умер в Италии. Как нам не хватало этого великолепного мима! Новый маркиз был настолько высокомерным, что исключительно из чувства самозащиты в поведении моего лакея появилось чувство превосходства английского дворецкого в присутствии хозяина-нувориша. Варзинский тоже покинул труппу, и многие из его ролей стал исполнять Славинский. Лицо труппы изменялось. Из «стариков» остались только Домиславский и Марковский, фактически Домиславский был единственным членом труппы, помимо Пиановского, который находился в труппе намного дольше, чем я. В Порт-Саиде мы сели на корабль, направляющийся в Индию. Я не переправлялся прежде через Суэцкий канал. Он показался мне более зеленым, чем раньше, возможно, посадили деревья. Мы прибыли в Суэц на восходе солнца, я встал рано, чтобы увидеть его. У меня вошло в привычку

ку вставать рано в портах во время путешествия. Аден выглядел прекрасно на восходе, впрочем, мне он всегда нравился.

Во время путешествия я готовился к концерту, который должен был дать с Менакой в Бомбее. Индусский танец или, скорее, все, что только можно было найти о нем, казалось, пребывало в забвении. У раджей, конечно, были свои личные «балеты», которые могли видеть они сами или их гости, но в целом хороший танец оставался такой же редкостью, как в наше предыдущее посещение. Нам всем было любопытно, как примут в Индии наши «Восточные впечатления». Я обдумывал все, что изучил и в чем практиковался, и мне пришло в голову, что нет эквивалента нашему адажио. У меня было несколько превосходных книг по индусской скульптуре, и я принялся серьезно изучать иллюстрации, переводя скульптурные позы на язык танца. Ко времени приезда в Бомбей мои идеи стали обретать форму. У нас было около двух недель, чтобы все подготовить, но Менака многое уже сделала сама. Была почти готова задуманная в прошлом году «Нага Канья нритья», за исключением моего танца с саблями; основные па для него мне показал Дж.Г. Вакил, а я придумал общую хореографию. Кокила исполняла роль Принцессы, а Менака — Женщины-Змеи, убившей нас обоих. Это был короткий балет. Мне пришлось потрудиться над «Абхинайя нритья», своим скульптурным танцем, а затем поставить «Бхакти Бава», религиозный танец для Менаки. Тема его — вездесущность Бога. Начинался он со слов «царство Божие внутри меня»; продолжался — «высоко в небе, внизу на земле» и отражал все проявления природы. Его танцевали со своего рода индийскими кастаньетами, а Менака была облачена во вдовье сари. Я счел это очень трогательным. На репетициях нам аккомпанировал на ситаре Мадри Дезаи, но во время спектакля должен был играть оркестр Сомана. Хорошо

помню их первое появление: они со своими инструментами составили такую красивую группу в углу комнаты, что я отошел. Вакил спросил:

— Почему ты отошел?

— Не хотел портить красоту группы, — ответил я.

— Но ты такой экзотичный! — заметил он, и это прозвучало комплиментом по сравнению с комментарием японцев по поводу «очень красивых бледно-золотых» волос у меня на руках.

Павлова, проявив большую доброту и понимание, освободила меня от репетиций с трупой, предоставив возможность поработать с Менакой. Мы прорепетировали весь первый день Рождества, и Павлова пришла посмотреть, как у нас идут дела. Муж Менаки майор Сокхей (ныне генерал-майор сэр Сахиб Сингх Сокхей) отвез ее в Джуху, где был тогда восхитительный пляж. Впоследствии Павлова рассказала мне, что они видели заклинателя змей, и ей предсказали судьбу. Мы работали ужасно тяжело, и было чрезвычайно жарко, но мне казалось, что это самое счастливое Рождество в моей жизни. Мне разрешили воспользоваться для репетиций моей желтой дхоти Кришны, а под нее я надел красный купальный костюм. Однажды Менаку вызвали с репетиции, вернулась она смеясь:

— Мой посетитель заметил: «Вы становитесь очень религиозной! В прошлый раз, когда я приходил сюда, здесь был римский католический священник, а сегодня я вижу Армию спасения». Он, видимо, мельком увидел вас в красном купальном костюме и желтой дхоти, а это их цвета!

Помимо того что это был интересный эксперимент с художественной точки зрения, мне было любопытно проводить так много времени в индийском доме. Пуристы, конечно, сочли бы его находящимся под влиянием Запада, поскольку там был обеденный стол, столовое белье и ножи, и мы не снимали обуви, когда садились

есть. Но кухня совершенно не походила на европейскую, она изобиловала изумительными острыми красными пряностями и замечательными засахаренными фруктами, что заставило меня вспомнить о моем друге Гиридже, сожалевшем, что у нас в Англии есть только сладкое и кислое и нет того бесконечного многообразия вкусов, которые мы находим в Индии. Мадри Дезаи не ела с нами, ее каста не позволяла ей делать этого. Подобные вещи кажутся столь маловероятными, когда читаешь о них, но у тебя возникает совершенно необычное чувство, когда подобные старые системы возводят невидимые барьеры между друзьями. Племянница Менаки Хима часто привлекала к себе внимание, она время от времени исчезала, чтобы появиться в новом платье, и мы всегда удивлялись, когда она появлялась в чем-либо ином. С меня сняли мерку, чтобы изготовить для меня ачкан, джодпуры и что-то вроде набедренной повязки, которую я должен был носить в «Абхинайя нритья». Уже через день-другой принесли сверкавший и переливавшийся ачкан, похожий на длинный пиджак, где золотистые полосы чередовались с оранжево-розовыми, и джодпуры, по крайней мере в сто дюймов вокруг талии, которые завязывались шнуром и так сильно сужались к колену, что обтягивали икры, словно трико. «Вам придется обернуть пятки папиросной бумагой, чтобы их надеть», — посоветовали мне. Я ощущал себя по-королевски в этом одеянии. Однако с набедренной повязкой возникла проблема — она была выкроена из моего купального костюма точно по размеру, но поскольку не была трикотажной и не растягивалась, то ее оказалось невозможно надеть и пришлось переделывать.

Время концерта приближалось. Мадри Дезаи собиралась петь, а оркестр Сомана должен был исполнять музыкальные интерлюдии. Вакил обнаружил школу, ученики которой исполняли народные танцы. Около двадцати детей пришли на генеральную репетицию и

произвели на нас большое впечатление. Ивлин Вуд, друг семьи Сокхей, руководил освещением и установил в нижнем ряду красный свет, который высвечивал силуэты, и в целом все выглядело вполне профессионально и очаровательно. Когда подошло время спектакля, дети не приехали, и мы спросили Вакила, договаривавшегося с ними, где они; он ответил, что счел, что они недостаточно хороши, и велел им не приезжать! Несмотря на то что он оказал нам огромную помощь, те препятствия, которые он создал нам в день представления, заставили нас благодарить Бога за то, что мы обладали чувством юмора. Казалось, он был наделен удивительным свойством мгновенно менять тщательно продуманные планы и держать это в строжайшей тайне от тех, кто нес за это ответственность. Обри Хитчинза, любезно согласившегося стать нашим режиссером, это просто сводило с ума.

Сезон Павловой в Бомбее прошел с еще большим успехом, чем предыдущий, если только такое возможно. Мы волновались по поводу «Восточных впечатлений». «Индусская свадьба» пользовалась у всех большим успехом, но люди, приехавшие из разных районов, жаждали дать иностранцам совет по поводу церемонии, и каждый заявлял: «Так делается, а так не делается», какие бы исправления мы ни вносили, и позднее мы стали исполнять только танец Nautch. Это был необычайный опыт исполнять «Кришну» с Павловой перед индусскими зрителями. Я прочел «Бхавагад-гиту»¹ и в своей интерпретации роли рассматривал театр как мою вселенную, экспрессию танца — как эволюцию, а отклик публики — как инволюцию, обратное развитие. Выступая перед индийской публикой, я не ощущал себя человеком до тех пор, пока занавес не опускался снова. Я никогда не обсуждал этого с Павловой, но мне казалось, что и она испытывает такую же экзальтацию. Требует-

¹ «Б х а в а г а д - г и т а» («Песня бога») — одна из книг «Махабхараты».

ся изрядная смелость, чтобы стоять на возвышении, изображающем гору Мехру, в позе, известной под названием «согнувшийся Кришна», с флейтой, прижатой к губам, в то время как занавес поднимался под божественную вдохновенную музыку Комолаты Баннерджи, не зная о том, как будет принят балет. Однажды в Бомбее на галерее сидели какие-то молодые люди, которым было не видно всю сцену, и, когда поднялся занавес, они насмешливо закричали: «А где же бог?» Я беспокоился, что произойдет дальше, но все стихло и никаких неприятностей больше не произошло. Меня очень смущало, когда молодые художники, рисовавшие наши портреты, просили меня подписать их «Кришна» и настойчиво умоляли меня сделать это. По окончании «Кришны и Радхи» мы с Павловой получили венки из цветов, в том числе из жасмина. Мне кажется, я до сих пор слышу ее голос, произносящий:

— Как красиво, но мне не нравится. Слишком жестоко по отношению к цветам.

«Восточные впечатления» пользовались таким успехом как в Бомбее, так и в Калькутте, что после премьеры их пришлось включить практически во все программы. Каждое воскресенье устраивались утренники, но по воскресным вечерам мы были свободны.

Наш с Менакой концерт состоялся в воскресенье вечером. Все бомбейское общество — как индусское, так и европейское — заполнило театр, чтобы присутствовать на первом, как говорилось, всеиндийском концерте. Между представлениями было немного времени, и, как только закончился утренник, Павлова освободила свою артистическую уборную для Менаки и сама готовилась прийти на концерт в одной из уборных кордебалета. Павлова вся светилась, сидя в ложе в ожидании нашего представления, и большая часть труппы тоже пришла. Было приятно ощущать их интерес и поддержку. Все прошло успешно, Павлова подарила Менаке букет, а в

прессе на следующий день появились похвальные отзывы. Я был благодарен тому критику, который так написал о моей работе: «Там, где кончается знание, ему на помощь приходят симпатия и воображение».

Интерес Павловой к индийскому танцу по-настоящему внушал вдохновение. Как жаль, что она не видела работ Удай Шанкара в период его полной зрелости, а также Рама Гопала, Мриналини Сарабхаи и Шанта Рао. Она хорошо знала художественное наследие Индии и чувствовала, что Менака, мужественно проявлявшая свой энтузиазм перед лицом оппозиции (многих почитателей традиций шокировали ее театральные амбиции), была подлинным первопроходцем. Все ведущие индийские газеты опубликовали серьезные и умные отчеты об интервью с Павловой, в которых она подчеркивала потенциальную важность индийского танца и тот способ, которым его следует связать с другими видами искусства, такими богатыми по своей собственной сути. Она осознавала, что индийскую музыку не легко приспособить для театра, но не сомневалась в том, что эту проблему можно решить.

Новогодняя вечеринка нашей труппы состоялась на террасе кафе, находившегося неподалеку от театра. В этом году не было обычного вечера по случаю Рождества — у Павловой были другие планы. Однажды Дандре созвал нас всех на сцену, но мне сказал:

— Тебя, мой мальчик, это не касается, поскольку ты все об этом знаешь.

Я был немного озадачен, а затем услышал, как Дандре спрашивает членов труппы, захотят ли они в качестве рождественского подарка получить поездку в Агру с тем, чтобы посмотреть Тадж-Махал. Все захотели поехать, и я был рад отправиться туда снова. На этот раз обстоятельства поездки сильно отличались от моего первого посещения Тадж-Махала, так как Сокхеи связались со своим другом майором Шейком и попросили

его позаботиться о Павловой, Дандре, Обри Хитчинзе и обо мне. Мы прибыли в Агру около двух часов утра, было очень холодно, и майор Шейк встретил нас с грудой дорожных пледов — у него была открытая машина. Мы нигде не могли найти Павлову и Дандре; позже узнали, что они уехали в Бенарес. Майор Шейк был военным врачом, а теперь занимал гражданский пост врача тюрьмы Агры. Мы мчались сквозь холодную ясную ночь, время от времени до нас доносился струившийся по воздуху едкий запах горящих коровьих лепешек. Мы приехали в резиденцию, и дворецкий тотчас же подал нам горячий кофе и омлет. Тогда я впервые посетил магометанский дом и навсегда запомнил его гостеприимство. Когда мы поели, Шейк сказал:

— Если вы хотите увидеть Тадж при лунном свете, нам лучше пойти сейчас; луна восходит поздно, и завтра сделать это будет невозможно, ваш поезд выезжает слишком рано.

Мы конечно же пошли. Мои воспоминания о нем не сон; мы прошли через первые темные ворота, и там стоял он, жемчужно-белый, при лунном свете; мы шли по ведущей к нему дороге, любуясь отражением луны в искусственной реке, затем — вверх по ступеням на мраморную террасу и в сам Тадж. Люди так любят рассказывать об украденном покрове, сделанном из жемчужин, о былом великолепии и невероятную историю о губернаторе, который хотел снести здание и продать мрамор, так что следует быть настороже и не упустить красоты места и изумительной атмосферы этого памятника женщине — большая редкость для ислама. В нем нет ничего сентиментального — он просто весь проникнут любовью, которую Шах-Джахан питал к Мумтаз-Махал. Я взглянул через балюстраду на реку Джамну и понял, что это река Кришны. Домой вернулись только на заре. Мы провели целое утро, блуждая среди самых изумительных памятников монголов, в основном над-

гробий, но без тени смерти; их красота, казалось, действительно предвещала чудеса рая. После ленча мы отправились в Форт, и я испытал двойное удовольствие, пребывая среди людей, не видевших его прежде. На закате мы вернулись к Тадж-Махалу, чтобы бросить на него прощальный взгляд при меняющемся освещении, слегка окрасившими белый мрамор отраженными цветами неба. Мне было жаль покидать Агру не только из-за красоты ее древних памятников, но и из-за Шейка, нового друга, которого, мне казалось, я всегда знал. Как-то во время разговора я спросил его о северном индийском танце. Он тотчас же встал, чтобы показать мне, но затем сказал:

— Не могу. Если бы другие были здесь, все бы вернулось, а я так давно не танцевал.

Я спросил его, по каким случаям он танцевал.

— По случаю рождения, свадьбы, похорон, загона скота, — ответил он.

Когда я приехал в Калькутту, мне не хватало цветов Бомбея, где носят так много белого. Я снова остановился у друзей, которые заботились обо мне, словно о давно потерянном сыне. Сезон проходил с огромным успехом. А «Восточные впечатления» особенно обеспечивали полные сборы. Бывший партнер Павловой Губерт Стовиц находился тогда в Калькутте, дописывая часть своей изумительной коллекции картин «Исчезающая Индия». Я был очень рад наконец с ним познакомиться, ведь я так давно восхищался его работой. У нас было так много общего и в отношении к танцу, и в интересе к Востоку. Мы встретились, словно старые друзья. Он не любил классический репертуар, и ему казалось, что Хлюстин оказывает плохое влияние, а Дандре препятствует художественному развитию труппы. Когда мы уехали, я получил от него ободряющее письмо со словами: «Продолжай бороться». Он симпатизировал моему интересу к современным направлениям в танце.

У друзей, у которых я остановился, была образцовая ферма в деревне в нескольких милях от Калькутты, и, когда было время, мы туда ненадолго ездили. Было так странно видеть эту почти первобытную деревню столь близко от большого города. Сама ферма была современной и постепенно превратилась в доходное хобби, хотя началось все с покупки коровы для того, чтобы обеспечить семью свежим молоком. Там был прелестный цветочный сад, и я как-то случайно обмолвился, как великолепно выглядят огромные оранжевые бархатцы. В следующий раз, когда мы танцевали «Восточные впечатления», нам поднесли две гирлянды цветов, одну для Павловой, вторую для меня. Золотисто-оранжевые цветы прислал член касты садовников из Бехала. Он, очевидно, слышал, как я сказал, что они мне нравятся. Павлова заметила, что и ей они нравятся больше, чем обычный жасмин. Особенно прелестно они смотрелись при голубом свете и красиво сочетались с моим гримом Кришны. В деревне находилась гончарная лавка, где были выставлены грубые глиняные бюсты, расписанные белым, черным и красной охрой. Я поинтересовался у своих друзей, что это такое.

— Это изображения Кали¹, деревенские жители ставят их под священными деревьями с подношениями цветов.

Мы пошли дальше, и они показали на дерево, под ним стоял маленький бюст, рядом висела гирлянда, а вокруг были разбросаны цветы. По дороге назад я купил изображение Кали, оно обладало какой-то примитивной красотой. С тех пор у меня возникла проблема перевозки скульптуры, но в конце концов я доставил ее в Лондон целой и невредимой, не испачкав ни белой глины, ни охры.

¹ К а л и (черная) — в индуистской мифологии одна из ипостасей Девы, жены Шивы, олицетворение грозного, губительного аспекта его шакти — божественной энергии.

Однажды в воскресенье я спросил моих друзей, не будут ли их дурваны возражать, если я сфотографирую их, им передали мою просьбу; когда я приехал, они выглядели очень довольными и сформировали группу, где кто-то стоял, кто-то сидел, а кто-то встал на колени. Это напомнило мне слова Рут Сен-Дени, сказавшей, что она нашла Индию полной подсознательного искусства. День или два спустя меня остановил маленький мальчик — посланец с огромными глазами. Он протянул мне небольшую карточку, на которой было напечатано: «Пожалуйста, мое фото». Он не говорил по-английски, но попросил одного из бабусов написать записку с его именем и адресом. Несколько недель спустя я выслал ему фотографии. Когда я вновь приехал в Калькутту шесть лет спустя, ко мне подошел один из фермерских посыльных и сказал что-то, заканчивающееся словами: «Sahib ki chitty», что, насколько мне известно, означало: «Ваше письмо, сагиб». Я ожидал, что он даст мне письмо; его лицо озарила сияющая улыбка, когда он сунул руку в карман и вытащил записку, сопровождавшую снимки. Это был возмужавший Гангадхара¹.

Меня очень позабавило, когда один из бабусов, которого я знал еще со времени первого посещения Индии, поздоровался со мной и сказал, что видел «Восточные впечатления», добавив: «Танец Nautch абсолютно современен!»

Мне было жаль покидать Индию, но наступила пора отправляться в Рангун. Пока мы там находились, я после наших спектаклей всегда, как только возникала возможность, ходил посмотреть представления пве. Они выступали очень поздно, и я не помню, чтобы когда-нибудь остался до конца, но никогда не уходил раньше двух часов ночи. В конце нашего сезона в честь Павловой было организовано специальное представление

¹ Гангадхара («носящий Гангу») — одно из многочисленных имен бога Шивы.

бирманских танцев, оно состоялось в воскресенье вечером, после нашего утренника. Мне особенно понравился танец четырех девочек, фехтующих увитыми цветами копьями. Танец этих маленьких созданий был столь восхитительным и столь экзотичным, что едва верилось в их реальность. В конце представления один из мужчин вышел вперед, бросил на сцену грудку битого стекла и прыгнул на него босыми ногами. Танцовщики нашей труппы вскрикнули, никто из нас ни в малой степени не беспокоился за судьбу бирманского исполнителя, мы не сомневались, что с его ногами все будет в порядке, но многим из нас придется на следующий день танцевать на этой сцене с босыми ногами без какой-либо физической или метафизической защиты, которой пользовался он! Потом мы с ними встретились. Некоторые из них были в Уэмбли и чрезвычайно гордились выданными им там аттестатами. Особое внимание привлекала одна маленькая девочка, столь утонченная, что невольно казалось, будто она вот-вот выпустит крылышки из своего отделанного кружевом жакетика. Павлова заговорила с сопровождавшей ее женщиной:

— Сколько ей лет?

— Девять, мадам.

— А в каком возрасте начала заниматься?

— Начала заниматься с трех лет.

— Ах, какая жалость, я начала слишком поздно, — с грустью заметила Павлова.

Во время этой поездки я намеревался посетить пагоду Шве Дагон и рассказал о своем желании друзьям в Индии.

— Что бы ты ни делал, намажь подошвы йодом, — посоветовали они. — Со всеми этими прокаженными и нищими невозможно уберечься.

Я добросовестно расписал свои подошвы, которые и без того были окрашены в красный цвет для «Абхинаяя нритья» (я исполнял ее в качестве дивертисмента). Ког-

да я входил в храм и снимал обувь, все с изумлением смотрели на европейца с раскрашенными ногами. На меня произвела огромное впечатление атмосфера святого места: священники в шафрановых рясах, казалось, не шли, а скользили, а стоящие группами они выглядели как фигуры с античных фресок. Январское солнце нагревало мраморные полы, выложенные мозаикой, и было чрезвычайно приятно идти босыми ногами по их теплой полированной поверхности. Самое трогательное впечатление осталось у меня от блаженного выражения лица дикого жителя гор, когда он курил фимиам перед статуей Будды.

Следующим этапом нашего турне стал Пинанг, который я всегда вспоминал как красивейший город после того, как мы заехали туда на несколько часов во время нашего первого восточного турне. И я нисколько не разочаровался, когда мы остановились там на день-другой. Припоминаю, как отправился осмотреть прекрасный китайский храм на холмах вместе с Рут Френч и ее матерью, которую мы любовно называли «мадам Лотти». Мы продолжили наше турне, отправившись в Ипох и Куала-Лумпур, выехав из Пинанга ночью. Ехать нам пришлось сидя. Ночью поезд остановился: все мы время от времени засыпали, как обычно спят во время ночного путешествия. Никогда не видел я столь черной ночи, не было видно ни одной звезды; ритмичное гудение насекомых, казалось, подчеркивало тишину ночи. Затем я услышал пение птицы, заставившее меня выпрямиться.

— Послушайте! — позвал я остальных. — Это же жар-птица!

Ритм и тональные интервалы этого пения в точности совпадали с темой балетной музыки. Нас охватило любопытство, было ли это простым совпадением, или эта птица вдохновила Стравинского на создание музыки. Темные, изобилующие какими-то животными

джунгли, безусловно, являлись подходящим местом для замка Кощея.

Однажды вечером в Куала-Лумпур какие-то незнакомцы проникли за кулисы с фотоаппаратом. Павлова танцевала «Рондино» и вдруг увидела нацеленный на себя фотоаппарат. Она тотчас же покинула сцену, ибо в те дни фотографии во время действия позволялось делать только под строжайшим наблюдением. Затем Павлова выставила непрошенных гостей.

— С прискорбием должна заметить, но беда вашей страны в том, что здесь слишком много виски с содовой, — холодно заметила она.

Ее упрек прозвучал чрезвычайно резко, возможно, благодаря ее ломаному английскому языку, сделавшему его еще более резким и выразительным. Очень жаль, что теперь, когда улучшенные фотоаппараты могут делать более качественные фотографии, ухудшился отбор фотографий. Плачевно видеть, какие фотографии появляются в прессе в наши дни, когда любая публичность, даже плохая, считается лучше, чем никакой публичности, таким образом принижаются стандарты искусства. Как говорила сама Павлова:

— Они не понимают искусства балета, делают фотографии в середине па, и тогда какой-нибудь человек, только что начавший учиться, может сказать: «Какая неправильная позиция!»

В это время в Сингапуре было очень жарко. Мы танцевали в театре «Виктория», который был намного удобнее, чем «Консерт-Холл», где мы танцевали во время нашего прошлого турне. Радостное настроение этого сезона было омрачено тем, что одна из девушек стала жертвой сплетни. Один из пассажиров корабля пренебрежительно отзывался Павловой о поведении девушки. Об этом сказали девушке, добавив, что Павлова хочет поговорить с ней на эту тему. Девушка, которая была абсолютно невинна, так расстроилась, что отказалась

пойти к мадам; она была освобождена от участия в спектакле, и, наконец, ей заплатили и отправили обратно в Англию. Это было ужасное недоразумение, так как всем, включая Павлову, эта девушка очень нравилась. Некоторые из нас подозревали какую-то интригу. Из-за чего бы все это ни произошло, нам очень хотелось вырвать злой язык, положивший начало сплетне. Позже девушка возбудила дело против труппы и выиграла его.

Во время этого сезона возобновили *grand pas* из «Пахиты» и включили в программу. Некоторые утверждали, будто его возобновили, когда было слишком жарко репетировать, чтобы наказать нас за наше поведение в тот период, когда Смирнова пыталась обучить нас ему в Буэнос-Айресе.

Я хотел разузнать побольше о малайском танце, но не мог найти информации. Некоторые люди обращались к Обри Хитчинзу с просьбой давать им уроки, а он отсылал их ко мне. Благодаря этому я обнаружил «Новый мир», своего рода луна-парк со множеством разнообразных театров. Яванский театр с его белолицыми клоунами-помощниками (говорят, корни их театрального искусства восходят к индуистской цивилизации Явы) и китайский театр. Никогда прежде не видел я китайского театра. Просцениум был довольно невыразительным, там висели какие-то иллюстрированные объявления по поводу водопровода! Игра актеров не произвела на меня большого впечатления, но в памяти навсегда сохранилось живое и трепетное воспоминание о музыканте, игравшем на кимвале. Как он ударял по этим медным дискам, вкладывая в свои удары все сердце и душу! Не только каждый звук эхом отдается в моих ушах, но и движения игрока, когда он отдает энергию всю до последней капли выполнению своей задачи. Среди городских магазинов я обнаружил китайский с татами на полу, где продавались изысканные материи, оби и кимоно — подлинные вещи, а не дешевый хлам,

произведенный на экспорт. Я купил прекрасный оби из серого крепового шелка, его бант был украшен крошечными белыми квадратиками. Он был чрезвычайно длинным и сшит по моде 1929 года, а моя мать была маленького роста, и он превратился в платье для нее, когда я привез его в Англию.

Я с нетерпением ждал приезда на Яву, поскольку Стовиц рассказывал мне изумительные истории о ее красоте и о своем опыте живописной работы там, и многие товарищи по работе говорили о том, какое это прелестное место. Даже насыщенная парами атмосфера Джакарты, или Батавии, как она тогда называлась, не могла ее нам испортить. Глубокие насыщенные и приглушенные цвета саронгов из батика, элегантные экипажи, спокойные улыбающиеся слуги в отелях, готовые подать полный обед на веранду твоей комнаты в час ночи, сохраняя еду теплой с десяти и при этом улыбаясь. В Бандунге было прохладно и намного приятнее работать. Помню, как Кузьма распаковывал и развешивал на просушку костюмы, чтобы они не покрылись плесенью от того, что их пришлось упаковать влажными после прошлого вечернего представления. Павловой подарили корзину с орхидеями высотой в ее рост и фута четыре шириной. Она изумилась, увидев так много орхидей сразу.

— Боже мой, Элджи, — сказала она мне. — Сколько это стоит в Европе?

Всех взволновало известие о том, что нас пригласили посмотреть серимпи¹, по этому случаю специально доставили наши чемоданы-шкафы с тем, чтобы мы могли надеть свои вечерние туалеты. Поезд на Джокьякату отходил в одиннадцать, а прибыть мы должны были около шести, это давало нам два часа на подготов-

¹ С е р и м п и — старинный придворный яванский танец. Его исполняют четыре девушки, которые в кульминации представления изображают стилизованную борьбу с кинжалами, луком и стрелами.

ку, а во дворец султана мы должны были приехать к восьми. Павлова хотела отдохнуть перед тем, как пойти смотреть танцы, и уехала ранним утренним поездом. Девушек спросили, хотят ли они поступить так же или же предпочтут подольше поспать и выехать позже, они выбрали одиннадцатичасовой поезд. Если бы я знал о том, что существует выбор, то поехал бы на более раннем. Наш поезд задержался в пути, и мы приехали слишком поздно! Невозможно описать чувства разочарования и гнева, охватившие меня. Нам показали другие представления, довольно интересные, но они не могли сравниться с высоким уровнем королевских танцовщиков. В Соло зал был таким маленьким, что даже членам «Кунсткринга», субсидировавшим представление, пришлось тянуть жребий, чтобы получить место. Я оказался в числе приглашенных в дом немецкого резидента, интересовавшегося яванской культурой и имевшего небольшой частный музей произведений искусства. Он знал, что я интересуюсь танцами и огорчен тем, что мы нигде не останавливаемся на достаточно долгий срок, чтобы заняться изучением танцев. Он позвал своего слугу, человека благородного происхождения, и попросил показать некоторые танцы. Он так и засиял, когда я предпринял попытку сделать кое-какие движения рук, и, не сомневаюсь, он с удовольствием поучил бы меня, если бы мы провели там больше времени.

В одно из своих путешествий мы вскарабкались на холм на закате. Перед нами открылся необычайно красивый вид: рисовые поля террасами располагались по склонам холма, отражая солнечный свет, и казались похожими на фантастическую мозаику из перламутра или опала. В Сурабае стояла такая же влажная жара, как и в Батавии (Джакарте). Мне не очень понравился отель, но, поскольку в день приезда мы уезжали на автобусе в находившийся неподалеку другой город, я не стал пере-

езжать. Вернулись мы часа в три ночи, и «ужин» был оставлен на столе в моей комнате. Когда я поднял крышку, две ящерицы бросились прочь от жалких остатков, бывших когда-то сэндвичами. На следующий же день я выехал и нашел отель получше, где и поселился до конца нашего пребывания в этом городе. С Борованским произошел здесь ужасный случай: он пошел в парикмахерскую, ему намылили голову шампунем, а открыв глаза, он обнаружил, что все волосы остались в тазу и он внезапно оказался совершенно лысым.

Время от времени нам предоставлялась возможность увидеть образцы яванских танцев. Мы были потрясены тем, как долго мужчины могут стоять в широкой развернутой позиции не шелохнувшись, словно высеченные из камня. Их танцы, исполнявшиеся под аккомпанемент гамелана¹, обладали сложными ритмами. Нас изумляло, как танцовщики умудрялись контролировать движения головы, рук и ног, движущихся одновременно в соответствии с разными ритмами. Мне особенно нравилось то, как резко они взмахивали шарфами, а музыку гамелана я, казалось, мог слушать вечно. Меня позабавило, когда я увидел, как маленький мальчик подает рис, и длинную процессию из других мальчиков, каждый из которых нес по две тарелки вкусного блюда. Было ужасно трудно удержаться и не съесть слишком много. Мы очень сожалели, когда восточное турне подошло к концу. А теперь мы направлялись на юг в Австралию.

Пароход зашел в Дарвин, где нам посоветовали не сходить, я всегда очень сожалел, что последовал этому совету. Надо признаться, с корабля он выглядел не слишком привлекательно, но не так уж много существует мест, которые хорошо смотрятся с борта проходящих кораблей. Один из пассажиров, взошедших на борт, подтвердил сложившееся у нас ложное впечатление. Он

¹ Г а м е л а н — индонезийский национальный оркестр, в который входят главным образом ударные инструменты.

отправился прямо в бар, где принялся хвастать, что подстрелил аборигена. Это повлияло на мое решение перейти в первый класс до конца поездки. Таунсвилл очень отличался от южноавстралийских городов. Он был полутропическим, и свой первый *faux pas*¹ я совершил, когда спросил, хорошая ли у них питьевая вода.

— Ну, мы пьем ее всю жизнь, — гневно сверкнув на меня глазами, ответил владелец отеля.

Обнаружив, что это дождевая вода, стекавшая с крыш по водосточным желобам и хранившаяся в цистернах, я изумился. В городе едва ли было хоть одно кирпичное здание. Театр был очень продуманно построен — он имел раздвигающиеся стены, благодаря этому по вечерам туда поступал прохладный воздух, и вместе с тем не возникало ощущения, будто танцуешь на улице. Отель находился рядом с морем, я утром спросил, можно ли сбегать туда поплавать перед завтраком.

— Да, — последовал ответ, — если вы не возражаете, чтобы ваши лодыжки откусили акулы!

Они просто не знали, что делать с балетными танцовщиками, особенно мужчинами, желающими чаю (австралийская вечерняя еда) в одиннадцать часов ночи, но не хотевшими, чтобы их звали к утреннему чаю в шесть часов утра. О, этот ужасный стук чайной ложки о блюдо и завывание «чай!», врывающееся в сон, казавшийся первым!

К воскресенью хозяйка стала дружелюбнее и спросила, кто из нас хочет поехать на прогулку. Мы увидели озеро с гиацинтово-синей водой, окружающее маленький островок, на котором росло окольцованное камедное дерево, на длинных, простирающихся во все стороны ветках которого, сидели белые и зеленовато-желтые какаду. Это зрелище казалось таким экзотическим и таким далеким от деревянного с железными крышами го-

¹ Промах (фр.).

рода. Нашей хозяйке очень хотелось, чтобы у нас осталось хорошее впечатление.

— Не так уж плохо для провинции, не правда ли? — все время повторяла она.

В театре в Брисбене делали ремонт, и он не был готов, так что Павлова по пути танцевала в городах Квинсленда: в Рокхемптоне, Макее и Бандабурге. Все эти городки очень гордились тем, что первыми принимали Павлову, не только до Брисбена, но и до Сиднея и Мельбурна. В одном месте «театр» представлял собой огромную конструкцию из рифленого железа, а в партере стояли шезлонги. Помню, как в Бандабурге мужчина и женщина заговорили со мной в отеле.

— Мы так благодарны мадам Павловой за то, что она приехала в Бандабург, — сказали они. — Этим она избавила нас от необходимости проехать триста миль!

Они жили на станции с изумительным туземным названием, куда меня пригласили приехать, если у меня будет время.

— Я буду всем досаждать на станции, потому что ничего не понимаю ни в машинах, ни в лошадях!

— Вы во всем разберетесь, если поживете у нас, — последовал любезный ответ.

Брисбен радушно встретил нас отремонтированным переполненным театром. Небольшая группа австралийских артистов встала в очередь в шесть утра, чтобы иметь возможность достать билеты. Мы слышали любопытную историю о том, как Павлова, проявив изрядную дипломатию, уклонилась от гостеприимства какого-то нувориша, специально для нее пристроившего комнату к своему особняку, чтобы она поселилась там во время гастролей. Когда Павловой показывали поместье, ее внимание привлек птичий двор с петухами.

— Извините, невозможно, чтобы я осталась здесь, — сказала она. — Я работаю допоздна, а они так рано просыпаются по утрам.

К концу сезона в репертуар вернулась «Жизель». Я сказал Инид Диксон:

— Замечательно, что ты сможешь в четверг увидеть Павлову в «Жизели».

— Но я не смогу. Я должна прочесть лекцию.

— Отмени или перенеси свою лекцию, ты не можешь это пропустить.

Она так и сделала и всегда испытывала благодарность за совет. Репетиции и прежде были напряженными, а на оркестровой репетиции обстановка сложилась особенно наэлектризованная; мы казались себе абсолютно эмоционально изнуренными. Помню, как во время сцены сумасшествия Павлова остановилась, подошла к музыкантам и сказала:

— Послушайте! Здесь словно звучит шум в голове безумной девушки!

После этого музыка зазвучала совсем по-иному.

Множество людей пришло проводить нас на вокзал; когда поезд отходил, Павлова стояла в открытом вагоне для туристов и, прощаясь, махала рукой. Увидев стоящих там художников, она отстегнула приколотый цветок и бросила его Инид Диксон. Не знаю, понимала ли она, как много значил этот дружеский жест для ее преданных почитателей.

В Сиднее Монте Лук сделал несколько фотографий, Тия Проктер ставила нас в определенные позы. Павлова заметила, будто группа из «Приглашения к танцу» выглядела словно демонстрация мод, но даже она согласилась, что наша с ней фотография из «Кришны и Радхи» стала одной из лучших, когда-либо снятых, поскольку она уловила дух композиции в целом.

Мне все больше и больше нравилась Австралия, каждое воскресенье нас отвозили на пикники — в Балли, в Голубые горы, в Гувертс-Лип. В Мельбурне я познакомился с художницей Эйлин Пирси, с большим пониманием написавшей декорации к «Шопениане». Меня

очень радует, что она продолжала рисовать и писать на тему танца, ее искусство вибрирует движением танца.

В Аделаиде я помню не то, как танцевал, но то, как летал. У Уолфорда Хайдена были друзья на аэродроме, и самые храбрые из нас отправились в свой первый полет. Меня посадили в открытый «Непарник» довольно ненадежного вида и велели не прикасаться к рычагу сбorky. Пока мы взмывали, я держался за живот и за спасательный пояс, почувствовал, что мы круто разворачиваем, поднял глаза и увидел над головой маленькие поля и дома. Испытывая тревогу, посмотрел вниз и увидел небо. Полет вниз головой был только одним из трюков пилота, и весь полет в целом был очень веселым. Неудивительно, почему Павлова с таким ужасом сказала капитану Куту: «Боже мой!», хотя, думаю, она никогда не летала на самолете.

В Перте несколько спектаклей из нашего репертуара были засняты на пленку: «Приглашение к танцу», «Фея кукол», «Дон Кихот» и некоторые сцены из «Жизели». То были всего лишь любительские съемки, но некоторые из них получились довольно хорошо. Однажды вечером после спектакля мы все отправились в кинотеатр на просмотр. Аппарат работал с другой скоростью, чем камера, намного быстрее. В одной части «Приглашения к танцу», во время исполнения *pas de bourgees*, девушки, казалось, катались на роликовых коньках. Затем аппарат отрегулировали, и остальные фильмы выглядели вполне нормально. Тогда конечно же не было звуковых дорожек, звуковое кино только возникало; в действительности именно во время этого сезона в Перте я впервые увидел такой фильм.

Мы были так рады снова взойти на борт корабля и отправиться в долгое и спокойное путешествие домой. На этот раз я заехал в Канди и увидел храм Зуба. Когда мы прибыли в Бомбей, майор Сокхей взошел на борт. Я был счастлив, что мой друг ехал вместе с нами и что

его жена Менака была в Европе и собиралась его встретить в Марселе. Нас всех заинтересовало, что пароход остановится в Порт-Судане, поскольку никто из нас там никогда не бывал. Было ужасно жарко, и Павловой посоветовали не сходить на берег, так что она осталась на борту. Было интересно увидеть легендарные «курчавые головы»¹, их волосы напоминали древнеегипетские парики. Какое же это было пустынное место! Жар волнами поднимался от земли, ослепительно сверкал белый солнечный свет. Единственным кафе был жестяной навес, где подавали тепловатые напитки. Никогда прежде я не видел таких тощих верблюдов — их кости почти выпирали сквозь кожу.

Как и все танцовщики, Павлова всегда собирала информацию о пище, которая давала наибольшее количество энергии. Она спросила совета у Сокхея, какое мясо лучше есть, и он посоветовал печень и почки. На следующее утро Павлова увидела в меню почки на тосте и заказала их. Дандре очень обеспокоился — доктора категорически запретили ему прикасаться к этому блюду.

Мы прибыли в Порт-Саид после полуночи, но город проснулся, чтобы встретить гостей. Мы с Обри Хитчинзом сопровождали на берег полдюжины девушек, тем не менее зазывалы умудрились так, чтобы не услышали девушки, пригласить нас посмотреть выступление обнаженных испанских танцовщиц. Поскольку их слова, прозвучавшие на английском языке, проигнорировали, они попытались обратиться к нам на немецком, итальянском, французском и голландском и только тогда сдались.

Я решил поехать наземным путем и остановиться на денек-другой в Париже. Павлова, услышав о том, что я направляюсь кратчайшим путем в Лондон, попросила меня зайти по приезде в Айви-Хаус и решить, в какой

¹ Презрительная кличка черных африканцев.

цвет покрасить стены ее спальни. Она предпочитала розовато-лиловый. Все мои друзья советовали мне не делать этого, опасаясь, что ей может не понравиться результат. Однако я отправился в Айви-Хаус, раскрасив бумагу различными оттенками розовато-лилового, чтобы посмотреть, какой окажется наиболее подходящим, и выбрал тот, который подчеркивал красоту кремовой мебели, не внося дисгармонию в сочетание с пурпурным ковром. Не знаю, осуществился ли этот план, или же сохранились стены густого кремового цвета.

Глава 15

ПОСЛЕДНЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ

В Париже я встретил Левитова, и он сообщил мне печальную новость о смерти Дягилева. Казалось, совершенно невообразимо думать о мире танца без Дягилева и его великой труппы, — это просто вызывало оцепенение. По приезде в Лондон я решил, что должен подыскать студию, в которой можно было бы жить, и нашел довольно приятную в Блумсбери. Матери не хотелось переезжать из дома; половина мебели была выставлена на аукцион, а многое пришлось раздать. Теперь у меня появилось место, где я мог работать и упражняться, не выходя из дома. Одно время это была «Пещера гармонии», клуб, которым управляла Элса Ланчестер. Вход туда вел через конюшню с тремя ломовыми лошадьми. Прежние жильцы сказали мне, что стены раньше были расписаны фресками художником по имени Берген, занимавшим студию до них. Фрески не сочетались с их старинным фарфором, и они покрыли их темперой. Из-за этого у меня возникло неосознанное чувство, будто я замурован, у меня появились кошмары, во время которых я кричал по-русски, приказывая дьяволу, появившемуся из стены, отправлять-

ся обратно в ад, при этом я всегда забывал слово «ад», помнил только слово «дьявол», но это нисколько не действовало на него. Я просыпался от своего крика, темно-серый цвет ночного неба просачивался в студию, и мама спрашивала с галереи: «В чем дело, дорогой? С тобой все в порядке?» Наверное, она очень пугалась, когда просыпалась от моих криков на непонятном языке.

Когда Менака приехала в Лондон, мы снова стали работать вместе, и она показала мне целую серию движений ног и ритмов, которые ей удалось изучить после нашего концерта в Бомбее. Некоторые из них она включила в поставленный ею новый танец. Однажды пришел Эдмунд Раббра. И исполнил музыкальное произведение, которое он транспонировал или, как я бы сказал, перевел с индусских инструментов на западные. Это было прекрасно сделано, с большим пониманием. После этого мы много работали вместе, иногда к нам присоединялся Наваб Али Кхан, большой авторитет в области индийской музыки, и с одобрением слушал эти «переводы». Он носил наполовину западную одежду: костюм из донегольского твида¹, ачкан и шапочку «Ганди». Мы получили привычное письмо от месье Дандре, извещающее о начале репетиций и о том, что представления сначала состоятся в Голдерс-Грин, Стретем-Хилл и в Борнмуте, прежде чем снова отправимся на континент. Я впервые с тех пор, как присоединился к труппе, встречал Рождество дома, и Павлова впервые осталась на Рождество в Айви-Хаус. К ней на вечер на этот раз пришли только те, кто находился вдали от дома. Английские члены труппы были слегка огорчены: мы хотели заполучить свой рождественский пирог и съесть его, но не могли находиться в двух местах сразу. В канун Рождества в студию принесли огромную корзину

¹ Вид ворсистого крапчатого твида, первоначально выпускался в графстве Донегол (Северная Ирландия).

с фруктами, к ней была прикреплена карточка со словами: «Элджи и его милой маме» и подписано: «*Анна Павлова*».

Рано утром на второй день Рождества, в «день подарков», мы выехали с вокзала Ватерлоо и отправились на первое выступление в Борнмут. К нам присоединилось несколько танцовщиков из труппы Дягилева: Дубровская, Вуйциковский, Язвинский и другие.

— Кто эта хорошенькая девушка? — спросила моя мать, впервые увидев Нину Тарakanову. — Она слишком молода, чтобы путешествовать без родителей.

Мы отправились в Барселону и Мадрид. Барселона была замечательным городом, проникнутым радостной атмосферой. Вилла «Роза» по-прежнему существовала, и мы часто отправлялись туда после представления, чтобы посмотреть танцы фламенко. Мы часто ели в «Караколес». Большая часть труппы время от времени заходила туда, однажды мы встретили там очень застенчивого русского, обедавшего с двумя сеньоритами. Бедняга так смутился, что стал разговаривать с ними по-английски, а с нами по-испански. В один из свободных вечеров нас пригласили посмотреть старые каталонские танцы, нам сказали, будто некоторым из них по тысяче лет. Они казались очень степенными и напыщенными и много теряли от того, что танцовщики не были одеты в костюмы того периода; за исключением одного танца, который исполняли мужчины с колокольчиками, привязанными к икрам и лодыжкам, все остальные казались абсолютно безжизненными. Музыка, однако, была божественной. В свободное время мы посещали Национальную выставку (там был изумительный «Паласио-де-ла-Лус», занимавший центральное место в системе иллюминации выставки, в которой как фонтаны, так и здания были залиты постоянно меняющимися потоками света), Тибидабо и даже выкроили время, чтобы отправиться в Монтсеррат. В Мадриде около полудюжи-

ны танцовщиков командировали в танцевальную школу обучаться хоте. Преподавательница очень строго придерживалась расписания. Нет, она не придет в театр, чтобы кого-нибудь учить, все должны жертвовать своим временем, чтобы прийти к ней, когда ей будет удобно. Маленькая женщина с глазами-брызгами, красным лицом и высоким голосом считала: uno, dos, tres у vuelta¹. Па она демонстрировала с осторожностью, словно у нее под нижним бельем поселился еж. Возможно, ей не нравилось обучать *extranjeros*², во всяком случае, ее уроки были лишены вдохновения, что абсолютно противоречило фотографиям ее благодарных учеников, покрывавшим всю стену. Одну из репетиций посетил Вуйциковский. «Почему вы не прыгаете?» — шепотом спросил он. То, что нам показывали, было лишено высоты полета пули. Кто-то, наверное, рассказал Павловой, как плохо проходят уроки, и занятия прекратились. Во время нашего короткого пребывания произошли некоторые волнения. Все мы получили письма из дома, наши родители выражали надежду, что дети не пострадали во время революции! Иванова в действительности сидела в парке на полуденном солнце и читала в то время, в которое, по официальному сообщению, произошло настоящее сражение. Я должен признаться, однажды днем в течение нескольких минут слышал довольно громкие крики, но считал, что это кричат мальчишки-газетчики, хотя обычно они оповещали о своем появлении с помощью свирелей. По-видимому, какие-то демонстрации проходили, но стрельбы явно не было. Однажды вечером театр загорелся, но больших повреждений не произошло. Единственным последствием было то, что затянулся антракт, а нам приходилось передвигаться с осторожностью, чтобы не зацепиться за шланги по дороге из гримерной на сцену.

¹ Раз, два, три и поворот (*исп.*).

² Иностранцы (*исп.*).

Из Мадрида мы переехали в Марсель, где танцевали в муниципальном театре «Театр Мюнисипаль», хорошем и современном, но мужские артистические уборные находились далеко от сцены. Однажды мы посетили церковь Нотр-Дам-де-ла-Гард, находившуюся так высоко, что ее было видно в море издалека. Наверху мы встретили Павлову, которая бросила какую-то реплику по поводу высоты лестницы.

— Примерно такая же, как та, что ведет в нашу уборную, — ответил я.

Мои коллеги были шокированы этим замечанием, наверное, сочли, что оно прозвучало слишком колко. Спускались мы на полуразвалившемся подъемнике с фуникулером, и каждый фут пути, казалось, угрожал смертью. По дороге в театр я встретил женщину самого дикого вида, никогда в жизни не встречал ничего подобного. Она напоминала Электру Штрауса. Подойдя поближе, я увидел, что она ведет медведя. Это была настоящая цыганка, а не просто бродячая актриса.

Мы поехали в Канн, восхитительно выглядевший в феврале. Павлова как-то днем увидела меня без пальто и предостерегла: «Берегитесь, внезапно может налететь мистраль».

А на следующий день я едва спасся от внезапного порыва ветра, который обрушил камни на стеклянный портик служебного входа, и стеклянный ливень посыпался вокруг, когда я входил. Как мне удалось пройти и не получить ни единой царапины, остается тайной. Некоторые бывшие танцовщики дягилевского балета находились в Монте-Карло и приехали в Канн посмотреть наши спектакли. В выходной день мы отправились в Монте-Карло и по дороге назад заметили в поезде Павлову и Дандре. Мы постарались не попадаться им на глаза, так как купили билеты третьего класса, но мы бы возмутились, если бы руководство труппы отправило нас куда-либо третьим классом, за исключением

Англии. Мы поехали в Лион, а затем снова в Швейцарию, в Германию, в Прагу и обратно в Германию. Помню, в Мюнхене аплодисменты в конце программы были столь бурными, что не прекратились даже после того, как опустился железный занавес. Центральная дверь в занавесе не была закрыта, и нам с Павловой пришлось выйти на последний поклон.

Еще один эпизод, но иного рода, связанный с железным занавесом, произошел во время этого турне, когда мы выступали в Королевском оперном театре в Стокгольме. К концу первого балета «Фея кукол» за кулисами стали раздаваться зловещие перешептывания; когда он закончился, зазвучали беспорядочные аплодисменты, а затем опустился железный занавес. Через маленькую дверь вышел директор и произнес речь, из которой мы поняли только одно слово «телеграмма». По залу пронеслось громкое «ах», и словно прокатился гром, когда весь зал дружно поднялся. В телеграмме сообщалось о смерти королевы Швеции, произошедшей в Италии. Мы в своем кукольном гриме, казалось, тотчас же приобрели нелепый вид, когда на сцену прокралось холодное присутствие смерти. Витрины магазинов на следующий день приобрели траурный вид, но никогда в жизни не видел я столь яркого траура. Все было выдержано в черных и пурпурных тонах — аптекари нашли черные бутылочки для духов и черное мыло, кондитеры создали водовороты черного бархата, освещенного блюдами с конфетами в форме фиалок, а один большой универмаг выставил на видном месте роскошные женские фигуры, задрапированные в черное кружево. Спектакли были перенесены в «Концерт-Хаус», а затем перед отъездом мы снова танцевали в Королевской опере перед теми же зрителями, которые были там прежде.

Наш сезон в Копенгагене снова имел успех. Мне предоставили привилегию осмотреть весь Королевский

оперный театр. Как и в Королевской опере в Стокгольме, полы его репетиционных залов имели такой же наклон, как и сцена. Меня очень позабавило, когда мне показали место, где влюбленные прятались за занавесом в абсолютной безопасности, ибо никому не пришло бы в голову разыскивать их там. Мы вернулись в Германию, где состоялся наш сезон в Гамбурге. К моей величайшей радости, к труппе на все оставшееся турне присоединилась Катрин Хаттер, мой большой друг. Из Гамбурга мы отправились в Париж, где должно было закончиться турне.

Там находилась Менака, и после «Восточных впечатлений» Павлову, Менаку и меня сфотографировали вместе. Нас фотографировали со вспышкой, и, увы, мой голубой грим Кришны на снимке вышел белым, это выглядело ужасно, и я испытал горькое разочарование. Танец «Абхинайя нритья» был включен в дивертисмент, и я очень гордился тем, что мне предоставили возможность станцевать его в Париже. Он исполнялся в последний вечер, а «Русский танец» был самым последним номером, и это означало, что я должен быстро переодеться. Раскланиваясь рука об руку с Павловой, я почти не думал о том, что это ее последнее выступление в Париже. Когда я собирал вещи после спектакля, в артистическую уборную вошел Ван Римсдейк и воскликнул:

— Что за окончание турне! Никакой вечеринки, никто никуда не идет! Давайте, ребята, поторопитесь, мы должны куда-нибудь поехать и поужинать вместе.

Итак, он, Хитчинз и я поспешно вышли из театра, поймали такси и помчались в «Ла Купол» на Монпарнас. Не знаю, чья это была идея поехать туда. Когда я вышел, то увидел в отдалении призрак, что-то вроде живого трупа с огромными тенями под глазами в берете, темно-синем плаще с красным шарфом. «Подобное существо можно увидеть только в Париже», — подумал я,

заметив, что он движется в мою сторону. Еще несколько шагов, и, к своему полному смятению, я обнаружил, что это зеркало, — за труп я принял свое собственное усталое лицо, а тени проступили оттого, что я второпях плохо смыл грим.

Во время отпуска в том году я станцевал в «Гайавате» в «Альберт-Холле». И это меня буквально окрылило, несмотря на то что индейские воины и скво Королевского хорового общества не запомнили рисунок моего танца, когда я исполнял роль По-Пок-Кивиса; а если бы я «прыгнул в гущу собравшихся гостей», то обнаружил бы, что приземлиться негде, разве что на других гостей! Восторг, охвативший членов Королевского хорового общества, был воистину заразительным. Среди них выделялась одна женщина, явно обладавшая вдохновением, которая, казалось, умела носить индусскую одежду. Я выяснил, что это Аврил — дочь Коулриджа Тейлора. Мы стали добрыми друзьями. Было так странно танцевать в атмосфере столь чуждой Русскому балету, но, пожалуй, самой странной казалась мысль о возможности принять ванну в «Альберт-Холле». Она была сделана не для артистов, истопники установили ее для себя, но, прослышав о том, что артистам приходится раскрашивать себя для «Гайаваты», они любезно предоставили свою ванну в наше распоряжение.

В качестве балерины выступала Филлис Биделс. Каким изумительным *batterie* она обладала! Ее *entrechat-six* были видны из любой части круглого зала, если она выступала на арене, настолько точно они были очерчены.

Репетиции снова начались в августе; сразу по приезде в Англию мы узнали, где пройдет турне. Маршрут был напечатан на обратной стороне программ праздничных концертов. Павлова посетила один из них, прежде чем отправиться в отпуск.

— Чувствую себя рабыней, когда вижу подобное в программе сразу по возвращении из Парижа, — сказала она мне.

Она так редко жаловалась.

Глава 16

ФИНАЛ

Наше английское турне 1929–1930 годов открылось в новом театре «Эмпайр» в Саутгемптоне; там была превосходная сцена и артистические уборные, ваннные и душевые — роскошный театр. Многие члены труппы во время этого турне впервые останавливались в «театральных квартирах». Они были очень разными, и многие иностранные члены труппы сочли их более чем странными. Мне повезло, так как удалось найти нужные адреса у друзей, хорошо знавших Англию. Обычно я неплохо устраивался, за исключением тех мест, где цена балетного танцовщика, пользующегося международной известностью, бледнела в глазах тех, кто привык обслуживать самых высокооплачиваемых танцовщиков местного мюзик-холла. Вот неожиданно полученный материал для книги о причудах английского снобизма.

В труппе появились новые лица: восхитительный датско-американский танцовщик Пол Хаакон и Силвия Фиппс, отличавшаяся редким изяществом танца. Павлова рассказала мне, что когда мать Силвии привела дочь на просмотр, то пожаловалась Павловой на свои затруднения, возникшие у нее в некой ассоциации преподавателей танца, отказавшейся выдать ей преподавательский сертификат, поскольку она не принадлежала к «единственно правильной школе». Павлову обескуражила подобная ограниченность.

— Как они смеют утверждать, будто существует только одна правильная школа, Эдджи? — возмущалась

она. — Существует хорошая русская школа, хорошая французская школа и хорошая итальянская школа, все они правильные! И я сказала: «Мадам, я выдам вам свой сертификат — я приму вашу дочь в свою труппу!»

Несколько месяцев спустя я, стоя за кулисами, смотрел, как Силвия танцует «Осенние листья», и Павлова, наблюдавшая за ней, сказала:

— Эта девочка танцует именно так, как мне нужно. Иногда на обучение уходит более двух лет, но эта уже готова.

Когда мы выступали в Ливерпуле, Павловой пришлось вернуться в Лондон, так как против нее возбудила дело мать той девушки, которую уволили в результате сплетни во время поездки в Сингапур. На обратном пути ее поезд опоздал из-за тумана, и мы думали, что Павлова пропустит спектакль. Она опоздала к началу, но успела к своему выходу в «Приглашении к танцу». Первый раз я увидел, как она танцует без предварительной подготовки, но, несмотря ни на что, она танцевала прекраснее, чем всегда. Зрители знали из газет, откуда она приехала, и встретили ее выход бурными аплодисментами.

Во время репетиции в день нашего приезда в Бирмингем мы увидели, как по сцене идет группа мрачных людей в унылых старомодных костюмах. Нам было интересно знать, кто они такие; когда мы в тот же вечер пошли за увитыми гирляндами жезлами для «Польской свадьбы», то обнаружили, что они похожи на выброшенные на помойку щетки для чистки раковин. Мрачная группа оказалась Наблюдательным комитетом, производившим личную инспекцию с целью проверки, чтобы не было ничего огнеопасного, и гирлянды погрузили в какой-то химический препарат, вместе с огнеопасностью они утратили и былую красоту. Кроме нашей труппы я не встречал никого, кто мог бы похвастаться тем, что видел весь Наблюдательный комитет в действии. Ка-

кое вдохновение можно было почерпнуть у них для филистеров в «Карнавале»! Как мы восхитились Джорджем Роуби, когда до нас дошел слух о его замечательной идее надеть чулки на ножки рояля во время выступления в Бирмингеме, потому что во время наших выступлений «Анитру» заставили надеть трико и сандалии! Громкие протесты в национальной и местной прессе по поводу этих условных норм поведения показались каплей в море по сравнению с этой безмолвной насмешкой.

Но вдруг наступили перемены. У месье Дандре возникли затруднения с заключением выгодных зарубежных контрактов для труппы. Все хотели видеть Павлову и ставили условием, чтобы она непременно исполнила «Лебедя» и еще один-два любимых балета, но лишь немногие дирекции могли гарантировать минимальное количество выступлений для нашей сравнительно большой труппы. После английского турне должно было состояться турне по континенту, но Дандре и Павлова решили, что смогут взять с собой лишь небольшую группу. После долгих раздумий они решили, что не станут возобновлять контракты с несколькими танцовщиками, которые уже давно выступали с труппой, поскольку им будет легче найти новую работу, чем молодым неопытным танцовщикам. Меня включили в число тех, кому придется покинуть труппу, и хотя сердце мое разрывалось при мысли, что мне придется покинуть мадам, я понимал, что мне предоставляется лучшая возможность развивать собственные сольные партии вне такой большой труппы и я наконец-то смогу сосредоточиться на изучении современного танца. Я создал компанию с Деррой де Моррода, превосходной характерной танцовщицей, и с легкостью нашел контракты и преподавательскую работу.

Но пока турне продолжалось. Мне льстило, когда многие из моих коллег говорили: «Как они будут обходиться без тебя?» Но я не думал, что успех труппы

во многом зависел от меня. После короткого турне по Шотландии мы отправились обратно в Лондон, всю неделю давая одноразовые представления. Помню одно представление, когда в программу был включен гопак, но я немного сомневался по поводу своего колена. Я подошел к Павловой и спросил, нельзя ли мне будет вместо него исполнить свое японское соло «Якко-сан». Но ей хотелось, чтобы в тот вечер непременно исполнили гопака, ей казалось, что это необходимо для того, чтобы сбалансировать программу.

— Сделай это, пожалуйста, для меня, Элджи, — добавила она.

Я конечно же не мог отказать, и очень рад, что исполнил ее желание, поскольку эта была последняя просьба, с которой она обратилась ко мне.

Неделя выступлений в «Ипподроме» в Голдерс-Грин завершила турне. Грядущие перемены неминуемо приближались, и я спросил, можно ли мне будет купить кимоно и музыку для своих японских танцев. Их мне отдали, а когда я пришел поблагодарить Павлову, она сказала:

— Почему ты благодаришь меня, Элджи? Они твои.

Мы вместе танцевали «Русский танец» каждый вечер в первую половину недели, и я сохранил на память красный платочек Павловой. Во вторую программу входила «Тщетная предосторожность». До чего же юной выглядела Павлова! Ее окружали девушки лет на тридцать, если не больше, моложе ее, но она казалась моложе их всех.

В последний вечер сезона, когда я закончил «Абхинайя нритья» (финальной позой которого была поза Шивы Эллора в качестве Натараджи¹), мне поднесли от Павловой огромный позолоченный лавровый венок с лентами, символизирующими цвета России, — крас-

¹ Натараджа («царь танца») — одно из имен бога Шивы.

ной, синей и белой. Мне вообще-то не нравится, когда на сцене подносят венки, но этот был настолько красивым, что я не смог отказаться. Я отправился в свою уборную и стал собирать вещи, готовясь к отъезду. Коллеги заходили попрощаться, и наконец пришло такси, чтобы отвезти меня на ужин в Айви-Хаус. Это был на удивление веселый вечер. Павлова радовалась тому, что турне закончилось, и предвкушала, что проведет месяц на юге Франции. На вечере присутствовало около дюжины человек. Мы начали с водки и закусок, и Павлова поддразнивала нас, утверждая, будто мы не сможем пройти прямо по полированному полу в столовую, и заставила нас идти впереди нее, чтобы проверить. Она выглядела особенно прелестно в платье из бежевого кружева. За ужином я сидел рядом с ней, и, казалось, ее очень радовало, что мне нравится русская кухня. Она сказала мне, что накануне вечером у нее был сэр Пол Дьюкс, и ему понравилась русская кухня. Когда мы вышли из-за стола, Павлова, заметив мой венок, стала поддразнивать меня за то, что я его сохранил.

— У кого-то есть Kranz¹, у кого есть Kranz? — спросила она улыбаясь.

— Большое спасибо, мадам, это Kranz, который вы мне прислали.

— Ах, у Элджи есть Kranz.

Около часа ночи вечеринка закончилась. Нужно было пораньше лечь, поскольку Павлова уезжала утром. Она вынесла подарки для тех, кто покидал труппу, мне она подарила бумажник из муарового шелка. Открыв его дома, я обнаружил в нем стофунтовый банкнот. Прощаясь с ней, я выразил надежду, что время пролетит быстро и я увижу ее, как только она вернется из своего турне по континенту. Затем вышел в темную декабрьскую ночь и отправился через Хит и Риджент-Парк в

¹ Венок (нем.).

свою студию на Гауэр-стрит. Было так странно думать, что я больше не член труппы, с которой проработал девять лет, почти десять. Еще до того, как я присоединился к труппе и был всего лишь одним из многочисленных зрителей и почитателей, я поместил Павлову очень высоко на вершину, и за все то время, что я знал ее, она ни разу не разочаровала меня.

Почти сразу же я приступил к репетициям с Деррой де Моррода; было необходимо поставить и разучить танцы, сделать костюмы и подобрать музыку. Дерра научила меня венгерскому танцу, который привезла из Будапешта, а я поставил для нас с ней «Викторианскую польку». Борнмутский фестиваль, на который нас пригласили, должен был начаться примерно за неделю до открытия гастролей труппы Павловой в Гааге. В понедельник, на второй неделе, у часов, которые подарила мне Павлова, сломалась пружина. В вечерней газете появилось сообщение, что Павлова заболела инфлюэнцей и не смогла танцевать. Я сразу же понял, что произошло нечто серьезное, — Павлова всегда танцевала, не смотря на инфлюэнцу, просто не обращала на нее внимания. Я тотчас же написал ей, желая скорейшего выздоровления. Пришло сообщение, что ей стало хуже. У меня возникло какое-то странное суеверное чувство, что, если часы починят, ей станет лучше. Каким фантастическим все это кажется сейчас! Затем однажды ночью мне приснилось, будто я был в театре, готовился к «Восточным впечатлениям», в уборную принесли программки, как это обычно бывает перед каждым спектаклем. Я взглянул и увидел «Кришна и Радха»:

Кришна — Г. АЛЬДЖЕРАНОВ
Радха

— Как странно! — воскликнул я. — Я мог бы понять, если бы забыли поместить мое имя в программе, но как они могли забыть мадам?

Хозяйка зашла ко мне утром, принесла поднос с чаем и мягко сказала:

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, сэр.

— Знаю, — ответил я, пробуждаясь от пророческого сна.

В моей студии в Лондоне маленькая фигурка Кали таинственным образом упала с полки и, разбитая вдребезги, лежала на полу. Мне хотелось укрыться где-нибудь в темноте наедине со своим горем, и я был благодарен судьбе за то, что не нахожусь вместе с труппой, мне казалось, я не перенес бы, если бы мне пришлось скорбеть вместе со всеми. Миниатюристка Мэри Стюарт, жившая в Борнмуте, стала для меня милосердным ангелом, делая все, что только было в человеческих силах, чтобы утешить меня. Давид Латов и Дерра тоже проявляли удивительную доброту. Я взял себя в руки и танцевал в тот вечер, потому что чувствовал, что Павлова ожидала бы от меня именно этого. «Будь сильным, будь артистом» — таков был ее наказ. По иронии судьбы в тот вечер я впервые исполнял свою новую версию «Русского танца». Казалось, весь зал был освещен присутствием Анны Павловой. Меня чрезвычайно растрогало, когда на следующий день мне позвонил директор старого «Уинтер-Гарден».

— Я думал о вас, — сказал он. — Я всегда был так благодарен мадам Павловой за то, что она посмотрела, как танцует моя маленькая девочка.

Похороны должны были состояться на следующей неделе, а в воскресенье мне пришлось ехать в Торки. Там ко мне подошел один из рабочих сцены и сказал:

— Вы были здесь с Павловой. Помню, как она упражнялась, держась за эту железную лестницу, и я сказал ей: «Вам не следует держаться за нее, мадам, не то получите ревматизм». Я принес тряпки и обмотал ими лестницу. А когда она ушла, то специально прислала своего менеджера, чтобы поблагодарить меня.

Подобные воспоминания продолжали достигать моего слуха в течение многих лет, словно эхо ее фразы: «Я танцую не для критиков, но для тех, кто беден, или для тех, кто болен, или для тех, кого терзают заботы, или для тех, у кого кто-то болеет дома».

Я отправился в Лондон ночным поездом, чтобы попасть на похороны. Моя мать наилучшим образом утешала и поддерживала меня в эти трагические дни. Я пришел в русскую церковь, присоединил свои цветы к большому холму цветочных подношений вокруг гроба — все это как во сне. Море лиц в переполненной церкви, запах ладана, зажженные свечи в руках, изумительное пение хора и монотонное чтение молитв священниками — все это наполняло чувством пустоты, и все же это единственное, что оставалось сделать. Труппа все еще находилась в Голландии, но многие из бывших ее членов пришли сюда. Из Парижа приехал Волинин, помню, что видел Джульет Джарвис, Обри Хитчинза и Джоун Уорд. Охваченный горем, я поспешил к своей учительнице Анне Пружиной, большому другу Павловой, она проявила понимание и постаралась, как могла, утешить. Затем я увидел бедного Виктора Эммануиловича Дандре, представлявшего собой безмолвную трагическую фигуру, он держался с присущим ему благородством. Он приветствовал меня как отец сына, я едва смог вынести, когда он пробормотал: «Судьба обернулась против нее, когда она стала танцевать без тебя». К счастью, мне не пришлось ехать в Голдерс-Грин, я должен был вернуться в Торки на спектакль. Мне дали книгу, чтобы почитать в поезде, «потому что она о Кришне». Однако она оказалась на тему вечной жизни, я уверен, что давший ее даже не подозревал, какое утешение она мне принесет. Среди сочувственных писем, которые я получил от своих друзей, было и письмо от Руби Фарли Льюиса, отозвавшегося о Павловой как о человеке, «оставившем после себя волну

красоты, которая будет трепетать во все времена». Последней мыслью Павловой была мысль о труппе. «Что будет с ними?» — спрашивала она. Я долго поддерживал связи со многими из них, и некоторые из нас впоследствии танцевали вместе в «Русских классических балетах» со Спесивцевой, когда их директором был Дандре. Большинство английских членов труппы, которых так любила Павлова, остались моими близкими друзьями. Многие из них стали преподавателями и разъехались по всему миру, они работают в Лондоне и различных частях США. Никто из тех, кто общался с Павловой, даже короткое время, никогда не мог забыть вдохновения, вызванного этим контактом. Бывших членов труппы Павловой нельзя назвать большими балетоманами. Хотя они способны восхищаться хореографической композицией, изобретательностью декораций, освещением, сценическими эффектами, но им трудно угодить качеством танца. Они суровые и строгие критики, потому что видели величайшую танцовщицу всех времен и работали с ней.

Павлова всегда присутствует в их воспоминаниях, когда они танцуют или обучают. Часто они не пользуются популярностью, поскольку многих танцовщиков встречают довольно холодно; а когда они выражают свое мнение по поводу жалкой статуи в саду Айви-Хаус, их называют истеричными.

Никакие музеи или выставки не могут воскресить такие сиюминутные виды искусства, как танец, пение или актерская игра. Они могут нам показать только портреты, костюмы, рукописи, эскизы, заметки, макеты декораций — пустые раковины, которые показывают нам, чем пользовались артисты, но не рассказывают, как они это делали. Они способны напомнить только тем, кто это видел, об искусстве, некогда обитавшем в этих раковинах, они способны разжечь огонь воображения в молодых артистах и учащих, но не способны удержать

милолетное искусство живого театра, ибо для будущих поколений, особенно в балете, традиция — это живая связь искусства. Кино кое-что сделало для того, чтобы увековечить искусство Павловой. В 1925 году был снят «Бессмертный лебедь» с тем, чтобы собрать все существующие материалы под одним заголовком. Ему предшествовал отрывок из «Шопенианы» в исполнении бывших танцовщиков труппы, а балетмейстером был я. Хотя фильм и содержал многие знаменитые дивертисменты Павловой: «Лебедь», «Стрекоза», «Калифорнийский мак», «Ночь» и замедленные съемки «Рондино», но материал был экспериментальным, порой полностью любительским, и давал лишь слабое представление о великолепном уровне ее искусства. Копии этого фильма таинственным образом исчезли. По-видимому, их послали в какое-то безопасное место во время войны, но после смерти месье Дандре никто не мог сказать куда. Возможно, они погибли вместе со многими вещами, принадлежавшими Павловой, во время бомбежек Лондона. Все, что нам осталось, — это экспериментальные фильмы, недавно обнаруженные в архивах студии Дугласа Фербенкса.

Многие люди спрашивали, была ли счастлива Павлова. Ни один наделенный чувствительностью артист не бывает подолгу счастлив, а Павлова особенно глубоко переживала из-за того плачевного состояния, в которое попало большинство ее соотечественников. Она достигла славы как актриса Императорского театра, а покинув Россию, приобрела и мировую славу, у нее была обожавшая ее собственная труппа, прекрасный дом в Лондоне и преданный муж. Она была сравнительно богата, но находилась в изгнании. Сначала война 1914 года, а затем революция отрезали ее от родины, которую она так искренне любила. Ее мать смогла приехать в Англию только один раз всего на три недели в 1924 году, а в конце этого срока вынуждена была вернуться, чтобы

сохранить дом, который иначе был бы конфискован. Как нервничала балерина во время того утренника в «Уинтер-Гарден» в Борнмуте, когда ее мать впервые за десять лет пришла посмотреть, как она танцует, и как счастлива она была оттого, что мать осталась ею довольна. Невозможность вернуться на родину была для нее тяжелым испытанием. Труппа и основанный ею приют для сирот были ее семьей, а любой русский беженец — ее близким родственником. Ее счастье было подобно счастью ребенка, ее мог сделать счастливым вид птицы или цветка, и, подобно ребенку, она легко переходила от счастья к отчаянию, она была неспособна к компромиссу.

Как мне хотелось бы, чтобы все, с кем я танцевал и кого учил, могли видеть, как танцует Павлова, ибо танец Павловой был значительнее и богаче, чем танец большинства других танцовщиков. Целый мир техники, где многие танцовщики проводят целую жизнь и так и не видят горизонта, для Павловой остался далеко позади. «Труднее всего просто танцевать», — говорила она. Техникой можно овладеть, впитать в себя и забыть о ней. Она существовала не ради самой себя, но использовалась как инструмент для создания танца. С его помощью художница Павлова строила свое крепкое и изящное здание, которое могло сохраниться только в памяти. Ее не удовлетворял репертуар балетов в старом русском стиле. Ее танцевальный диапазон был необычайно большим, ибо кто еще из русских классических танцовщиков исполнял мексиканские или индийские танцы с таким абсолютным пониманием их языка. В каждом уголке мира Павлова искала новый материал. Она только сожалела, что в Англии, которую она так любила, были так слабо развиты народные танцы, поскольку считала, что они помогли бы пониманию танца в театре. Есть люди, которые сомневаются, смогло ли бы ее искусство существовать в наш век, когда домини-

руют кино и телевидение, я же абсолютно уверен, что, если бы Павлова, неизвестная нам, появилась в театре «Палас», как когда-то в 1910 году, Лондон снова оказал бы ей такой же сердечный прием, как и прежде, опять выстроились бы очереди на спектакли, и балет под воздействием ее гения снова получил бы изумительный импульс. Только те, кто ее знал и с нею работал, сохраняя преданность ее идеалам, могут передать отблеск красоты ее искусства тем, кто никогда не видел ее. Слова бессильны описать это чудо. Ее пример, ее упорство, ее преданность своему искусству и зрителям, ее постоянный интерес к танцу во всех его проявлениях, то, как она всецело отдавала себя, — все это делает ее величайшей театральной актрисой. Я никогда не смогу в полной мере выразить свою благодарность за дарованное мне вдохновение в искусстве и в жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Начало</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. Я вхожу в состав труппы</i>	<i>14</i>
<i>Глава 3. Мое первое заграничное турне</i>	<i>35</i>
<i>Глава 4. От побережья к побережью</i>	<i>53</i>
<i>Глава 5. Праздник цветов</i>	<i>85</i>
<i>Глава 6. Восточные впечатления</i>	<i>116</i>
<i>Глава 7. Новые турне, новые балеты</i>	<i>140</i>
<i>Глава 8. Мое первое европейское турне</i>	<i>172</i>
<i>Глава 9. Южная Африка</i>	<i>181</i>
<i>Глава 10. Австралия и Новая Зеландия</i>	<i>186</i>
<i>Глава 11. Снова Европа</i>	<i>205</i>
<i>Глава 12. Все еще Европа</i>	<i>228</i>
<i>Глава 13. Южноамериканская интерлюдия</i>	<i>235</i>
<i>Глава 14. Снова Восток и острова Антиподов</i>	<i>239</i>
<i>Глава 15. Последнее европейское турне</i>	<i>267</i>
<i>Глава 16. Финал</i>	<i>275</i>

Харкурт Альджеранов

АННА ПАВЛОВА

*Десять лет из жизни звезды
русского балета*

Ответственный редактор *Л. И. Глебовская*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Н. В. Травкина*

Корректоры *Т. В. Соловьева, Т. В. Вышегородцева*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 22.12.2005

Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская

Гарнитура «Бажановская». Печать офсетная

Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 13,68 + 1 альбом = 14,55

Тираж 6000 экз. Заказ № 54

ЗАО «Центрполиграф»

125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Анна ПАВЛОВА

Десять лет из жизни
звезды русского балета

Анна Павлова... Это имя до сих пор символизирует прекрасное, вдохновенное искусство танца. Самая знаменитая балерина своего времени с десяти лет училась балету в Петербурге, делала карьеру в Мариинке. Легендарные дягилевские «Русские сезоны» принесли ей мировую славу.

«На танец я всегда пыталась накинуть воздушное покрывало поэзии», — говорила она о себе. Божественная Анна влюбила многих именно в русский балет, она смогла воплотить в нем известную пушкинскую формулу «душой исполненный полет».

Павлова создала собственную труппу и гастролировала по странам Европы, Америки и Азии. «Лебедь», «Бабочка», «Стрекоза», «Калифорнийский мак» — немеркнущие павловские шедевры. Знаменитый «Лебедь» или, как стали говорить потом, «Умиравший лебедь» был поставлен для нее Михаилом Фокиным, как и волшебная, незабываемая «Шопениана».

О десяти последних годах жизни великой балерины вспоминает известный английский танцовщик, член ее труппы.

ISBN 5-9524-2095-8

ЦЕНТРОЛИГРАФ®